

Георгий Мартынов Каллистяне

ЧАСТЬ 3. ЗЕМЛЯ-КАЛЛИСТО

Открылась бездна звезд полна;

Звездам числа нет, бездне дна.

М. Ломоносов

ГЛАВА 1.

В ПУСТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

За долгие тысячелетия разум человека привык к факту существования Солнца. Представить себе мир, не имеющий Солнца, очень долгое время казалось невозможным. Ночь не давала такого представления, так как человек знал, что Солнце все-таки существует, хотя временно и невидимо.

Потом человек узнал, что есть в мире места, где Солнце не светит, но он представлял их себе чисто отвлеченно. На Земле таких мест не было, а удалиться от нее человек не умел. Мир без Солнца был миром теоретическим, доступным только разуму, а не чувствам человека Земли.

И вот Солнце исчезло! Оно стало во всем подобно другим звездам, окружившим звездолет Каллисто со всех сторон. Его даже трудно было найти на небе, усеянном бесчисленным количеством таких же блестящих точек, как и оно.

Так слабо светило лучезарное Солнце Земли, что на него можно было смотреть через оптические приборы корабля совершенно так же, как и на любую другую звезду.

Это было так странно, так противоречило вековому опыту человека, что Георгий Николаевич Синяев, привыкший как астроном к мысли, что Солнце обыкновенная звезда, с трудом мог убедить себя в том, что слабая звездочка, которую он видит в окуляре, действительно то самое Солнце, возле которого, где-то совсем близко, находится его родная планета, неразличимая на таком расстоянии.

Вид неба поразительно изменился. Ни одного из знакомых с детства созвездий не было видно. Все звезды изменили свое положение, «перепутались», и он с изумлением убеждался, что не может найти ни одной из них. Вернее, не мог найти в первое время. Теперь, когда прошло семь месяцев полета, с помощью Вьеньяня Синяев научился находить так хорошо ему знакомые прежде звезды в их новом расположении относительно друг друга.

Но, как это ни странно, Солнце «терялось» для него чаще других звезд. Труднее всего найти на небе было именно его.

Это непонятное обстоятельство долгое время оставалось загадкой для Синяева, но, когда в одной из бесед Вьеньянь рассказал ему, что после отлета с Каллисто испытывал то же самое затруднение относительно Рельоса, молодой астроном понял причину. При отыскании любой звезды он мог немного ориентироваться по расположению Млечного Пути, который с борта корабля имел точно такой же вид, как и с Земли, а видеть Солнце относительно этого Млечного Пути ему никогда прежде не приходилось. Оно всегда казалось обособленным от других звезд, не имеющим с ними никакой связи. Смотреть на Солнце как на звезду надо было привыкнуть.

Но если находить Солнце и звезды было трудно, то изучать их с помощью многочисленных и совершенных приборов астрономической обсерватории звездолета было наслаждением. Абсолютная пустота за бортом создавала идеальные условия, о которых астрономы Земли могли только мечтать.

Синяев работал с увлечением, до минимума сократив часы отдыха.

Он делал это не только из научной любознательности. Работа помогала бороться с мыслями о Земле, об оставленных на ней близких людях. Он понимал, как мало шансов застать по возвращении отца и мать живыми, и хотя ни минуты не раскаивался в своем решении лететь на Каллисто, думать о родных было тяжело и трудно.

То же самое происходило и с Широковым. Он был одинок, у него не осталось на Земле любимой семьи, но разлуку с родной планетой он переживал, пожалуй, еще тяжелее. Единственное, чем он мог заняться, были переводы на каллистянский язык взятых с собой книг, а здесь все – каждая строчка, каждое слово – напоминало покинутую Землю, все говорило только о ней.

Петр Аркадьевич, подобно своему другу, работал «с утра до ночи».

Каллистяне с неизменным радушием и заботливостью относились к своим гостям, всеми силами стараясь помочь им справиться с тоской, понимая, как тяжел именно первый год разлуки с родиной. Они сами пережили точно такое же состояние, когда корабль удалялся от Каллисто, двадцать два земных года тому назад.

Звездолет находился в пути уже восьмой месяц по земному счету. Почти два триллиона километров отделяло его от Солнца и Земли. Медленно и постепенно увеличивая скорость, он летел сейчас с непостижимой для ума быстротой, каждую секунду оставляя позади свыше ста девяноста тысяч километров.

Беззвучно и непрерывно работали могучие двигатели корабля, прибавляя к его скорости девятьсот шестьдесят четыре километра каждые сутки. (То есть каждые двадцать четыре часа. Суток, в обычном понимании этого слова, на корабле, конечно, не было.) Ускорение, а следовательно, и сила тяжести, равнялось десяти метрам в секунду, и экипаж чувствовал себя так же, как на Земле или Каллисто. Еще четыре месяца двигатели будут работать, а затем звездолет как небесное тело будет двигаться по инерции. Только на расстоянии трех триллионов четырехсот тридцати двух миллиардов километров от Рельоса двигатели снова заработают, чтобы так же постепенно замедлить скорость.

Широков и Синяев уже настолько хорошо овладели каллистянским языком, что могли говорить со своими хозяевами на любую тему. Наконец-то они смогли задать вопрос, так сильно интересовавший ученых и инженеров Земли: что давало силу двигателям корабля, что служило для них «горючим»?

Ответ не был неожиданным.

Ученые Земли пока еще в принципе, но уже представляли себе конструкцию мезонной ракеты и те возможности, которые она открывает для астронавтики. Было только неясно, как получать струи античастиц, где хранить антивещество, чтобы не происходило аннигиляции.

Каллистяне все это знали. Но их мезонная техника настолько опередила представления о ней людей, что не было ничего удивительного в том, что Смирнов и Манаенко, занимаясь на Земле изучением двигателей звездолета, так и не поняли, что перед ними не атомный, а мезонный двигатель. К тому же каллистяне из вполне понятных опасений не допускали земных ученых туда, где хранилось антивещество. Звездолет каллистян был мезонным и атомным одновременно. Для полета на малой скорости вблизи Земли и в ее атмосфере каллистяне пользовались атомной энергией, а в межзвездном пространстве переключали двигатели на мезонную. Но отражающего рефлектора на корабле не было. От чего отражалось мощное излучение, создаваемое аннигиляцией, для Широкова и Синяева так и осталось неясным. Это была техника, еще не доступная пониманию землянина.

За семь месяцев они привыкли к кораблю и чувствовали себя на нем как дома. Люди Земли жили одной жизнью (вернее, старались жить) со своими хозяевами.

Это было нетрудно. Каллистяне обладали поразительной чуткостью и, казалось, понимали самые тонкие оттенки мыслей и настроений своих земных друзей. Ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь из каллистян навязывал свое общество, когда по той или иной причине люди хотели остаться одни. Каллистяне безошибочно угадывали такие мгновения, точно обладали способностью читать мысли.

Первое время, да, пожалуй, и все десять месяцев пребывания звездолета на Земле, люди

с трудом отличали одного каллистянина от другого. Они все казались «на одно лицо». Теперь Широков и Синяев отличали их так же легко, как своих земных друзей и знакомых. Им было странно вспомнить, что они могли раньше не замечать столь очевидной разницы. Так же, как люди, каллистяне были не похожи друг на друга. И не только чертами лица. Невозмутимый и даже флегматичный Мьеньонь резко отличался от впечатлительного Синьга, вдумчивый, редко улыбающийся Диегонь – от жизнерадостного, любящего шутку и острое слово Ленъиньга. Между Бьяининем и Вьеньянем не было, казалось, ничего общего – настолько различны были их характеры и даже манера разговаривать. Общим для них всех было только одно – то, что побудило их принять участие в космическом рейсе, – любовь к знанию.

Широков и его друг временами забывали, что они сами не каллистяне, настолько тесно сблизилась представители двух планет. И те и другие думали и говорили об одном и том же – о времени, когда звездолет домчит их до Каллисто. И те и другие по разным причинам, но одинаково нетерпеливо ожидали этого дня.

Широков почти все время проводил в своей каюте, занимаясь переводами. Ему усердно помогал Бьяининь, не прекративший изучать русский язык и сделавший в нем значительные успехи. Правда, говорил он, сильно искажая произношение слов, с несвойственной русскому языку мягкостью звука, но мог читать и понимать почти все. В перерывах астрономических наблюдений к ним присоединялся Синяев. Втроем они вели нескончаемые беседы, очень редко касавшиеся Земли и всегда переходящие на Каллисто. Широкову и Синяеву было тяжело говорить о Земле, и они старались не затрагивать этой темы. Бьяининь также никогда не начинал разговора о планете, оставшейся позади, и если все-таки разговор переходил на Землю, то это всегда случалось по вине Широкова.

Так и сегодня Широков, закончив очередной лист перевода и отложив его в сторону, поднял голову и обратился к Синяеву, усердно переводившему описание какого-то экспоната для каллистянского Музея Земли.

– Я работаю над переводом романа Льва Толстого, – сказал он. – С каким изумительным искусством он умеет в нескольких словах дать яркую картину нашей природы! Но переводить эти описания невероятно трудно. Возьмите, например, такой отрывок. Как перевести его на каллистянский язык так, чтобы читатели на Каллисто почувствовали пейзаж, как чувствуем его мы? «В лесу было почти жарко, ветру не слышно было. Береза, вся обсеянная зелеными клейкими листьями, не шевелилась, и из-под прошлогодних листьев, поднимая их, вылезала зеленая, первая трава и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по березняку мелкие ели своей грубой вечной зеленью неприятно напоминали о зиме». Как тут быть, если они не знают, что такое береза, ель и зима?

– Да! – только и нашел, что ответить Синяев. – Как же вы выходите из этого затруднения?

– На Земле, – сказал Широков, – мы упустили из виду, что очень многие слова непередаваемы на каллистянский язык. Выход один. Я сделаю сейчас черновой перевод, с тем чтобы отредактировать его на Каллисто, когда буду лучше знать каллистянский язык, а Бьяининь овладеет русским. Тогда мы сможем составить русско-каллистянский словарь.

– Впоследствии, – заметил Синяев, – можно будет сконструировать электронную машину-переводчик. Все равно полного совпадения текстов не удастся добиться. Вы знаете, – прибавил он, меняя тему, – что Диегонь заболел?

– Знаю, но он скоро будет здоров.

– Что с ним?

Широков пожал плечами.

– Каллистяне все болезни сводят к расстройствам центральной нервной системы. И это, конечно, правильно. Но их диагнозы становятся несколько однообразными.

– Какие средства лечения применяет Синьг?

– Отдых, – ответил Широков. – Искусственный сон. У нас на Земле также применяют это средство, но не так часто, как каллистяне. У них оно универсально.

– Значит, Диегонь спит?

– Да, уже два дня.

– Я хотел вам сказать, что сам чувствую себя не совсем хорошо.

– Трудно двигаться? – быстро спросил Широков.

– Да, слабость какая-то. А как вы угадали?

– У меня самого такое чувство, что я ослабел. Как будто все стало тяжелее, чем раньше.

– И собственное тело кажется тяжелым? Может быть, они увеличили ускорение.

– Не думаю. Надо поговорить с Синьгом.

Синяев взял со стола книгу и взвесил ее на руке.

– Она стала явно тяжелее, – сказал он.

В дверь постучали.

– Войдите! – сказал Широков по-каллистянски.

В каюту вошел Ньяньиньг.

– Я не помешаю? – спросил он с обычной вежливостью.

– Нисколько, – ответил Широков. – Садитесь и примите участие в нашей беседе.

Каллистянин придвинул кресло и сел.

– Мы только что говорили, – сказал Синяев, – что все предметы на корабле стали как будто тяжелее.

– Это так и есть, – ответил инженер.

– Увеличилось ускорение?

– Нет, оно прежнее. Но мы летим уже со скоростью свыше ста девяноста тысяч километров в секунду, и, следовательно... (Читателю надо всегда помнить, что меры веса, расстояний и времени и т. п. на Каллисто совсем иные, чем у нас. Автор «переводит» все фразы каллистян, относящиеся к измерениям, во избежание путаницы.)

– Ах да! – воскликнул Синяев. – Я совсем упустил из виду скорость.

Широков вопросительно посмотрел на него.

– На звездолете сказываются законы относительности, в частности увеличение массы при скоростях, соизмеримых со скоростью света.

– Совершенно верно, – подтвердил Ньяньиньг. – Как сам корабль, так и все, что на нем находится, стало сейчас приблизительно в один и тридцать пять сотых раза тяжелее, чем было при старте. Когда мы достигнем скорости в вести семьдесят тысяч километров, масса увеличится ровно в два с половиной раза, а при конечной скорости корабля, которая, как вам известно, составляет двести семьдесят восемь тысяч, она увеличится в два и семьдесят семь сотых раза. (Увеличение массы от скорости тела является следствием из общей теории относительности и подтверждено опытом. Зависимость массы от скорости выражается формулой:

$$M = M_0 / \sqrt{1 - v^2/c^2}$$

которая дает заметный результат только при скоростях, соизмеримых со скоростью света. Когда скорость тела (V) равна скорости света (c), масса (M) становится бесконечной.)

– Такой вес, – сказал Широков, – может вредно сказаться на здоровье экипажа.

– Нашей наукой установлено, – ответил Ньяньиньг, – что постепенное увеличение веса до двух с половиной раз безвредно для человека. Диегонь доводит скорость до двухсот семидесяти восьми тысяч и, как я сказал, вес – до двух и семидесяти семи. Это уже не безвредно, но мы принимаем меры.

– Какие? – спросил Широков.

– Когда корабль достигнет скорости в двести семьдесят тысяч километров в секунду, его экипаж будет продолжать путь лежа, до момента наступления невесомости.

– Когда это произойдет?

– Через семь тысяч пятьсот ваших часов после старта с Земли.

Синяев быстро произвел подсчет на листке бумаги.

– По нашему счету, – сказал он, – это будет пятнадцатого марта.

– Почти ровно через три месяца, – сказал Широков. – Сколько же времени придется

лежать?

– Двести семьдесят два часа. Но вам не будет скучно. Все это время вы будете спать.

– Я понимаю, – сказал Синяев, – звездолет летит в пустом пространстве и не нуждается в управлении. Но все же это рискованно.

– Я не точно выразился. Мьеньонь и я будем спать по очереди, на всякий случай.

– Вероятно, именно из-за увеличения массы вы остановились на скорости в двести семьдесят восемь? – спросил Широков.

– Отчасти поэтому, но были и другие причины, связанные с двигателями. Очень заманчиво лететь с ускорением половину пути, а вторую половину с замедлением, но пока это недоступно нашей технике.

– Но в этом случае корабль должен превысить скорость света, – недоуменно сказал Широков, который очень смутно знал выводы теории относительности.

– Существует мнение, что скорость света не является пределом, – ответил Ньяньиньг, – и ее можно превысить. Но на практике это не проверено. Пока считается, что при непрерывном ускорении корабль будет все время приближаться к скорости света, но никогда ее не достигнет.

– Парадоксы относительности, – заметил Синяев. – Мы сейчас проверяем на практике ее выводы.

Тревожная мысль мелькнула у Широкова. Он вспомнил, что для человека, движущегося со скоростью, близкой к скорости света, время должно идти медленнее, чем для находящегося на Земле. Пока они будут лететь на Каллисто и обратно, время Земли далеко обгонит время корабля.

– Ну и как, – спросил он, – сходится теория с практикой?

– Пока во всем.

– Значит, вернувшись на Землю, мы не застанем никого из тех, кого оставили? Перенесемся в будущее? Очень неприятно.

– Не понимаю вас, – сказал Ньяньиньг. – Вы же знали, что расстанетесь с Землей на двадцать пять лет. Что же вас сейчас встревожило?

– Я упустил из виду, что на Земле пройдет больше, чем двадцать пять.

– Это почему? – удивился Синяев.

– Когда мы вернемся на Землю, по земным часам?

– Через двадцать пять лет. Вы же это знаете.

– По-видимому, – сказал Синяев, – Петр Аркадьевич запутался в парадоксе времени. Это неудивительно, он не математик. Время полета вычислено для земного времени, но не для времени на корабле, как вы думаете. Мы будем лететь на Каллисто одиннадцать лет по часам Земли, но гораздо меньше по часам корабля. Для нас полет будет продолжаться немного больше трех лет. Вы вернетесь постаревшим лет на десять, а все ваши родные и знакомые постареют на двадцать пять. Это своеобразная премия за скуку полета.

– Действительно, – сказал Широков, – я не математик и плохо уясняю себе подобные парадоксы. Но я очень рад, что мои опасения ложны.

Синяев и Ньяньиньг засмеялись.

В последующие дни они внимательно следили за тем, как медленно, но непрерывно увеличивалась на корабле тяжесть всех предметов. Белый шар летел все быстрее и быстрее, приближаясь к моменту, когда двигатели остановятся и он полетит по инерции.

Тогда исчезнет всякая тяжесть и наступит странная, фантастическая жизнь без веса. Она будет продолжаться девять лет по часам Земли, но только три – по часам корабля. И все это время звездолет будет мчаться с одной и той же скоростью к далекой Каллисто, через мрак и холод Вселенной, из мира безмолвия к миру света, движения и жизни.

БЕЗ ВЕСА

Незаметно приблизился день пятнадцатое марта, когда экипаж звездолета должен был погрузиться в сон, чтобы без вреда для себя перенести сравнительно короткий период чрезмерного увеличения тяжести. Широков уже с трудом мог поднять свою пишущую машинку. Кресла в его каюте стали так тяжелы, что приходилось напрягать все силы, чтобы сдвинуть их с места. Ходить, а в особенности подниматься по лестницам, было утомительно. У Петра Аркадьевича было такое ощущение, будто он постарел по крайней мере лет на сорок.

По совету Синьга, он работал теперь полулежа на мягком диване, стараясь двигаться как можно меньше.

– Даже думать стало как будто тяжелее, – заметил Синяев.

Они говорили медленно и невнятно, с трудом двигая губами и языком. Синяев был бледен.

– Я себя плохо чувствую, – ответил он на вопрос Широкова.

Они замолчали, устав от этого короткого разговора, и долго неподвижно лежали: Широков – на том, что отдаленно напоминало диван, Синяев – в кресле. Слышалось только напряженное дыхание. Каждый вздох требовал усилий, словно что-то тяжелое лежало на груди и мешало дышать.

– Я долго не выдержу, – сказал Синяев.

– Сегодня, – ответил Широков.

Он вынул часы. Это был прекрасный хронометр, подаренный ему профессором Лебедевым накануне старта. «Возьмите их, – сказал Семен Павлович. – Эти часы будут верно служить вам все двадцать пять лет».

– Они стоят, – сказал Широков. – Пружина не в силах двигать механизм, все части которого стали в два с половиной раза тяжелее.

Без стука в каюту вошел Синьг. Каллистянский врач двигался с очевидным усилием. За ним вошел Мьеньонь. Будучи моложе своего товарища, инженер шел легче и без видимого усилия нес небольшой плоский предмет, похожий на футляр готвальни.

– Мы пришли пожелать вам спокойной ночи, – улыбаясь, сказал он.

– Кроме вас и нас двух, – прибавил Синьг, – весь экипаж звездолета уже спит. Теперь ваша очередь.

– Наконец-то! – облегченно вздохнул Синяев. – Начните с меня.

– Вы ляжете у себя?

– Да, конечно, – ответил астроном.

Он вышел с обоими каллистянами.

– Разденьтесь и лягте, – сказал Синьг, на мгновение задержавшись у двери.

– Хорошо, – ответил Широков.

Оставшись один, он подошел к стене и нажал кнопку. Беззвучно отделившись от стены, как бы выйдя из нее, появилась широкая мягкая постель.

Ожидать пришлось недолго. Минут через семь оба каллистянина вернулись.

– Ну как? – спросил Широков.

– Гьеорьгий уже спит, – ответил Синьг.

Мьеньонь открыл футляр. В нем находилось несколько прозрачных кубиков, наполненных бесцветной жидкостью, и банка прямоугольной формы.

Широков знал, что это такое.

– Сначала питание, – попросил он, – потом сон.

– Как хотите, – ответил Синьг.

Он положил четыре кубика у сгиба локтей обеих рук Широкова. Через минуту кубики были пусты. Питательный раствор безболезненно впитался сквозь стенки кубиков и кожу внутрь тела.

– Меня разбудят или я проснусь сам? – спросил Широков.

– Проснетесь сами, – ответил Синьг. – Доза рассчитана на двести двадцать пять часов сна.

– Так точно?!

Широков повернулся набок. Синьг заботливо подложил ему под спину подушку.

– Вам удобно?

– Очень хорошо. Давайте!

Синьг поднес к его рту гибкую трубку, соединенную с банкой. На конце трубки находился, раструб, плотно закрывший губы.

– Вдохните все сразу, – сказал Синьг. – Одним глубоким вдохом.

Широков с силой вдохнул. На секунду ему показалось, что фигуры каллистян закачались и как-то странно расплылись. Потом все исчезло, и он погрузился в глубокий сон без сновидений.

Он не почувствовал, как Синьг ласково провел рукой по его лбу и волосам.

– Не забудьте, – сказал он Мьеньоню, – время от времени заходить к ним и передайте об этом Ньяньиньгу. Если заметите малейшую перемену, немедленно разбудите меня.

– Ну конечно! – ответил инженер. – Мы хорошо знаем, что эти два человека для нас бесценны.

Синьг задумчиво смотрел на спящего Широкова.

– Странно, – сказал он. – Когда мы находились на их планете, я как-то привык к цвету их кожи, а сейчас она кажется мне снова необычайной. Посмотрите, как причудливо и как нежно коричневатый цвет лица переходит в розовый цвет шеи и плеч. А кисти рук совсем белые. Действительно, фантазия природы неисчерпаема. А их глаза! Какая странная форма. У Гьеорьгия они серо-зеленые, а у Пьети – чисто-голубые. Если бы мы вернулись одни, нам могли не поверить, что могут существовать такие удивительные люди.

* * *

Белый шар мчался сквозь черную пустоту.

Беззвучно работали двигатели, отбрасывая назад невидимый глазом свет. Постепенно увеличивающаяся сила реакции все с большей и большей мощностью толкала вперед огромный корабль, становившийся все тяжелее и тяжелее.

Экипаж спал.

Мьеньонь, лежа в своей каюте, внимательно следил за показаниями приборов, расположенных перед ним на стене. В той же каюте спал Ньяньиньг. Через определенное время он проснется и сменит Мьеньоня. Только они двое будут бодрствовать все эти полторы недели, охраняя корабль от непредвиденных случайностей.

Звездолет мчался вперед.

Каждую минуту оставались позади сотни тысяч километров.

Впереди были Рельос, Каллисто, Родина!

Мысль о них согревала Мьеньоня теплым чувством любви.

Глубокая тишина царила на корабле.

Широков не сразу пришел в себя. Пробуждение было медленным и постепенным: бессознательность сменилась сновидениями. Он видел себя дома. Рядом был Куприянов и бинтовал ему ногу. Бинт ложился плотно, так что нога немела. «Послабее», – попросил Широков. «Нельзя, – ответил профессор. – Вам надо лететь на Каллисто». – «Каллисто? – спросил Широков. – Я где-то слышал это слово». – «Вы будете лететь двадцать пять лет, – сказал Куприянов. – Повязка может ослабнуть». И он еще крепче зажал ногу. «Теперь я положу вас в воду», – сказал он, поднял Широкова и понес. Потом он исчез, а Широков оказался на воде и плыл лежа на спине. «Наверное, это и есть дорога на Каллисто», – подумал он. И проснулся.

Еще не открывая глаз, он сразу вспомнил все. Он знал, что лежит в своей каюте, на каллистянском звездолете, и что полторы недели, очевидно, уже прошли. Но ощущение плотного бинта на ноге почему-то не проходило, и казалось, что он действительно лежит на

воде.

Еще не сознавая ясно причины, он открыл глаза и увидел прямо перед собой большой лист бумаги, на котором по-русски крупными буквами было написано:

«ОСТОРОЖНЕЕ! ПОМНИТЕ ОБ ОТСУТСТВИИ ВЕСА!»

Туманная дымка сна, заволакивавшая его мозг, быстро рассеивалась. Он понял смысл и значение этой предупреждающей надписи. Она была сделана, вероятно, Бьяниным.

Диегонь подробно объяснил, как надо вести себя в условиях невесомости, и Широков хорошо помнил его слова. Он осторожно пошевелил руками. Как ни медленно было это движение, ему показалось, что вся постель заколыхалась под ним.

Стараясь не шевелиться, он стал обдумывать, как подняться, одеться и выйти из каюты. Левая нога продолжала быть «забинтованной». Очевидно, просыпаясь, он неловко подогнул ее и нога затекла. Очень осторожно Широков выпрямил ногу. Он сразу ощутил прилив крови и понял, что она затекла недавно.

Он чувствовал себя здоровым и сильным.

Медленно повернув голову, Широков посмотрел вокруг.

Первое, что бросилось ему в глаза, было отсутствие привычного пола. Кювета стала совершенно круглой, как внутренняя полость мяча. Его постель, прикрепленная к стене, высоко висела над той частью, которая все еще воспринималась им как нижняя.

«Как же я встану, если встать не на что?» – подумал он.

Рядом с постелью висело в воздухе кресло, на котором лежало белье и одежда.

Широков долго смотрел на него. Он понимал, что ему некуда падать, но никак не мог заставить себя поверить в реальность этого зрелища.

Кроме этого кресла, вся обстановка каюты исчезла. Очевидно, каллистяне проснулись раньше и привели кювету в состояние, соответствующее новым условиям.

Широкову хотелось встать и одеться, но он продолжал лежать, боясь пошевелиться.

«Но ведь я не лежу, – говорил он сам себе. – Тяжести нет. Я вишу вдоль постели, не опираясь на нее, вишу в воздухе. Точно так же я могу висеть в любом другом месте».

Но он не мог заставить себя сделать нужное движение и покинуть свое ложе.

Чувство стыда при мысли, что кто-нибудь может войти и увидеть его страх, заставило Широкова преодолеть малодушие.

Он осторожно приподнял одеяло и на мгновение выпустил его из рук. Одеяло не упало обратно, а осталось висеть над ним. Невольным движением Широков схватил его и тут же почувствовал, что сам поднялся над постелью. Проведя рукой за спиной, он убедился, что действительно висит, ни на что не опираясь.

Взявшись руками за края постели, он притянул свое тело обратно.

Минут пять он лежал, стараясь справиться с волнением, и только когда его сердце перестало отбивать пулеметную дробь, медленно выпрямился и сел.

Руки плохо его слушались. Они ничего не весили, а мозг еще не привык управлять невесомыми членами. Координация между мышечными усилиями и вызываемыми ими движениями была нарушена, и должно было пройти известное время, пока организм приспособится к новым, никогда раньше не испытанным условиям.

Стараясь точно рассчитывать свои движения, Широков протянул руку к креслу, чтобы взять лежавшее на нем белье. Но, по-видимому, он слишком сильно нажал на сиденье, потому что кресло вдруг покачнулось и плавно опустилось вниз (он все еще считал то, что находилось под его постелью, низом, а противоположную сторону – верхом, хотя эти понятия не имеют смысла в мире без тяжести).

– Ну вот! – вслух сказал Широков. – Что же теперь делать? Как поднять его обратно?

Он чувствовал себя совершенно беспомощным и «сидел» на краю постели, держась за нее, чтобы не упасть.

«Но я же не могу упасть, – убеждал он самого себя. – Тяжести нет!»

Он уже не боялся, что кто-нибудь может войти, а хотел этого. Пусть увидят, что он боится, но помогут ему. И он почувствовал глубокое облегчение, когда дверь открылась.

На пороге «стоял» Синьг.

На мгновение Широков испугался, что каллистянин не заметит отсутствия пола и упадет, переступив порог.

– Проснулись? – спросил Синьг. – Как вы себя чувствуете?

Он отделился от двери и оказался висящим в воздухе. Это зрелище было еще поразительнее, чем вид висящего кресла. Синьг плыл к Широкову, как пушинка, гонимая слабым ветром.

– Чувствую себя хорошо, – ответил Широков. – Но никак не могу приспособиться.

– Мы это испытали, – сказал Синьг, – когда впервые потеряли вес.

Он «стоял» около постели так спокойно и просто, что Широкову показалось совсем не страшным покинуть свое убежище.

– Мы оставили вам кресло, – сказал Синьг, – думая, что оно поможет вам, но я вижу, что вы неправильно им воспользовались.

Широков засмеялся:

– Это верно, что неправильно. Я хотел достать одежду, но она убежала от меня!

Синьг коснулся рукой края постели, и этого слабого движения оказалось достаточно, чтобы его тело плавно опустилось. Он взялся за спинку кресла и, оттолкнувшись ногой, поднялся обратно с ним вместе. В обычных условиях было бы невозможно держать тяжелое кресло на весу одной рукой.

– Одевайтесь! – шутливо сказал Синьг. – А я буду держать его, чтобы оно опять не убежало.

ЗА БОРТОМ КОРАБЛЯ

Шло время.

Много событий произошло и на Земле, и на Каллисто. Одиннадцать лет – срок не малый.

А звездолет все так же быстро и равномерно мчался через пустоту Вселенной от одной планеты к другой. Призрачным сном казалась Широкову и Синяеву жизнь на Земле. Словно отодвинулась она куда-то далеко-далеко, в туманную даль прошлого.

Позади осталась та невидимая точка, где звездолет находился на равном расстоянии от Рельоса и Солнца. Космонавты торжественно отметили момент перехода через эту точку. И снова потекло время, наполненное работой, различной у каждого члена экипажа, но направленной к одной и той же цели.

За бортом была вечная ночь, не было и не могло быть смены света и темноты, но как-то сам собой раз навсегда установился распорядок «дня». Чередование сна, работы и отдыха шло в строгой последовательности, и это тоже как-то помогало тому, что время шло быстро.

День за днем складывались в недели, недели – в месяцы, и Широков иногда с удивлением замечал по своему дневнику, что прошло гораздо больше времени, чем он думал. Все ближе и ближе была так недавно казавшаяся бесконечно далекой, но с прежней силой влекущая к себе планета Каллисто.

Рельос – Сириус – все так же казался, даже через оптические приборы, крохотной точкой, но звездолет был к нему уже гораздо ближе, чем к Солнцу. Величественная звезда приближалась. Оставшееся расстояние уже не казалось Синяеву непреодолимой бездной. Эта бездна легла позади – между кораблем и Солнцем.

Подходил к концу десятый год полета. Скоро вновь заработают двигатели, начнется торможение и ставшая столь привычной невесомая жизнь окончится.

Тот постоянный счет лет, который так заметен в условиях жизни на Земле, потерял

всякое значение на корабле; время, подобно направлению, спуталось, и Широкову с трудом удавалось вести свой дневник по земному календарю. Было странно сознавать, что они прожили около трех лет, а на Земле прошло почти ровно десять, что дни и месяцы на корабле не равны дням и месяцам Земли. «Выигрыш времени» создавал труднопреодолимую путаницу в сознании.

Но, несмотря на этот «выигрыш», прошедшее от старта время казалось долгим.

– Обратная дорога покажется нам еще более длинной, – сказал Широков.

– Обратный путь всегда кажется более коротким, – ответил Синяев. – А для нас с тобой он еще более сократится сознанием, что мы возвращаемся на Родину.

Они давно перешли на «ты» и относились друг к другу с братской любовью. Здесь, на корабле (и еще больше – в будущем, на Каллисто, в условиях чуждой им жизни), они и были братьями, в более полном значении этого слова, чем оно понимается обычно.

– Именно потому, – возразил Широков, – дорога и покажется длиннее.

– Там увидим! Длиннее или короче, но еще несколько лет придется провести на звездолете. Разве что мы не захотим вернуться.

– Не захотим вернуться? – удивленно спросил Широков. – Разве ты допускаешь, что это может случиться?

– Нет конечно, – улыбнулся Синяев. – Это я так, к примеру.

Находившийся тут же Бьяининь поднял голову от книги, которую внимательно читал, готовя ее к переводу. Он уже совершенно свободно владел русским языком, и, когда говорил на нем, только мягкость звука напоминала, что он каллистянин.

– Обратная дорога, – сказал он, – кажется короче только до середины. А затем она становится все длиннее и длиннее. Можете мне поверить, я сам это испытываю.

– Значит, мы оба правы, – засмеялся Синяев.

– Кроме того... – начал Широков, но не закончил фразы. Что-то случилось.

Они услышали едва уловимый звук удара.

Но не он поразил их и заставил сердца забиться чаще.

Они привыкли, что полет корабля совершенно незаметен внутри него. Гигантский шар летел так плавно и равномерно, что всегда казалось, что он стоит на месте. И вот все трое ощутили легкий толчок. Звездолет чуть заметно вздрогнул.

Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу и напряженно прислушивались. Но все было тихо. Корабль, как и прежде, казался совершенно неподвижным.

Было ясно, что он летел с прежней скоростью и по прежнему направлению. Если бы это было не так, если бы звездолет хоть немного уклонился от прямого пути или замедлил скорость, люди были бы уже мертвы. При скорости в двести семьдесят восемь тысяч километров в секунду никакое, даже ничтожно малое, изменение режима полета не могло пройти безнаказанно для экипажа. Инерционные перегрузки получились бы чудовищно огромными.

Что же случилось?

Первым бросился к двери Бьяининь. Широков и Синяев поспешили за ним в круглый коридор. Обычно пустынный, он сейчас быстро наполнялся каллистянами, спешившими в центральный пост. Очевидно, все услышали удар и все ощутили слабый, но жуткий в своей непонятности толчок космического корабля.

Широков заметил Мьеньоня и задержался, чтобы поравняться с ним.

– Что случилось? – спросил он инженера, на лице которого не отражалось ни малейшего беспокойства.

– Вероятно, столкновение с частицей метеорита, – ответил Мьеньонь.

– Откуда же взялся здесь метеорит?

– Не метеорит, а крохотная частица метеорита. Межзвездное пространство не пусто.

Они последними поднялись сквозь люк в помещение центрального поста.

Шарообразная комната казалась сверкающей из-за отражения света в восьмиугольных

панелях телевизионных экранов. Пульт управления висел в центре этого шара. Перед ним не было кресла, которое при отсутствии веса было совершенно излишним.

Мьеньонь покинул Широкова и направился к пульта, возле которого висели в воздухе Диегонь, Вьеньянь и Ньяньиньг. Широков остался с Синяевым и другими каллистянами у входа.

Ничего угрожающего, по-видимому, не произошло. Лица собравшихся у пульта были спокойны. Они рассматривали многочисленные приборы без той торопливости, которая свидетельствовала бы об опасности, угрожающей звездолету.

Широков слышал, как Диегонь сказал:

– Пробоины нет нигде. Проверим экраны.

Погас свет, и один за другим молочно-белые восьмиугольники как бы уничтожили стенки корабля, открыв звездный мир, окружающий звездолет со всех сторон.

Пульт и люди, собравшиеся в центральном посту, оказались висящими в пустоте, среди черного мрака бесконечного пространства.

Широков вспомнил, какое волнение и даже страх испытал он, когда впервые увидел это волшебное зрелище. Теперь он привык к нему и только обрадовался, убедившись, что объективы телевизионных аппаратов – глаза корабля – не пострадали.

Раздался голос Мьеньоня:

– Кажется, все благополучно.

– Надо проверить астрономические пункты, – сказал Вьеньянь.

Снова вспыхнул свет в центральном посту.

– Проверьте свои аппараты, – сказал Диегонь. – А потом придется выйти из корабля и осмотреть весь звездолет снаружи.

– Я сейчас это сделаю, – ответил командиру корабля Вьеньянь.

Он направился к люку.

– Я пойду с вами, – сказал Синяев.

Оба астронома спустились в люк. Остальные остались в центральном посту – ожидать результатов осмотра.

Широков «подплыл» к Мьеньоню.

– Вы говорили, что на нас налетела частица метеорита, – сказал он. – Разве она могла повредить корпус корабля?

– В обычных условиях, – ответил инженер, – даже крупный обломок, будь он так же крепок, как кессинд, не может пробить стенку звездолета. Но не забывайте, что мы летим со скоростью двести семьдесят восемь тысяч километров в секунду. Это меняет дело. Тут уж самая крохотная песчинка опасна.

– Исключительно редкий случай, – сказал Диегонь. – В межзвездном пространстве, вдали от планетных систем, встреча с метеоритом считается практически невозможной, но... как видите...

– Если эта частица пробила корпус... – начал Широков.

– Она его не пробила, – перебил Мьеньонь. – А если бы пробила, то застряла бы между стенками наружной обшивки.

Вьеньянь с Синяевым вернулись. Астрономические приборы также оказались целы.

– Я выйду, – сказал Диегонь.

– Я с вами, – Мьеньонь посмотрел на Широкова и Синяева. – Может быть, вы хотите?

– Мы были бы очень рады.

В центральный пост принесли четыре костюма. Широков ожидал увидеть что-нибудь вроде водолазных скафандров, но оказалось, что пустолазные костюмы каллистян ничем их не напоминали.

Его попросили раздеться. Прямо на тело натянули что-то, похожее на вязаное трико. Точно вторая кожа, оно плотно сжало его тело и голову. Лицо оказалось закрытым, и Широков ничего не видел. Потом он почувствовал, как на него надели широкий пояс и туго его затянули.

Он услышал голос Ньяньинга:

– Сейчас вы будете видеть.

Чья-то рука дотронулась до пояса, и вдруг материя на лице стала прозрачна. Широков увидел рядом с собой Синяева, Диегона и Мьеньоня, одетых так же, как он.

То, что походило на вязаную материю, на лицах было невидимо. Казалось, что лицо не закрыто ею. Но Широков чувствовал нажим «ткани».

– Теперь шлем, – сказал Ньяньинг.

Это была прозрачная маска, которую надели на лицо и закрепили на затылке. От маски шли гибкие трубки к маленькому металлическому ящику на спине. Сверху на маске находились какие-то странные шарики темно-зеленого цвета, похожие на детский мячик, величиной с небольшой апельсин.

– Это источники света, – сказал Мьеньонь, перехватив взгляд Широкова. – Энергия заключена в них самих. Чтобы зажечь, надо нажать вот эту кнопку на поясе. Запомните, где она. В темноте вы ее не увидите. Когда мы выйдем из корабля, нажмите кнопку.

Голос каллистянина был слышен отчетливо. Но ничего, что хотя бы отдаленно походило на радиоустановку, Широков не видел.

– Как мы будем разговаривать в пустоте? – спросил Синяев. – Там нет звуков.

Широков только что собрался задать такой же вопрос.

– В шлемах есть звукоглушительное устройство, – ответил Мьеньонь. – Оно очень мало и потому не видно. Мы будем говорить в пустоте совершенно так же, как здесь. И даже лучше – на расстоянии до двухсот метров. Воздух поступает и выходит автоматически, и вам не надо заботиться о нем. Вы будете чувствовать себя так же, как на корабле. Давление внутри костюма будет нормальным.

– Не совсем понятно, – сказал Синяев. – Снаружи воздуха не будет. А как же внутреннее давление?

– Ткань давит на кожу и заменяет наружное давление. Она абсолютно непроницаема.

– А как двигаться в пустоте? – спросил Широков.

– С помощью вот этого, – сказал Мьеньонь.

Он подал Широкову и Синяеву небольшие трубки.

– Обыкновенная ракета, – объяснил он. – Нажимая вот на этот рычажок, вы приводите ее в действие. Из отверстия впереди вырвется струя газа, и ваше тело получит реактивный толчок в противоположную сторону. С помощью этой ракеты можно двигаться в пустоте в любом направлении. Она заряжена на три часа непрерывной работы.

Он внимательно посмотрел на Широкова, потом на Синяева.

– Бояться нечего. Мы будем рядом и всегда сможем помочь вам на первых шагах.

Синяев в ответ только пожал плечами.

– Я несколько не боюсь, – обиженно ответил Широков. – Нисколько!

В действительности он немного боялся, но ни за что на свете не признался бы в этом.

Маска была так прозрачна, что казалось – на голове ничего нет. Дышать было легко.

– Вы готовы? – спросил Диегонь.

– Готовы, – ответили Широков, Синяев и Мьеньонь.

Они последовали за командиром корабля к двери подъемной машины.

Диегонь нажал знакомую кнопку.

Прошло несколько секунд, но сигнальная лампочка, расположенная над дверью, не загоралась. Это означало, что площадка не опустилась.

– Так вот куда попал метеорит, – сказал Мьеньонь.

Диегонь еще раз нажал кнопку, но результат был тот же. Очевидно, механизм подъемной машины был поврежден.

«А если и эта не будет работать?» – подумал Широков.

Но вторая машина работала, как всегда. Загорелась лампочка, и герметическая дверь открылась. Шахта была отрезана от внешнего мира тоже герметической заслонкой, и ни одна крупинка воздуха не могла уйти из корабля.

«А холод? – вспомнил Широков. – Ведь снаружи чудовищный мороз».

И, словно отвечая на его мысль, Мьеньонь сказал:

– Включим нагрев.

Он протянул руку и повернул маленькую рукоятку на поясе костюма Широкова.

Широков тотчас же почувствовал тепло. Материя, плотно облегающая все тело, равномерно нагревалась. Через несколько секунд ему стало жарко.

– Надо уменьшить немного, – сказал он.

– Сейчас откроем шахту, – ответил Мьеньонь.

Дверь внутрь корабля закрылась. Широков не видел, как скользнула и исчезла заслонка над головой, но он догадался об этом по холоду, хлынувшему в кабину.

– Усильте нагрев, – сказал Мьеньонь, невидимый в темноте.

Широков нащупал рукоятку и немного повернул ее. Стало опять тепло.

Площадка лифта быстро поднялась, и они очутились на поверхности шара.

В памяти Широкова и Синяева он сохранился как белый. В первое мгновение они не поняли, почему шар стал совсем черным, потом сообразили, что звездолет ничем не освещен.

Кругом была мгла. Бесчисленные точки звезд блестели повсюду. Все пространство казалось сверкающим от их света, но люди не видели друг друга.

Ярко вспыхнули шарики на шлемах каллистян. Их свет был ослепительно белым. Словно вырвавшись из мрака, появилась часть металлического корпуса звездолета. Широков и Синяев включили свои лампы.

Темнота, казалось, еще плотнее сгустилась вокруг них. Расходящиеся лучи света, ясно видимые, как лучи прожекторов, от движений людей шевелились, как живые. Когда кто-нибудь поднимал голову, луч его лампы срывался с шара и мгновенно пропадал, словно поглощенный окружающей мглой. Только сама лампа виднелась ярким пятном.

Фантастические фигуры, казавшиеся из-за плотно облегающего тело «трико» обнаженными, со «стеклянными» головами, то появлялись, освещенные лампой соседа, то исчезали, растворяясь во мраке, становясь невидимыми.

Ноги Широкова касались поверхности звездолета; он чувствовал под собой его твердый и надежный металл, но знал, что достаточно сделать неуловимое движение, и эта опора исчезнет, он оторвется от корабля и повиснет в пустоте. Ему хотелось сделать это движение, но он не мог на него решиться.

Звездолет продолжал мчаться вперед. Невольно казалось, что, оторвавшись от него, человек мгновенно отстанет и окажется в несколько секунд на расстоянии многих сотен тысяч километров. Разум говорил Широкову, что этого не может случиться, что он сам мчится вперед с той же скоростью, как и корабль, но безотчетный страх был сильнее разума и воли.

Он увидел, как Диегонь протянул руку, в которой была «ракета». Струя газа была невидна, но командир корабля поднялся над шаром и медленно поплыл мимо Широкова.

Мьеньонь и Синяев сделали то же.

– Следуйте за нами, – сказал Диегонь.

Только сейчас Широков заметил, что выпустил из рук свою трубку. Она висела в пустоте рядом с ним и, как он ясно видел, медленно приближалась к поверхности корабля.

Он понял, что трубка падает на корабль совершенно так же, как падают вниз все предметы, выпущенные из рук на Земле. Она подчинялась силе тяготения между собой и шаром. Эта сила была очень мала, но все же существовала.

– Выходит, – сказал Широков, не замечая, что говорит вслух, – я также опущусь вниз, если поднимусь над шаром.

– Трудно подняться или опуститься там, где нет ни верха, ни низа, – услышал он голос Диегоня.

Синяев и оба каллистянина были на расстоянии нескольких метров от Широкова, но ему вдруг показалось, что они очень далеко. Он схватил трубку и поспешно нажал на

рычажок.

Сильный толчок рванул его руку назад. В следующее мгновение он оказался уже в пустоте и мраке Вселенной. Шар и трое спутников – все исчезло. Он был один в пространстве, усеянном звездами, и не видел ни корабля, ни света ламп. В какой стороне находится звездолет, он не знал.

Страшная мысль, что он отстал, сжала сердце Широкова нестерпимым ужасом. Он хотел закричать, позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Законы физики, хорошо ему известные, моментально вылетели из головы.

«Я погиб! – думал он. – Звездолет улетел вперед и находится в миллионах километров от меня. Вернуться назад он не может».

Даже много времени спустя Широков не мог без содрогания вспомнить эти мгновения.

Он был один в безграничном просторе, и всюду, куда бы он ни посмотрел, холодным блеском сверкали звезды. Абстрактное слово «бесконечность» внезапно наполнилось для него реальным содержанием. Эта бесконечность всюду была вокруг него. Он видел ее.

И вдруг спокойный голос Диегоня раздался в шлеме:

– Куда вы исчезли, Петя?

Произнесенное на мягком языке каллистян как «Пьетья», собственное имя музыкой прозвучало в ушах Широкова. Он не один! Товарищи где-то здесь, рядом!

Он хотел ответить, но не мог. Плотный комок подступил к горлу.

– Где же вы? – в голосе Диегоня слышалась тревога.

Усилием воли Широков справился с душившим его волнением.

– Я сам этого не знаю, – ответил он. – Корабль пропал, и я не могу найти его. Вероятно, вы очень далеко от меня.

– Вы слишком сильно нажали на рычаг, и вас отнесло в сторону. Но раз вы меня слышите, расстояние не может превышать двухсот метров. Звездолет должен быть виден. Ищите его как темное пятно на фоне звезд. Только спокойно!

– Теперь вижу, – с облегчением ответил Широков.

Действительно, он как-то сразу увидел черный круг, закрывавший звезды с левой стороны. По величине этого круга он понял, что отлетел метров на сто.

– Вижу, – повторил он.

– Направьте трубку в противоположную от корабля сторону, – сказал Мьеньонь, – и вас толкнет обратно. Но помните, что чем сильнее вы будете нажимать на рычажок, тем быстрее будете двигаться.

Не спуская глаз с черного круга, Широков протянул руку и плавно нажал на рычаг трубки. Он не почувствовал движения, но увидел, что тень звездолета стала быстро увеличиваться. Через несколько секунд его лампа осветила поверхность шара.

Вскоре Широков присоединился к своим спутникам.

– Я очень испугался, – откровенно признался он.

– Неудивительно, – сказал Мьеньонь. – Кто угодно мог испугаться.

После своего невольного полета в пространство Широков стал гораздо увереннее обращаться с ракетой. Вместе с каллистянами он приблизился к месту, где находилась шахта поврежденной подъемной машины.

Оказалось, что метеорит попал как раз в щель люка и заклинил его. Металл был смят и вдавлен внутрь. Самого камня нигде не было видно.

– Метеорит разбился при ударе и превратился в пыль, а может быть, даже в газ, рассеявшийся в пространстве, – сказал Диегонь. – Но подъемная машина вышла из строя.

– Да! – Мьеньонь покачал головой. – Ремонт возможен только на Каллисто. Но посмотрите, какая чудовищная сила удара! – прибавил он.

– А что будет, если второй метеорит выведет из строя другую подъемную машину? – высказал Широков внезапно пришедшую в голову мысль.

– На Каллисто исправят повреждение, и мы выйдем из корабля.

– А если это произойдет сейчас, сию минуту?

В свете своей лампы Широков увидел, что Мьеньонь улыбнулся.

– Тогда, – ответил он, – звездолет доставит на Каллисто наши трупы. Но этого не может случиться. Встреча космического корабля с метеоритом вдали от звезд – исключительно редкий случай.

У ФИНИША

Последний год полета показался экипажу космического корабля длиннее, чем все предыдущие. Чем ближе была желанная цель, тем медленнее шло время.

Все чаще и чаще у каллистян и их земных товарищей в разговорах друг с другом, в работе и просто во внешнем поведении проявлялось ясно видимое нетерпение. Все чаще Диегону приходилось отвечать на вопрос: «Скоро ли?»

Все знали, что звездолет будет на Каллисто в определенный, заранее рассчитанный день и что не во власти командира ускорить наступление этого дня, но все-таки спрашивали.

Одиннадцать лет, или двадцать два года по-земному, каллистяне не видели своей родины (то, что для них самих прошло меньше лет, не меняло дела), не знали, что произошло на ней за это время, как жили их родные и друзья и живы ли они сейчас. Охватившее их нетерпение теперь, когда родная планета стала так близка, было естественно и понятно.

Что касается Широкова и Синяева, то их нетерпение имело другую причину. Они оба покинули Землю, желая увидеть и узнать другую планету, и всеми силами души стремились к ней. Три года, которые они должны были провести на Каллисто, были их целью, ради достижения которой они терпеливо переносили годы пути.

И нельзя было забывать, что если для каллистян заканчивающийся межзвездный рейс был последним в их жизни (трудно было предполагать, что кто-нибудь из них решится еще раз лететь на Землю), то для двух людей он был только первым. Им предстояло в будущем еще одиннадцать земных лет провести на звездолете.

У Широкова и Синяева в последний год резко возросла тоска по Земле. До сих пор они бессознательно обманывали себя мыслями о Каллисто. Теперь, когда полет заканчивался, перед ними все яснее вставала картина обратного пути к Земле. Нетерпеливо ожидая финиша, они, возможно не сознавая этого, стремились уже не к тому, чтобы приблизить день прилета на Каллисто, а другой день – когда звездолет унесет их на Родину.

Им так же этот последний год казался нескончаемым, но, когда он подошел к концу, они с удивлением убедились, что он прошел очень быстро.

Давно уже были включены двигатели. Теперь они работали на торможение, уменьшая скорость корабля на десять метров в секунду.

Переход от невесомого состояния к повышенной тяжести был более ощутимым и более болезненным, чем в первый раз, когда этот процесс происходил в обратную сторону – от тяжести к отсутствию веса. Уже не полторы недели, а почти два месяца экипаж корабля вынужден был провести в постели. Искусственный сон на этот раз не прошел бесследно: люди чувствовали себя после него плохо и только спустя несколько дней, благодаря энергичным мерам Синяга, пришли в нормальное состояние. Это объяснялось тем, что организм, и в частности сердце, привык работать в условиях невесомости и внезапная тяжесть в сочетании со ставшей ощутимой повышенной массой была очень тяжелой нагрузкой.

К моменту, когда люди встали с постели, звездолет уже замедлил скорость до двухсот двадцати тысяч километров в секунду, и его масса, а также масса всего, что на нем находилось, была только в полтора раза больше нормальной.

Теперь корабль летел как бы в другую сторону. При отлете с Земли весь первый год относительное направление его полета было вверх. Солнце все время находилось внизу.

Затем направление вообще не существовало для экипажа. А теперь сила тяжести была направлена в сторону Рельоса, и звездолет, как казалось, летел прямо вниз. Чтобы видеть

Солнце, Синяеву приходилось направлять свой телескоп в зенит.

Люди опять привыкли ходить по полу, подниматься и спускаться по лестницам, пользоваться столами и креслами, ложась в постель, чувствовать, как она прогибается от тяжести тела.

Но переход к обычным условиям не сразу проник в сознание. Многие члены экипажа долго не могли привыкнуть соразмерять свои движения с той автоматичностью, которая свойственна людям на Земле и на Каллисто. Синяеву пришлось даже несколько дней пролежать, так как, спускаясь, он забыл о лестнице и сильно расшибся, упав со значительной высоты.

– Не огорчайтесь! – шутил Синьг, оказывая ему первую помощь. – Когда мы летели к Земле, трое из нас пострадали так же, как вы.

– В два раза меньший процент, – морщась от боли, но невольно улыбаясь, ответил Синяев. – Нас двое, а вас двенадцать.

Настал, наконец, день, когда Диегонь, собрав в центральном посту весь экипаж, торжественно объявил, что звездолет вступил в пределы планетной системы Рельоса.

– Через четыреста восемьдесят часов мы будем на Каллисто, – сказал он.

Можно себе представить, какой радостью отозвались эти слова в сердцах каллистян. Их черные лица осветились словно внутренним светом. Даже всегда невозмутимый Мьеньонь заметно повеселел.

Широков и Синяев от всей души поздравили своих дорогих друзей.

Дни стали идти гораздо быстрее.

Разговоры не умолкали, но если раньше они велись о Каллисто вообще, то теперь стали носить личный характер. Каллистяне говорили о своих близких, о планах своей дальнейшей жизни и на время потеряли со своими гостями общий язык.

Широков и Синяев, понимая их состояние, не обижались.

Экипаж звездолета мог уже видеть Каллисто. Она казалась в телескоп крохотной звездочкой, но каждый из каллистян способен был часами смотреть на нее.

Планета заметно приближалась. С каждым днем она становилась ярче (разумеется, только в телескоп). Вскоре можно было различить, что она видна в виде узкого серпа. Рядом с ней появились светлые точки обоих спутников, обеих «лун» Каллисто.

На четвертый день после памятного всем сообщения Диегоня командир корабля снова попросил собраться в центральном посту.

Погас свет, раскрылись экраны, и знакомая, привычная картина звездного мира окружила корабль. Только снизу она была теперь закрыта плоскостью пола.

Все было как всегда за эти годы, но что-то было не так, что-то изменилось, и собравшиеся в центральном посту не сразу поняли, в чем именно заключалась перемена.

Центральный пост был освещен извне!

Не было той черной темноты, которая всегда наступала, когда тушили свет. Люди видели друг друга.

– Рельос! – дрогнувшим голосом сказал Вьеньянь, но, как ни тихо произнес он это слово, его услышали все.

Сквозь нижний, у самого пола находившийся экран проникал слабый еще, но ясно видимый свет Сириуса – Рельоса. Он казался еще огромной звездой, но его лучи достигали отдаленных границ системы, где сейчас находился корабль.

Это был свет солнца Каллисто, и оба человека Земли почувствовали такую же радость, как и каллистяне, для которых этот свет был родным с детства.

Долго не загорался свет в центральном посту. Звездоплователи, так давно не видевшие своего солнца, наслаждались его лучами, еще такими слабыми, но так много говорившими их чувствам.

В последующие дни центральный пост стал местом сбора всего экипажа. Каллистяне неохотно уходили оттуда и при первой же возможности возвращались обратно. Они с радостью наблюдали, как все ярче и ярче становился свет Рельоса, как все ближе и ближе

подлетал к нему корабль.

Когда Рельос приблизился настолько, что стало невозможно смотреть на него простым глазом, Широков и Синяев познакомились еще с одной технической подробностью устройства экранов. Один из них, возле которого все время толпились каллистяне, потемнел, точно затянувшись дымчатой пленкой. И с каждым днем эта пленка становилась все более темной, ослабляя блеск солнца. Но хотя видимость и ухудшилась, каллистяне продолжали свои наблюдения.

Широков всем сердцем разделял их переживания, радовался вместе с ними, но против воли смутное чувство обиды не покидало его. Поговорив с Синяевым, он обнаружил и у него то же чувство. Его источником было то, что каллистяне приближались к Рельосу, а Солнце находилось где-то в бесконечной дали, и пройдет много лет, пока они увидят его опять. Радость каллистян как бы подчеркивала это.

На корабле считали уже не дни, а часы. Каждый звездоплавателю в любой момент мог сказать, сколько часов пути осталось до финиша.

Если бы вдруг выяснилось, что звездолет опоздает хотя бы на один день, – это было бы для его экипажа тяжелым ударом, настолько напряженными были часы ожидания. Но он не мог опоздать. Космический корабль летел по вечным и неизменным законам механики, и его движение в пространстве было так же точно и безошибочно, как движение самой планеты, к которой он стремился.

Но звездолет все же не был небесным телом. Не законы природы, а воля человека управляла им. Законы природы не меняются, а воля человека может измениться. Ни Диегонь, ни кто-либо из его товарищей не допускали и мысли, что они могут добровольно изменить путь корабля и отсрочить так горячо ожидаемый момент прилета на Каллисто. Не допускали и не думали о такой возможности. Но когда до конца пути осталось меньше восьмидесяти часов, звездолет круто изменил направление полета в сторону от Каллисто. И ни один человек на его борту не пожалел об этом. Нетерпение, стремление скорее увидеть близких и родных людей – все исчезло, сменившись другим, более сильным, более властным чувством. И с еще большим нетерпением экипаж корабля считал часы, отделявшие их от новой цели, о которой так недавно никто и не помышлял.

Случай в жизни играет значительную роль. Иногда он расстраивает планы людей, иногда им помогает. Но то, что произошло на звездолете, можно было с одинаковым основанием отнести к обеим категориям случая.

– Пойдемте в центральный пост, – сказал Вьеньянь, обращаясь к Синяеву, который вместе с ним приводил в порядок бесчисленные материалы астрономических наблюдений, сделанных за время пути.

– А что там интересного? – спросил Синяев, не любивший прерывать начатую работу.

– Ленинг попытается принять сообщение с Каллисто.

– Сообщение с Каллисто?!

– Да. Он пытался вчера, но безуспешно. Может быть, сегодня удастся.

– Я не понимаю, – сказал Синяев. – Разве звездолет может иметь связь с Каллисто на таком расстоянии?

– Звездолет не может, его станция недостаточно мощна, но с Каллисто могут послать нам сообщение, и мы можем его принять. Перед нашим стартом к Мьеньи (Автор напоминает читателю, что Мьеньи – каллистянское название нашего Солнца) было условлено, что за пять суток до финиша сообщения будут отправляться ежедневно в одно и то же время.

– Но вы сами сказали, что вчера его не было.

– Да, и это очень удивило Ленинга и Диегоня. Станция на Каллисто достаточно мощна. Правда, в то время, когда мы улетали на Землю, техника космической связи была еще несовершенна. Может быть, причина кроется здесь. Вчерашнее расстояние могло все-таки оказаться слишком большим.

– За эти годы ваши инженеры могли усилить и даже наверное усилили мощь станции.

– Нет. Эта связь не имеет ничего общего с вашим... радио. (Вьеньянь еле выговорил русское слово.) Станция на Каллисто должна соответствовать станции на корабле. Иначе ничего не получится. Они все равно вынуждены пользоваться той самой установкой, которая была тогда.

– Вьеньянь! – улыбнулся Синяев. – Вы меня удивляете. Никогда бы не подумал, что каллистяне могут быть столь консервативны. Вы просто недооцениваете возможностей науки и техники. Причина молчания Каллисто гораздо проще. Звездолет опаздывает.

– Да, мы опоздали на девяносто один день. Но неужели вы можете предположить, что они перестали посылать сообщения? Конечно нет! Они их посылали и будут посылать, пока корабль не вернется или пока не пройдут все мыслимые сроки.

– Вот тут вы, конечно, правы, – сказал Синяев. – Теперь я недооцениваю ваших соотечественников. Идемте! Это очень интересно.

У центрального пульта они застали всех членов экипажа. Широков также был здесь.

Леньиньг, самый молодой из каллистян, сидел перед пультом и пристально смотрел на маленький круглый экран. О том, что в этом месте находится нечто вроде «радиостанции», ни Широков, ни его друг даже не подозревали. Им даже казалось, что они никогда раньше не видели этого экрана.

Стекло (или что-то похожее на стекло) было темным, почти черным. Оно отдаленно напоминало экран выключенного телевизора. Может быть, это и был телевизор и сейчас начнется телевизионная передача с Каллисто?..

– Нет, – ответил Мьеньонь, когда Широков спросил его об этом. – На такое расстояние мы еще не умеем передавать изображения. По крайней мере, до нашего отлета не умели, – прибавил он.

Леньиньг предостерегающе поднял руку. Длинные гибкие пальцы каллистянина заметно дрожали.

Все придвинулись к нему ближе.

И вдруг экран посветлел, став почти белым.

– Передача! – сказал Леньиньг неестественно громко.

На экране появилась черная линия. Она то суживалась, то расширялась, потом исчезла и снова появилась.

Леньиньг медленно и осторожно поворачивал стекло. Линия перестала двигаться и застыла, черная и отчетливая.

– Готово! – сказал Леньиньг так, словно далекий оператор, ведущий передачу, мог его услышать.

Экран стал чистым. Потом на нем появились и задвигались причудливые изломанные линии. Они как бы выбегали из-за левого края экрана и исчезали за правым.

Леньиньг медленно читал вслух:

– «Диегоню... Диегоню... Ждем... Посадка на... том же... месте... где... был... дан... старт... Семьи... экипажа... здоровы... приветствуют... с нами... вместе».

Пробежали последние линии, и экран снова стал чистым. Потом «радиограмма» пошла вторично, но Леньиньг, так же как в первый раз, громко читал ее, а все так же внимательно, затаив дыхание слушали. Это был первый за много лет голос Каллисто, и они готовы были слушать его без конца.

Когда текст был передан и принят в третий раз, экран «погас», он снова стал почти черным.

Тишина сменилась возбужденными возгласами. Каллистяне говорили все разом, перебивая друг друга, стремясь выразить свою радость. Никогда раньше они не были так похожи на людей Земли, как в эти минуты, после получения известия, что их близкие живы и ждут их. Черные лица каллистян сияли от счастья.

Один Леньиньг не принимал участия в общем ликовании. Он продолжал сидеть на прежнем месте, словно ему было жалко расстаться с аппаратом. Очевидно, совершенно машинально, он медленно вращал «стекло».

И внезапно экран снова вспыхнул. Что это произошло неожиданно для Лениньга, было видно по его сразу изменившемуся лицу. Он глухо вскрикнул и стремительно наклонился к экрану.

Мгновенно наступила полная тишина.

Неужели Каллисто передаст еще одну, необусловленную «телеграмму»?

Черная линия не появилась. Сразу побежали по экрану не спокойно, как раньше, а быстро и как-то нервно, ломаные линии текста:

– «Взрыва... – читал Лениньг, – сильно ранило двух членов экспедиции. Срочная помощь необходима. В моем распоряжении нет никаких средств. Промедление грозит смертью. Жду ответа».

Линии непонятной передачи исчезли, но экран продолжал быть светлым.

– Что это значит? – спросил Бьяининь.

– Сообщение принято нами с середины.

– Это ясно; но откуда оно передано и кому адресовано?

– Сообщение адресовано на Каллисто, – сказал Вьеньянь. – Больше некуда.

– Так ли? А может быть, с одного звездолета на другой или с какой-нибудь из планет на летящий корабль.

– В сообщении говорится об экспедиции. Я думаю, что несчастье случилось либо на Сетито, либо на Кетьо, – сказал Мьеньонь.

– Но как это узнать? – спросил Синяев.

Он знал, что означали названия, произнесенные Мьеньонем. Это были планеты системы Рельоса, на которые каллистяне уже неоднократно производили полеты на космических кораблях.

– Надо подождать ответа, – сказал Диегонь. – Где находятся сейчас обе эти планеты? – спросил он Вьеньяня.

– Сетито, – ответил астроном, – близко от нас. Примерно на таком же расстоянии, как и Каллисто, но только с другой стороны. А Кетьо очень далеко, не менее двух миллиардов километров.

– Какое приблизительно расстояние между Сетито и Каллисто? – спросил Диегонь.

– Могу ответить не приблизительно, а совершенно точно. Четыреста миллионов километров.

– Значит, если техника передачи не изменилась за время нашего отсутствия, ответа надо ожидать минут через двадцать, – сказал Диегонь.

– Да, примерно. – Лицо Вьеньяня выражало растерянность. – Почему мы смогли принять передачу? Неужели на Каллисто космическая связь все на том же уровне?

– Немыслимо, – сказал Лениньг. – Но факт остается фактом. Наша установка восприняла передачу.

Четырнадцать человек были сильно взволнованы.

Что могло случиться на Сетито или на Кетьо? Отчего и где произошел взрыв?

– Мне кажется несомненным, – сказал Синьг, – что взрыв произошел на корабле. В сообщении говорится, что двое ранены и в распоряжении участников экспедиции нет средств для оказания помощи. Если корабль цел, этого не может быть.

– Если слова о помощи относятся к раненым, то вы правы, – заметил Ньяньиньг. – Но они могли относиться к самому кораблю.

– К сожалению, нет, – покачал головой Синьг. – Там говорилось: «Промедление грозит смертью».

Никто ничего не ответил на эти слова.

– И ведь приняли-то совершенно случайно, – сказал Лениньг.

В центральном посту наступило тяжелое молчание.

Ответный текст появился на экране через двенадцать минут.

Что это означало? Или Вьеньянь ошибся и от корабля до Каллисто было гораздо ближе, или... но трудно было поверить, что передача, на чем бы она ни основывалась, могла идти

быстрее света!

Как бы то ни было, но ответ пришел раньше, чем его ожидали, и в тот момент никто не обратил внимания на это странное обстоятельство.

«Срочно готовим корабль, – гласило сообщение. – Вылетим через тридцать шесть часов. Будем на Сетито через сто восемьдесят часов после вылета. Сделайте все возможное для спасения пострадавших».

Итак, несчастье случилось именно на Сетито, а не на Кетью.

– Надо подождать и узнать, что они скажут, – хриплым от волнения голосом сказал Синьг.

– Мы узнаем это через десять минут, – сказал Вьеньянь. – Сетито к нам немного ближе, чем Каллисто. – Он посмотрел на Диегона недоумевающим взглядом. – А все-таки! Как же получилось, что мы приняли ответ Каллисто так скоро?

– Это мы узнаем тогда, – ответил за Диегона Мьеньонь, – когда наш полет закончится. Это новая техника, и бесполезно гадать о ней.

Синяева глубоко поразило случившееся. Он не допускал, чтобы Диегонь и Вьеньянь могли ошибиться в расстояниях. Но тогда становилось очевидным, что каллистянская техника нашла способ связи, идущей быстрее света. Правда, на Земле были ученые, которые считали скорость света не пределом, но Синяев никогда не разделял их взглядов. И вот в одно мгновение его представления оказались разбитыми вдребезги несомненным фактом. Сообщение прошло свой путь в два раза скорее, чем могла бы пройти радиоволна.

Истинных ученых не могут не волновать подобные «сюрпризы», а Синяев был настоящим ученым, и он с трепетом ждал следующего сообщения, не спуская глаз со стрелки часов, – придет ли оно с той же невероятной быстротой или нет? В эти минуты он забыл обо всем и, вероятно, нетерпеливее всех, кто находился у пульта, ждал ответа с Сетито.

Он появился на экране через десять с половиной минут!

Сомнений не было!

Ответ был короткий и страшный.

– «Сто восемьдесят часов – все равно что триста, – прочел Ленъиньг. – Вы опоздаете. Ресъинь».

Экран погас.

Несколько секунд в центральном посту никто не проронил ни слова.

Диегонь, погруженный в какие-то размышления, поднял голову и посмотрел на Мьеньоня. Во взгляде командира корабля был молчаливый вопрос. Он ничего не сказал, но старший инженер звездолета понял его.

– Вполне возможно, – ответил он. – Нагрузка допустима.

Диегонь медленно обвел взглядом лица экипажа. Все смотрели на него, и было ясно, что от каждого он получил безмолвный ответ на свой невысказанный вопрос. Потом он повернулся к людям Земли.

И шестым чувством Широков и Синяев поняли, о чем спрашивает взгляд Диегона.

– Конечно! – сказал Синяев.

Широков только кивнул головой в знак согласия.

– Очень хорошо! – сказал Диегонь.

Центральный пост быстро опустел. Каллистяне поспешно покинули его, расходясь по своим местам.

– Идемте! – сказал Синьг Широкову и Синяеву. – Надо лечь в постель.

– Опять спать?

– Нет, но лечь необходимо. Скорость все же велика. Поворот вызовет дополнительную нагрузку на организм.

– Быстрее! – сказал Диегонь. – Не теряйте времени. Я буду ждать не больше пяти минут.

ГЛАВА 2.

В ЛЕСУ

Дневное светило опустилось за горизонт, и сразу, без сумерек, плотная мгла окутала землю. Сверху низко нависала тяжелая пелена туч, закрывая звезды и делая ночь еще более непроглядной. Порывистый ветер шумел в кронах исполинских деревьев густого леса, окружавшего небольшую поляну.

Воздух был влажным, с сильным запахом леса, цветов и гниющих растений. В глубине леса что-то тяжелое двигалось и с треском ломало деревья. Иногда раздавался низкий и густой рев, а за ним пронзительный вой. Немедленно отвечали другие такие же голоса, и поляна казалась окруженной со всех сторон огромными пастями, издававшими отвратительный воющий звук.

А когда смолкал вой, слышался ритмичный шелестящий шорох крыльев. На фоне мрачных туч мелькали черные контуры крылатых существ. Их было три. Стремительными зигзагами они носились над поляной, то опускаясь, то взмывая вверх. Одно из них вдруг стремительно ринулось к земле, словно намереваясь со всего разгона врезаться в нее. Зеленым огнем горели два глаза. Размах перепончатых крыльев достигал четырех метров.

С земли поднялся человек. Навстречу зеленым глазам беззвучно прорезала темноту тонкая огненная нить. С глухим шумом огромная птица упала на землю. Две другие метнулись в сторону и исчезли.

Человек снова опустился на траву. Раздался мягкий голос, произнесший на каллистянском языке:

– Четвертая!

Ему ответил другой мягкий и приятный голос:

– Если бы только они! А вдруг явятся те?..

– Они сюда не придут. Эта поляна находится в стороне от тех троп, по которым они ходят по ночам к реке.

– Если почуют нас, могут прийти.

– Будем надеяться, что этого не случится. (Как самый язык, так и построение фраз у каллистян резко отличается от любого земного языка. Автор вынужден «переводить» все, что говорят каллистяне, пользуясь обычными для нас оборотами речи.) Разговор прекратился. Три человека сидели молча на земле, напряженно прислушиваясь к звукам леса. Еще двое лежали между ними.

Снова послышался приближающийся шорох. Над поляной замелькали две пары огромных крыльев.

– Вот упрямые! Они не успокоятся, пока мы не убьем последнюю.

– А потом явятся другие.

– Внимание! Атакуют обе.

Двое людей встали. Две крылатые тени с горящими точками зеленых глаз устремились на них. Две молнии поразили их на лету.

– Пока все!

– Будем ждать следующих.

Треск упавшего дерева раздался совсем близко, чуть ли не рядом на опушке леса, находящейся в ста метрах. Люди услышали тяжелый топот громадных ног.

– Это уже не на тропе, – шепотом сказал один.

– Слушайте внимательнее! – также шепотом ответил другой. – В такой темноте он может подойти совсем близко.

Оглушительный рев наполнил всю поляну. Последовавший за ним вой был так пронзителен, что люди схватились руками за головы, закрывая уши, защищаясь от

невыносимого, сверлящего мозг звука.

Земля вздрагивала под ногами громадного зверя, трещали ветви, звонко шелкали лопающиеся лианы.

– Кажется, не почувал.

Тяжелые шаги удалялись в сторону от поляны.

– Веселая ночь, – сказал человек, убивший первую птицу.

Он наклонился над теми, кто лежал на земле.

– Они без сознания, – сказал он. – Этот вой разбудил бы спящего. – В его голосе прозвучала тревога.

Двое других наклонились, всматриваясь в лица лежащих.

– Зажгите свет!

– Очень опасно.

– Надо! Зажгите!

В руках одного из каллистан белым светом вспыхнул маленький шарик. Все трое ближе подвинулись друг к другу, стараясь по возможности закрыть собой свет.

– Вы правы, – сказал человек, приказавший зажечь фонарь, – они потеряли сознание. Это очень плохо.

Он вынул из сумки склянку и по очереди поднес ко рту лежавших на земле без признаков жизни.

Черные лица с закрытыми глазами остались неподвижными.

– Но они живы?

– Пока еще живы, – ответил тот, кто, по-видимому, был врачом, подчеркивая слово «пока». – Применим более сильное средство. Бессознательное состояние для них – смерть.

Он расстегнул красные воротники серых комбинезонов и положил на обнаженную шею лежавших два маленьких кубика. Находившаяся в них жидкость почти мгновенно исчезла. Через полминуты легкое движение век показало, что к ним вернулось сознание.

– Погасите свет!

Снова сомкнулся темный полог ночи. Люди с тревогой прислушивались, но было тихо.

– Если бы мы были на станции, – с тоской сказал молодой голос, принадлежащий, казалось, мальчику лет пятнадцати.

– Мы будем там завтра. Это последняя ночь в лесу. А послезавтра прилетит звездолет с Каллисто.

– Прилетит слишком поздно.

– Тише!

– Они не слышат. Теперь они крепко спят.

– Может быть, они доживут до прилета корабля?

– Нет! Самое позднее завтра днем все будет кончено.

– Неужели не могли вылететь сразу после нашего сообщения?

– Если не вылетели, – значит, не могли.

– Это так ужасно! Узнаем ли мы когда-нибудь, что послужило причиной взрыва?

– Достоверно не узнаем никогда, но инженеры найдут объяснение.

– Но от этого не легче. Неужели у вас, Ресьинь, нет никаких средств спасти их?

– Все погибло с нашим кораблем, – ответил врач. – На станции нашлась только эта сумка. В ней средства оказания первой помощи, но распространение изотопного ожога остановить нечем. Раны на ногах не опасны.

– Как долго нет сообщений от Линьга!..

– Ему нечего нам сообщить, и потому он молчит.

– Хорошо, что уцелели две пары крыльев. Что бы мы делали без них?

– Результат был бы тот же самый. Правда, пришлось бы поголодать, пока не добрались до станции, но для раненых нет разницы, послано сообщение вчера или было бы послано завтра.

– Разница есть, – сказал Ресьинь. – Они живы, а без этой сумки были бы уже мертвы.

– Не все ли равно, если спасти их нельзя. Откуда-то издалека снова донесся рев и вой обитателей леса.

– Я не могу слышать этого ужасного воя, – сказал тот же самый молодой голос.

– Это нервы, а для путешественника по планетам нервы излишни. Я не знал, Дьеньи, что они у вас есть.

– Представьте себе, что есть. Все же я девушка.

– До сих пор я этого не замечал.

– Чего вы не замечали, Вьиньинь? Того, что Дьеньи девушка, или того, что у нее есть нервы?

Трое собеседников рассмеялись.

– Когда люди способны смеяться, – сказал Ресьинь, – положение не так уж плохо.

– Это верно, – грустно сказала Дьеньи. – Но мы смеемся сквозь слезы.

– Бедный Вьеньонь, – сказал Ресьинь. – Он так мечтал встретить звездолет Диегоня.

– Вы думаете, что он еще вернется? – с сомнением в голосе спросил Вьиньинь.

– Конечно вернется.

– Вряд ли. Экспедиция к Мьеньи должна была вернуться девяносто два дня тому назад, но она не вернулась.

– Мне кажется, что они нашли населенную планету, – сказала Дьеньи, – и тогда, конечно, задержались, чтобы ознакомиться с нею.

– Такая задержка предвидена в их плане. Девяносто два дня тому назад истек последний срок их возвращения.

– Что значат девяносто два дня? Я верю, что они вернуться. Так хочется увидеть моего знаменитого деда.

– Да, я совсем забыл! Ведь вы внучка Диегоня.

– Я никогда не видела деда. Я родилась вскоре после того, как улетел звездолет. Через два года.

– Как вы еще молоды, Дьеньи!

Разговор снова прервался. Двое мужчин и девушка молча прислушивались, тревожно всматриваясь в темноту.

– Скорей бы рассвет!

Долгое время звери, бродящие по лесу, не подавали голоса. Тишину нарушал только шум деревьев, раскачивающихся под свирепыми порывами ветра. Громадные птицы, так недавно упорно нападавшие на путников, не появлялись больше.

На мгновение мелькнул и погас свет.

– До рассвета еще три часа, – сказал Вьиньинь.

Ночь становилась холоднее. Для каллистан, привыкших к теплу, она была слишком холодной.

Дьеньи задремала, прикинув к плечу Ресьиня. Он старался не шевелиться, чутко прислушиваясь к дыханию раненых. На сердце врача было тоскливо. Он знал, что пройдет еще несколько часов и это прерывистое дыхание прекратится навсегда. Помочь он не мог, но, хорошо зная, что смерть неизбежна, был готов в любую минуту сделать все, чтобы хоть ненадолго, но продлить жизнь.

Все события страшного дня неотступно стояли в его памяти.

Еще не прошло и тридцати часов после катастрофы, а она казалась уже далекой, так много пришлось пережить после нее.

* * *

Вместе с Линьгом – командиром звездолета – и Дьеньи Ресьинь ушел в то утро далеко от места стоянки корабля в лес, намереваясь пересечь его и выйти к горам, откуда брала начало небольшая речка, текущая возле их лагеря. Они хотели походить по горам и не взяли

с собой крыльев.

Они шли по берегу, внимательно следя, не появится ли где-нибудь одно из тех гигантских животных, которые водились на Сетито. Линьг мечтал убить такое чудовище, сжечь его тушу, а скелет захватить с собой на Каллисто. До сих пор все попытки охоты на кетьра кончались неудачей.

Они отошли километров на восемь, когда случилось это.

День был безоблачный. Ярко сиял Рельос. И вот, затмевая блеск солнца, вся местность осветилась странным зелено-синим светом. Его источник был позади них.

Потом донесся гремящий гул взрыва.

Обернувшись, они увидели над лесом, в той стороне, где был корабль, громадное разноцветное облако, которое быстро поднималось, похожее на исполинский зонт.

Несколько секунд они стояли, еще ничего не понимая, но смутно чувствуя, что случилось страшное.

– Звездолет! – отчаянным голосом крикнул Линьг и бросился бежать назад, словно мог пробежать восемь километров, отделявшие их от лагеря.

Ресьинь и Дьеньи побежали за ним.

... Полтора часа они то шли, то бежали, мучимые страхом неизвестности. Действительность оказалась хуже самых мрачных предположений.

В двух километрах от лагеря они встретили Вьинья. Штурман звездолета быстро шел навстречу, неся в руках крылья.

– Я знал, куда вы пошли, – задыхаясь, сказал он. – Я пошел навстречу, чтобы предупредить – дальше идти нельзя.

– Что случилось? – спросил Линьг, и по его лицу было видно, что он знал, какой последует ответ.

– Звездолета больше не существует, – ответил Вьинья.

Линьг сжал голову руками. Но через минуту он овладел собой и обычным голосом спросил:

– Где вы были в это время?

– В двадцати пяти километрах к югу от корабля. Я летел к нему на значительной высоте и все видел. Не могу понять, как я не ослеп от вспышки. Корабль взорвался. От него ничего не осталось, так же как и от лагеря.

– Ничего не осталось, – повторил Линьг.

Ресьинь и Дьеньи не могли произнести ни одного слова от ужаса.

– А Льетьи, Вьеньонь, Синьянь? – спросил Линьг. – Они погибли?

– Синьянь вылетел на крыльях одновременно со мной, только в другую сторону, – ответил штурман. – А Вьеньонь ушел к большой реке. На корабле остался один Льетьи. Он говорил мне, что собирается проверить подачу в центральный двигатель.

– Отчего же произошел взрыв? – Линьг задумался. – Надо найти Синьяня и Вьеньоня, – сказал он.

– Я поищу их. – Вьинья надел крылья. – Не подходите к месту, где стоял корабль, излучения еще сильны.

– Мы будем ожидать вас на этом месте.

Штурман вернулся через час. Все это время трое каллистян молчали. Охватившее их горе было так сильно, что они не могли говорить. Гибель товарища и неизвестность об участи двух других вытеснили из их сознания факт гибели звездолета и того тяжелого положения, в котором они сами очутились.

Вьинья сообщил, что нашел обоих членов экипажа в разных местах, но на одном и том же расстоянии от уничтоженного взрывом лагеря.

– Оба получили ожоги, – сказал он, – так как в момент взрыва находились не дальше полукилометра от корабля. У Синьяня сломаны ноги. Он упал, сброшенный на землю взрывной волной; хорошо еще, что летел низко. У Вьеньоня тоже ранена нога. Оба ничего не видят.

– Где они? – поспешно спросил Ресьинь.

– Синьянь в километре отсюда, на опушке леса. Вьеньонь километрах в пяти, тоже на опушке.

– Давайте сюда ваши крылья, – сказал Ресьинь. – Я полечу к ним, а вы идите за мной.

Он быстро нашел пострадавших товарищей и оказал им первую помощь. В его кармане лежал футляр с необходимыми средствами, с которыми он никогда не расставался.

Оба каллистянина ослепли. Но не это встревожило Ресьиня. На Каллисто давно исчезло самое понятие о слепом человеке, медицина возвращала зрение в любом случае. Опасность заключалась в другом. Обследовав ожоги, врач убедился, что они грозят скорой смертью. Но с теми средствами, которые находились в его распоряжении, ничего нельзя было сделать. Он занялся ногами пострадавших.

Оба звездоплывателя лежали на значительном расстоянии друг от друга, и врачу пришлось несколько раз перелетать от одного к другому.

Когда подошли Линьг, Вьиньинь и Дьеньи, они перенесли Синьяня к месту, где лежал Вьеньонь, и стали обсуждать, что делать дальше.

Оставаться здесь не было никакого смысла. Лагеря, состоявшего из пяти палаток, где помещались научные приборы, больше не существовало. В полутора километрах они видели черную обгорелую яму. Никаких следов огромного космического корабля... Казалось, что звездолет полностью испарился. Никто из них не сомневался, что корабль был уничтожен в результате соприкосновения изотопных материалов с антиизотопными вне двигателя. Ничто другое не могло бесследно уничтожить звездолет и лагерь. Но как могло произойти это соприкосновение? На этот вопрос мог ответить только инженер Льетьи, но он погиб.

Было решено идти к станции, построенной на Сетито одной из предыдущих экспедиций. По прямой линии до нее было километров двадцать, но путь этот шел через лес, в котором водились огромные хищные животные.

Дорога была опасной, но другого выхода не было. Приходилось рисковать. Только со станции можно было сообщить на Каллисто о катастрофе и вызвать помощь. Там находилась установка межпланетной связи – бьеньета.

Вьеньонь мог идти сам, если его поддерживали под руку, но Синьяня пришлось нести.

– Быстрее! – торопил Линьг. – Как можно скорее надо уйти отсюда. Местность может быть заражена в результате взрыва.

Бросив последний взгляд на место гибели товарища, пятеро каллистян, неся на руках Синьяня, углубились в лес.

Им предстояло продираться через непроходимую чащу не менее двух суток. У них ничего не было для расчистки пути, даже ножей, одни только голые руки.

Вьеньонь вскоре почувствовал себя так плохо, что не смог идти. Сделали вторые носилки из веток и понесли обоих раненых. Уже через два часа пришлось остановиться на отдых. Прошли всего полтора километра.

– Положение из рук вон плохо, – резюмировал результаты короткого совещания Линьг. – Таким темпом мы не дойдем и в двое суток. Ночью идти нельзя, а день на Сетито короток. Надо лететь на станцию. Может быть, там найдется что-нибудь для расчистки пути. И продукты надо взять.

– А главное, сообщить на Каллисто, – добавил Вьиньинь.

Решили, что двое останутся на месте с ранеными, а двое других слетают на станцию, что не должно было занять много времени.

Полетел Линьг и Ресьинь (крылья Синьяня, по счастью, не пострадали при падении).

Когда они поднялись над лесом и товарищи не могли больше их слышать, Ресьинь сообщил командиру звездолета об истинном положении раненых. До сих пор он скрывал страшную правду главным образом из-за Дьеньи. Изотопный ожог распространялся в организме, и только быстрая помощь могла предотвратить смерть.

Линьг выслушал его внешне спокойно.

– Сколько времени они могут прожить? – спросил он.

– Если на станции найдется хоть что-нибудь из тех средств, которые нужны в этом случае, – ответил Ресьинь, – то все равно не более сорока восьми часов.

– Так быстро от Каллисто до Сетито не долететь, – с горечью сказал Линьг.

Станция межпланетной связи представляла собой небольшой домик, над которым возвышались огромные металлические кольца, вложенные друг в друга. Линьг знал, что на станции Каллисто всегда находится дежурный.

Он послал бьеньету и через сорок минут получил ответ.

Он был таким, как и ожидал Линьг. Помощь могла прийти только через сто восемьдесят часов.

Это означало, что Синьянь и Вьеньонь обречены на неминуемую смерть.

На станции не нашлось никаких орудий, годных для расчистки пути по лесу. Захватив с собой сумку с медикаментами, продукты и маленькую переносную бьеньету и договорившись с Каллисто о времени следующей связи, Линьг и Ресьинь полетели обратно и вскоре присоединились к товарищам.

За оставшиеся часы дня прошли еще пять километров. С наступлением темноты расположились на отдых. Все были измучены, но о сне не могло быть и речи. Все время нужно было находиться в готовности отразить нападение зверей и гигантских птиц.

Как только взошел Рельос, тронулись дальше.

Идти было невероятно трудно, да еще с носилками. Попаленные деревья, кустарник и перепутанные лианы на каждом шагу преграждали дорогу. Приходилось обходить их, а иногда возвращаться назад и искать другой путь. К ночи прошли еще семь километров. Примерно столько же осталось до станции.

Если бы не Ресьинь и его средства, они выбились бы из сил, особенно Дьеньи. Три раза в день врач звездолета давал всем какие-то темные таблетки и заставлял глотать их. Таблетки были совершенно безвкусными, но хорошо поддерживали силы и разгоняли сон.

Вторую ночь в лесу, на случайно встретившейся обширной поляне, с ними не было Линьга. Он улетел на станцию, чтобы следить за сигналами летящего с Каллисто звездолета.

Они все еще надеялись, что помощь каким-то образом придет вовремя.

Раненым становилось все хуже. Ресьиню было ясно, что конец близок.

* * *

Ночь была на исходе. Рассвет на экваторе планеты наступал быстро.

Рев и вой кетьров прекратился к утру. Птицы больше не появлялись. Шесть штук было убито ночью.

Находясь на Сетито, каллистяне не расставались с кью-дьяелями. («Кью-дьяели» в переводе на русский язык означает приблизительно: -искусственная молния". У каллистян кью-дьяели были ручным оружием, вроде наших пистолетов.) Это давало им надежную защиту от птиц, но будет ли действительно их оружие против гигантских кетьров, еще не было проверено на практике. Пока еще ни один зверь не напал на путников.

В течение ночи Линьг несколько раз говорил с товарищами по бьеньетосвязи. Он сообщил им, что экипаж летящего на помощь корабля довел ускорение до максимально возможного предела, но все же раньше чем к утру следующего дня не мог достигнуть Сетито.

– Они напрасно рискуют, – сказал Ресьинь. – Все равно будет поздно.

Предутренний холод становился сильнее.

Ночью, из осторожности, не разжигали костра, но теперь, когда звери и птицы не появлялись больше и не были слышны, Вьиньинь, оставшийся в отсутствие Линьга старшим, разрешил развести огонь.

Сучьев было сколько угодно, и скоро пламя весело заиграло на поляне.

– Вот уж не думала, что мне придется когда-нибудь отогреться теплом огня, –

сказала Дьеньи. – О кострах я только читала в книгах.

– Скоро прилетит Линьг, – сказал Вьиньинь. – И мы пойдем дальше, в последний переход.

– Это еще вопрос, будет ли он последним, отозвался Ресьинь. – Кто может знать, каков лес впереди.

Раздалось мелодичное гудение. Экран портативной бьеньеты замерцал синеватым светом. Появилось уменьшенное, но отчетливо видимое лицо Линьга. Все сразу заметили, что их командир чем-то сильно возбужден.

– Друзья! – сказал Линьг, и его голос звучал взволнованно и радостно. – Я только что говорил с Диегоном!

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Трудно представить эффект, произведенный этим сообщением.

– С каким Диегоном? – воскликнули все трое.

Дьеньи на мгновение показалось, что Линьг говорит об ее отце.

– С командиром межзвездного корабля, с кем же еще! – радостно ответил Линьг. – Они летят к нам!

– Летят к нам?!

– Подлетают к Сетито. Диегонь сказал, что они перехватили наше сообщение о катастрофе и повернули звездолет к Сетито. Ждите на месте. Я должен давать Диегону пеленг.

– Далеко они? – спросил Ресьинь, но экран погас и ответа не последовало.

– Очевидно, очень близко, – сказал Вьиньинь, – раз дело дошло до пеленга.

– Но это значит... – начала Дьеньи.

– Да! – звенящим голосом ответил Ресьинь. – Да, Дьеньи! Это значит, что Вьеньонь и Синьянь останутся живы. На корабле Диегоня должны быть средства оказания помощи в любом мыслимом случае. Но прилетят ли они вовремя? Успеют ли?

– Успеют, – уверенно сказал Вьиньинь. – Я хорошо помню описание корабля Диегоня. На нем очень маломощная станция. Ведь тогда техника бьеньетосвязи только нащупывала пути межпланетных передач. Экипаж корабля может принимать бьеньеты, но сам не может посылать их далеко. Если Линьг разговаривал с Диегоном, то это значит – звездолет совсем рядом.

Усталости от бессонной ночи как не бывало. Они с нетерпением ожидали следующего сообщения Линьга. Было досадно, что нельзя самим слышать, как он давал пеленг космическому кораблю. Их переносная бьеньета имела жестко ограниченный диапазон.

Вьеньонь и Синьянь продолжали спать и не знали о радости, переполнившей сердца их товарищей, не знали, что их собственное спасение близко.

Рассвет приближался. Облака, плотной пеленой затянувшие небо, посветлели и начали расходиться. На востоке виднелась чистая голубая полоса, предвещавшая ясный день. Порывистый ветер, дувший всю ночь, почти совсем прекратился, и в лесу стояла полная тишина. Долгожданное сообщение, наконец, пришло. Засветился экран, и на нем появилось лицо Линьга.

– Звездолет Диегоня, – сказал он, – находится в атмосфере Сетито. Он летит прямо на станцию, строго по пеленгу. Следите за западной стороной.

Быстро рассветало; вот-вот появится над горизонтом диск Рельоса, но западная сторона неба, видная над верхушками леса, была еще совсем темной.

С глубоким волнением трое каллистян ожидали появления легендарного корабля. Одиннадцать лет (двадцать два года по-земному) все население Каллисто думало и говорило о нем, о двенадцати смелых людях, впервые в истории отважившихся покинуть планетную систему Рельоса и направиться к соседней звезде в поисках жизни. Одиннадцать лет

каллистяне ждали их возвращения, и вот они вернулись, вернулись спасителями попавших в беду товарищей.

Это был прекрасный финал подвига!

И вот далеко-далеко на облаках появился свет. Сначала он казался точкой, нужно было ожидать его, чтобы заметить, потом стал быстро приближаться и увеличиваться в яркости. Круглое светлое пятно двигалось прямо на поляну.

– Звездолет летит выше облаков, – сказал Вьиньнь. – Его прожектор освещает их сверху.

Ослепительно блеснуло, и длинный прямой луч упал на землю. Космический корабль опустился под облака.

В это мгновение лучи восходящего Рельоса коснулись неба над лесом. Сразу стало совсем светло, и трое каллистян увидели, как из облаков плавно показался и засверкал белый шар.

Его внешний вид был им хорошо известен по бесчисленным описаниям, рисункам и фотографиям. Ярко освещенный Рельосом, весь на виду, звездолет летел прямо на них, постепенно опускаясь. Прожектор погас.

Они услышали сильный, стремительно приближающийся шум, точно внезапная буря налетела на лес.

Минуту спустя ураганный ветер обрушился на поляну.

Опрокинутые на землю, трое каллистян не успели увидеть, как пронесся над ними гигантский корабль. Когда они поднялись на ноги, потревоженный лес шумел уже где-то далеко на востоке.

Ошеломленные падением, они все же сразу вспомнили о раненых, лежавших на земле, и бросились к ним.

– Теперь вы не умрете, дорогие, – говорил Ресьинь, осторожно снимая лепестки, прилипшие к лицам спавших товарищей.

Дьеньи подняла упавшую бьеньету и осмотрела ее.

– В порядке, – с удовлетворением сказала девушка.

– Ну вот и хорошо, – отозвался Вьиньнь, с беспокойством наблюдавший за ней. – Линьг не замедлит сообщить нам о приземлении корабля.

Он еще говорил, когда раздался мелодичный гудок вызова. Появилось лицо Линьга.

– Звездолет опустился в километре от станции, – сказал он. – Сейчас я полечу к нему. Не покидайте поляны. Скоро будем у вас.

– Скорее бы! – вздохнул Ресьинь, когда экран погас.

Теперь, когда помощь была так близка, ему казалось, что она опоздает. Он с тревогой всматривался в лица раненых.

День уже вступил в свои права. Половина неба очистилась от облаков, и лучи Рельоса разогнали ночной холод.

Хотя Сетито находилась гораздо дальше от Рельоса, чем Каллисто, для каллистян, одетых в меховые комбинезоны, было достаточно тепло. Человек Земли чувствовал бы себя совсем хорошо; температура воздуха была не меньше двадцати градусов выше нуля.

Но трое каллистян, находившиеся на поляне, не подозревали даже о существовании Земли.

Ждать пришлось всего полчаса.

Как раньше они смотрели на запад, ожидая появления звездолета, так теперь все трое не спускали глаз с восточной стороны, откуда должны были появиться Линьг и закончившие на Сетито свой межзвездный полет отважные звездоплаватели.

– Кто из них прилетит к нам? – ни к кому не обращаясь, спросила Дьеньи.

– Вероятно, Диегонь и, разумеется, Синьг, – ответил Ресьинь. – А может быть, и еще кто-нибудь. Скоро, Дьеньи, вы увидите своего деда.

– Я так мечтаю его увидеть, – сказала Дьеньи.

Пять точек появились вдали, быстро приближаясь к поляне.

Прилетевшие опустились метрах в двадцати от потухшего костра и, сняв крылья, направились к ожидавшим их каллистянам, взволнованным этой необычайной встречей на необитаемой планете.

Дьеньи вдруг схватила и сжала руку Ресьиня.

– Кто это? – прошептала она.

Но Ресьинь и Вьиньинь сами уже увидели и замерли от удивления и неожиданности.

Впереди, рядом с Линьгом, шел врач звездолета Синьг, а рядом с ним...

Одетый в легкий, совсем не подходящий к климату Сетито костюм невиданного покроя, к ним подходил невысокого роста человек с бледно-розовым, почти белым лицом. У него были светлые волнистые волосы. Черты лица, похожие на черты каллистян, казались более мелкими и не такими резкими. Необычайного разреза, широко открытые глаза были синего цвета. Красные губы улыбались. Его руки, видные из рукавов коричневой кожаной рубашки, были, как и лицо, светлыми.

Немного позади шли Мьеньонь и Бьяининь. Диегоня не было среди прилетевших.

Ресьинь и его товарищи готовились восторженно встретить прославленных звездоплывателей, с нетерпением ждали момента, когда, наконец, увидят их. И вот долгожданные члены легендарного экипажа здесь, перед ними, а они внезапно потеряли способность говорить и двигаться. Появление загадочного незнакомца так поразило их, что они смотрели только на него, забыв обо всем на свете.

Голос Синьга вывел их из состояния оцепенения.

– Поздоровайтесь же с нами, – сказал он. – И обнимите нашего гостя. Его зовут Петр Широков. Он с далекой прекрасной планеты, которую нам посчастливилось найти. Его товарищ остался на корабле и ждет вас.

«Их двое, этих странных людей, – подумала Дьеньи. – Они жители другого мира!»

Все трое сразу поняли смысл услышанного, все огромное значение слов Синьга.

Каллистяне давно отказались от мысли, что только на их планете существует разумная жизнь. На планете Кетьо они видели таких же, как они сами, людей, правда, стоявших еще на низкой ступени, наделенных развивающимся разумом. Было несомненно, что в просторах Вселенной существует бесконечное количество планет, несущих на себе жизнь. Но им казалось, и наука подтверждала это, что Мьеньи слишком холодная звезда, чтобы на ее планетах могла развиваться жизнь, подобная каллистянской. Подавляющее большинство ученых Каллисто считало, что экспедиция Диегоня вернется ни с чем. Только он сам и одиннадцать его товарищей верили, что у Мьеньи они найдут разумную жизнь, и с этим убеждением отправились в свой далекий путь.

И вот они оказались правы!

Под лучами Рельоса, на поляне девственного леса Сетито, перед тремя каллистянами стоял человек, ничем не напоминавший диких обитателей Кетьо.

Он был другим существом, не похожим на каллистян ростом, цветом кожи, глаз, губ, но это был высокоразумный обитатель неизвестной им планеты, живущей под светом Мьеньи.

Трое каллистян чувствовали глубокую радость, что им первым выпала счастливая судьба приветствовать посланцев планеты, даже названия которой они еще не знали.

Все трое одновременно сделали шаг навстречу синеглазому пришельцу.

Он улыбнулся и сказал на чистом каллистянском языке, чуть твердо выговаривая слова:

– Здравствуйтесь, друзья! Приветствую вас от имени человечества Земли, пославшего нас к вам. Диегонь и его товарищи прилетели на Землю и познакомились с нашей жизнью. Теперь мы направляемся на Каллисто, чтобы познакомиться с вашей. Я знаю, что нас ждет дружеский прием. Еще раз здравствуйтесь, друзья!

– Пожмите ему руку, – сказал Синьг. – На их родине такой обычай.

– Зачем? – сказал Широков. – На Каллисто другой обычай, и я буду придерживаться его.

Он обнял Ресьиня, стоявшего ближе всех, и провел пальцами по его лбу.

Взволнованный врач ответил тем же.

Широков повернулся к Дьеньи. Уже подняв руки для объятия, он вдруг опустил их, пристально всматриваясь в черты лица стоявшего перед ним стройного молодого каллистянина, одетого в такой же серый комбинезон с красным мехом на воротнике, как и другие. Он не мог сказать почему, но лицо Дьеньи показалось ему знакомым.

– Вы женщина? – спросил он.

– Да, – удивленно ответила Дьеньи.

– Тогда, – сказал Широков, – я особо приветствую вас, первую женщину Каллисто, которую я увидел.

Дьеньи обняла его. Нежное прикосновение ее пальцев глубоко взволновало Широкова. Неожиданно для себя он взял ее руку и поцеловал.

– На Земле есть такой обычай, – пояснил он, видя удивление не только новых, но и старых своих друзей.

Он был смущен своим поступком. Чем-то далеким и почти забытым повеяло на него. Он вспомнил свою мать, единственную женщину, руку которой он целовал в детстве. Лицо Дьеньи, чуждое ему – человеку Земли, вдруг показалось родным и милым.

– Ваше лицо, – сказал он, чтобы скрыть свое смущение, – кого-то мне напоминает.

– Меня зовут Дьеньи, – сказала девушка. – Я внучка человека, которого вы хорошо знаете.

– Кого же?

– Рьига Диегоня.

Этот ответ поразил не только Широкова, но и Синьга, Бьяининя и Мьеньоня.

– Внучка Диегоня? – одновременно переспросили все четверо.

Широков понял, почему ее лицо показалось ему знакомым. Он даже удивился, что сам не догадался, кто перед ним. Поразительное сходство теперь бросалось в глаза.

– Диегонь никогда не говорил нам о вас, – сказал Мьеньонь.

– Он сам не знает о моем существовании, – улыбнулась Дьеньи.

– Чья вы дочь?

– Вьега Диегоня.

– Замечательный сюрприз нашему командиру, – сказал Бьяининь.

Пока Широков знакомился с тремя каллистянами, Синьг не терял даром времени. Он достал небольшой аппарат и установил его на земле возле Синьяня.

– Надо обнажить место ожога, – сказал он.

Ресьинь и Линьг принялись помогать ему. Меховой комбинезон был расстегнут, а одежда под ним разрезана. Раздеть раненого они не решились, так как для каллистянина воздух был слишком холодным. Один Широков не чувствовал холода.

На черной груди Синьяня резко выделялись серые пятна.

– Ожог проник очень глубоко, – сказал Синьг. – Если бы мы опоздали... А другие ожоги есть? – перебил он сам себя, обращаясь к Ресьиню.

– Есть на ногах, но наиболее опасны эти.

Синьг включил аппарат. Серые пятна внезапно превратились в зеленые.

Широков, позабыв о новых знакомых, внимательно следил за процессом. Он уже достаточно знал о медицине Каллисто и разбирался в лечебных аппаратах, но видеть их в действии ему не приходилось, кроме того далекого случая, когда Синьг, в его присутствии, удалял из тела Вьеньяня пули Ю Син-Чжоу. Как давно это было! Каким чудесным казался тогда прибор Синьга земным медикам, и каким простым оказался он, когда Синьг объяснил его устройство и принцип работы.

Стоя в отдалении, вместе с другими каллистянами, чтобы не мешать врачам, Дьеньи не спускала глаз с лица Широкова.

«Так вот как они выглядят, – думала девушка. – Похожи и не похожи на нас. Белые каллистяне. Как хорошо, что мои опасения не оправдались».

Дьеньи была молода, впечатлительна и склонна к мечтательности. С раннего детства от

своего отца она слышала бесконечные рассказы о звездолете, улетевшем к далекой звезде, и о его командире. Все дети Каллисто знали имена отважных звездоплавателей, и Дьеньи радовалась и гордилась тем, что один из них ее дед. Она любила мечтать о времени, когда звездолет вернется.

Дьеньи часто представляла себе неизвестную планету, которую найдет ее дед, и обитателей этой планеты. В ее детском воображении они рисовались во всем подобными каллистянам.

Шло время; ребенок превратился в девушку, но мечты о людях иного мира по-прежнему волновали Дьеньи. Думать о них стало ее привычкой.

Она сама стала астронавтом, увидела обитателей Кетьо, но они никак не могли служить воплощением ее мечты.

Наивные детские представления сменились знаниями взрослого человека. Дьеньи уже не думала, что жители другой планетной системы обязательно должны быть копиями каллистян. Она знала, что формы жизни бесконечно разнообразны. Но увидеть своими глазами «человека Мьеньи» оставалось ее затаенной мечтой.

Пусть даже это существо окажется совсем не похожим на каллистян, но обладающее разумом, а следовательно родственное.

И вот совсем не так, как она ожидала, мечта стала явью. «Человек Мьеньи» перед ней, и формы его тела совсем не причудливы, а самые обычные. И его белое лицо даже своеобразно красиво.

«Какие странные у него глаза! Синие, как небо Сетито. И как широко открыты... А губы красные. Как странно! Наверное, это потому, что кожа на них тонка и просвечивает кровь».

Она вспомнила, как эти губы коснулись ее руки. Они были нежны и мягки.

«Какой удивительный обычай – касаться губами руки женщины! Моя рука, наверное, показалась ему грубой».

Она посмотрела на руку Широкова. Рука была почти белая и чуть ли не прозрачная.

Дьеньи вдруг захотелось коснуться этой руки своими губами. Горячая волна крови прилила к ее лицу, и щеки девушки посерели.

Она ничего не знала о поцелуе. Даже такого слова не было на каллистянском языке.

Широков чувствовал на себе взгляд Дьеньи. Ему хотелось, чтобы она отвернулась, перестала его рассматривать. В ее глазах он, вероятно, выглядит уродом. Ведь она привыкла к черному цвету и резким, определенным чертам лица.

За эти годы Широков и Синяев настолько пригляделись к каллистянам, что перестали замечать разницу между собой и ими. Но они помнили, какими необычайными казались каллистяне в первые дни их пребывания на Земле.

Ей, этой девушке с Каллисто (то, что Диегонь не знал о ее существовании, доказывало, что Дьеньи очень молода), должен казаться странным цвет его кожи. Белое лицо, красные губы, синие глаза, – Широков впервые подумал, что такое разнообразие красок может производить неприятное впечатление.

«Ну что ж! – решил он. – Пусть смотрит. Надо привыкать к этому. На Каллисто все будут нас рассматривать».

Он нахмурился и, не обращая больше внимания на Дьеньи, сосредоточенно наблюдал за операцией.

Синьг медленно вращал маленький диск на корпусе аппарата, усиливая, как знал Широков, невидимый поток нейтронных частиц. Зеленый цвет места ожога постепенно темнел, переходя в фиолетовый. Это продолжалось около часа.

– Теперь второй, – сказал Синьг.

Та же процедура была проделана над Вьеньонем.

Пораженные места покрыли толстым слоем остро пахнувшей мази и забинтовали. Оба раненых все еще не проснулись.

– Теперь все в порядке, – сказал Синьг, вставая. – Окончательную обработку

произведем на звездолете.

Не задерживаясь, тронулись в путь. Раненых несли по очереди.

Мьеньонь и Дьеньи шли впереди, расчищая дорогу, уничтожая препятствия «лучами» ультразвука.

Звери и птицы не показывались. Только один раз донесся издалека рев и вой кетьра.

Наконец вышли из лесу, и перед ними открылась равнина, уходящая за горизонт. Впереди была видна станция, стоявшая на невысоком холме, а справа от нее – белый шар космического корабля.

Над ним летало несколько членов экипажа, ожидавших появления из леса своих товарищей. Как только они показались, четверо направились в их сторону, быстро приблизились и опустились возле них на землю. Это были Диегонь, Вьеньянь, Ленъиньг и Синяев.

Прежде чем приветствовать своих соотечественников, Диегонь обратился к Синьгу с вопросом о раненых.

– Они вне опасности, – ответил врач корабля.

Дьеньи сразу узнала Диегоня. Она смотрела только на него, не видя даже Синяева, на котором сосредоточилось внимание ее спутников.

В их доме на Каллисто всюду были скульптуры Диегоня, и Дьеньи хорошо знала суровые и резкие черты его лица. И вот он перед ней, постаревший, еще более суровый, чем на портретах, но с тем же родным лицом.

Она стояла немного в стороне от других, и Диегонь, поздоровавшись с Ресьинем и Вьиньинем, подошел к ней последней.

– Я рад видеть столь юную представительницу нашей науки, – ласково сказал он, обнимая ее.

Дьеньи прижалась лицом к его груди. Ее руки остались опущенными, и Диегонь почувствовал, как сильно дрожит все ее тело от непонятного ему глубокого волнения.

Он заметил внезапно наступившее молчание и оглянулся на своих спутников.

Никто не смотрел в их сторону. Каллистяне и оба человека с Земли, словно намеренно, отвернулись.

Еще не догадываясь о причине такого поведения товарищей, Диегонь осторожно, но решительно поднял рукой ее голову и внимательно всмотрелся в черты ее лица.

– Как вас зовут, девушка? – спросил он, уже не сомневаясь в том, какой последует ответ. Эти черты были ему слишком хорошо знакомы.

– Дьеньи Диегонь, – ответила она и еще сильнее прижалась к нему.

НА МЕЖПЛАНЕТНОЙ СТАНЦИИ

Здание стояло на холме, склоны которого были искусственно срезаны, очевидно для того, чтобы сделать невозможным доступ на него огромным животным Сетито. Наверх вела узкая лестница, высеченная в каменистом грунте.

Станция была построена без всяких украшений, в форме голубого куба. На каждой стене было два окна, высоких, но очень узких, напоминавших скорее щели, чем окна, без рам и стекол.

Линьг объяснил, что это сделано для защиты оборудования от птиц, которые могли проникнуть внутрь, если бы окна были широкими. «Станция, – сказал он, – построена давно и потому имеет окна. Такая же станция на Кетьо, построенная позже, без каких-либо отверстий». «Значит, она освещается искусственно?» – спросил Синяев. – «Нет, ее стены прозрачны».

Огромные кольца, диаметром не меньше пятидесяти метров, тускло блестевшие под лучами Рельоса, непонятно как держались над плоской крышей.

Широков и Синяев с интересом рассматривали эти кольца и самый дом. Это была

первая увиденная ими в жизни межпланетная «радиостанция», и они не могли смотреть на нее без волнения, думая о сверхмощных «генераторах», которые посылали свои «волны» на столь исполинское расстояние, делали возможным разговор между планетами.

И кроме того, это было не радио, а что-то совсем иное, основанное на других принципах.

Станция бьеньеты была вершиной современной каллистянской техники. До старта звездолета Диегоня, двадцать два года тому назад (одиннадцать лет по каллистянскому счету), на соседних с Каллисто планетах таких станций еще не было. Диегонь, Мьеньонь и их товарищи, так же как люди Земли, видели ее в первый раз.

– Вероятно, – спросил Широков, – разговор возможен только тогда, когда между Каллисто и Сетито кратчайшее расстояние?

– Нет, это не имеет значения, – ответил Линьг. – Разговор возможен всегда, за исключением тех случаев, когда Сетито и Каллисто находятся на одной линии с Рельосом, по разные стороны от него. Тогда бьеньеты дойти не могут. Но мы учитываем это обстоятельство, и экспедиции организуются, только когда связь бесперебойна.

– Почему не могут? – спросил Синяев.

– Потому, что поле Рельоса очень мощно.

– Поле гравитации?

– Да, разумеется.

Синяеву этот ответ дал многое. Он уже смутно подозревал, на чем основываются передачи сообщений с планеты на планету. Наука Земли вплотную подошла к раскрытию тайны тяготения и уже достоверно знала, что энергия гравитации распространяется почти мгновенно, неизмеримо быстрее энергии света.

– С какой скоростью идет передача? – спросил он, желая окончательно убедиться, что догадка верна.

На лице Линьга появилось странное выражение. Он словно смутился. Казалось, ему чего-то стало стыдно.

– Мы знаем, – извиняющимся тоном ответил он, – что передача должна проходить мгновенно. Но она почему-то задерживается. Скорее всего, в этом виноваты аппараты связи. Передача доходит только вдвое быстрее луча света. А у вас? – спросил он, понижая голос.

«Так вот почему он смутился, – подумал Синяев. – Ему стало неловко за „отсталость“ техники Каллисто. Он думает, что мы достигли большего».

Он чуть не рассмеялся. Технике его родины еще далеко до бьеньеты каллистян.

На вопрос Линьга Синяев ничего не ответил и задал встречный вопрос:

– Что вам дают экспедиции на соседние планеты?

– Каждая планета развивается своим путем, и изучение этих путей – благодарная задача. Легче понять пути развития нашей планеты. В этом вопросе еще много неясного.

Линьг, Ресьинь, Вьиньинь и Дьеньи после первого, вполне понятного и естественного удивления ничем не выказывали любопытства, которое должны были вызывать в них люди Земли. Отношения сразу стали простыми. Широков подумал, что деликатность свойственна не только экипажу звездолета, но является общей чертой характера каллистян, чертой, воспитанной в них коммунистическим строем их жизни. Назойливое любопытство, очевидно, было им чуждо.

«А Дьеньи, – вспомнил он. – Она так настойчиво рассматривала меня в лесу. Значит, женщины Каллисто более любопытны, чем мужчины».

Но он тут же отверг этот вывод. Поведение Дьеньи имело какую-то особую причину.

Широков уже привык, что каллистяне всегда с полной откровенностью высказывали свои мысли. Он был уверен, что Дьеньи ответит ему с такой же откровенностью, и он решил спросить ее при первом удобном случае.

Они подошли к самому холму и остановились у подножия лестницы.

По обе стороны входа стояли две статуи – вернее, барельефы, высеченные на поверхности круглых столбов, от которых начиналась лестница. Столбы были около трех

метров высотой.

Широков и Синяев знали, что самым распространенным на Каллисто видом искусства была скульптура.

– Давно они тут стоят? – спросил Диегонь.

– Поставлены пять лет тому назад.

– Вы были на Сетито раньше? – спросил Широков.

– Был два раза, – ответил Диегонь. – Но этих статуй, так же как и этих колец, – он кивнул на крышу, – тогда еще не было.

– Что помещалось тогда в этом доме?

– Ничего. Просто дом отдыха экипажей. Синяев внимательно рассматривал барельефы. Каменные черты одного из каллистян показались ему знакомыми. Он взгляделся пристальнее.

– Кажется, это вы? – обратился он к Мьеньюню.

– Вы не ошиблись, – ответил инженер. – Это действительно я. Дело в том, что я был в числе четырех членов экипажа звездолета, первым посетившего эту планету. Чья это работа? – спросил он, повернувшись к Линьгу.

Тот назвал имя. Оно было, конечно, совершенно неизвестно Широкову и Синяеву, но, очевидно, хорошо известно каллистянам.

– Вот как! – сказал Мьеньюнь. – Не знал, что удостоился такой чести.

– Это еще вопрос, – сказала Дьеньи, – кто удостоился чести: вы или автор памятника.

Мьеньюнь улыбнулся.

– Вы слишком высоко ставите нас, – сказал он.

– Разве можно поставить вас выше, чем вы стоите? – возразила Дьеньи.

– Давайте поднимать раненых. – Мьеньюнь уклонился от дальнейшего разговора на эту тему.

«Интересно, – подумал Широков, – сохранилось ли у каллистян чувство тщеславия? Общественный строй их жизни как будто не оставляет для него никакой почвы».

Диегонь ласково посмотрел на внучку.

– Энтузиастка! – сказал он. – Вам самой надо слетать на Зьемлю. (На Каллисто не существует местоимения. Все каллистяне независимо от родства обращались друг к другу без «вы» или «ты». Автор пользуется местоимением «вы» для удобства изложения.)

Дьеньи ничего не ответила.

Широкову все больше и больше нравилась эта девушка.

Чем-то неуловимым она напоминала ему ту, которая была его невестой и умерла, не успев стать женой.

Синьяня и Вьеньюня осторожно подняли по лестнице. Они продолжали спать, их лица были неподвижны и безучастны.

Вслед за несшими носилки поднялись остальные.

Лестница оканчивалась у самой двери. Правда, в первый момент ни Широков, ни Синяев никакой двери не увидели. Стена казалась такой же, как во всех других местах. Но Линьг нажал на едва заметную кнопку, и часть стены сдвинулась с места, отошла немного назад и поднялась. Образовался проход шириной не больше полуметра. Носилки из веток не могли пройти через эту дверь. Каллистяне на руках внесли раненых внутрь. За ними прошел Синьг.

– Почему дверь так узка? – спросил Широков.

– Для защиты от летающих животных, – ответил Вьиньинь. – На Сетито их много. Птица может налететь на дверь и случайно нажать на кнопку. Ведь мы прилетаем сюда нечасто.

– Внимание! – раздался голос Дьеньи. – Гисельи!

Все поспешно обернулись.

Со стороны леса к холму приближались огромные крылатые существа. Их было не менее пятнадцати.

– Старые знакомые! – сказал Мьеньюнь.

Гисельи быстро подлетали. Их перепончатые крылья издавали шелестящий звук. Даже среди дня светились на тупых мордах зеленые глаза. Уродливые тела, с длинными, несколько раз согнутыми ногами, на концах которых были видны острые когти, достигали в длину трех метров. Не то звери, не то птицы – гисельи летели не прямо, а порывистыми зигзагами, судорожно метаясь из стороны в сторону.

– Сегодня ночью мы убили шесть штук, – сказала Дъеньи.

Она первая достала оружие. Широков, наблюдавший за нею, не заметил ни малейшего признака страха или волнения. Эта девушка, едва вышедшая из детского возраста, вела себя так же спокойно, как мужчины, только что вернувшиеся из звездного рейса.

Ее спокойствие было неприятно Широкову.

«Если бы она проявила женскую слабость, – подумал он, – то стала бы больше похожа на девушек Земли».

Вслед за каллистянами, очевидно решившими не прятаться от гиселий внутри станции, Широков и Синяев достали пистолеты.

Перед тем как выйти из корабля на землю Сетито, Диегонь предложил им кью-дъели, но они отказались, предпочитая привычное земное оружие, которое, в числе прочих вещей, оказалось в их багаже. Кто и зачем положил его в чемоданы, они не знали. Но теперь пистолеты пригодились.

Гисельи приближались. Вот-вот раздадутся выстрелы и протянутся навстречу хищникам огненные нити кью-дъелей. Но птицы внезапно круто повернули в сторону и направились к белому шару звездолета. Может быть, они испугались такого количества людей?

– Нет, – ответил Мъеньонь на вопрос Синяева, – гисельи ничего не боятся. Кто их знает, почему они передумали.

На вершине корабля виднелась крохотная фигурка кого-то из экипажа.

– Видит ли он их? – тревожно сказал Диегонь.

– Наверное, видит.

Гисельи все ближе подлетали к шару, где все так же стоял одинокий человек.

– Почему он не спускается вниз? – топнув ногой, сказал Диегонь. – Их слишком много. Ему не справиться со всеми.

Синяев достал из чехла сильный бинокль и поднес его к глазам.

– Это, кажется, Ньяньиньг, – сказал он. – Он что-то рассматривает на той стороне и стоит спиной к птицам.

Но если Ньяньиньг не видел опасности, то должен был услышать шум крыльев. Никаких признаков, что он знает о птицах и готов отразить нападение, не было заметно.

– Идите вниз! – крикнула Дъеньи, точно инженер мог услышать ее на таком расстоянии.

– Ваше бесшумное оружие здесь бесполезно, – сказал Широков. – Попробуем наше.

Он поднял пистолет и три раза выстрелил в воздух.

– Обернулся, – сказал Синяев.

Было видно, как Ньяньиньг метнулся к люку подъемной машины. Едва он скрылся, гисельи пролетели над самой вершиной шара. Синяев видел в бинокль, как одна из птиц ударилась о кессиндовую поверхность.

– Еще секунда промедления, – сказал он, опуская бинокль, – и она схватила бы его.

– Спасибо, Петя, – сказал Диегонь.

– Каллистяне во всем избегают шума, – засмеялся Широков. – Но иногда шум может оказаться полезным.

– Кетър! – воскликнула Дъеньи.

– Так вот он на что засмотрелся! – сказал Линьг.

Зверь только что показался из-за корабля. По-видимому, он обходил его кругом, рассматривая незнакомый предмет. Благодаря тому, что кетър находился возле корабля, размеры которого были хорошо известны людям, они смогли составить ясное представление

о размерах животного.

– Чудовище! – сказал Синяев.

Ничего другого и нельзя было сказать. Зверь, не менее шести метров в высоту и двенадцати в длину, вполне заслуживал названия чудовища. Даже рядом со звездолетом он казался огромным. Темно-серая туша на невероятно толстых коротких ногах, казалось, не шла, а ползла по равнине. Раздвоенный хвост волочился по земле. Непропорционально тонкая шея оканчивалась маленькой головой, которую нельзя было рассмотреть на таком расстоянии даже в бинокль. Обнаженное, без шерсти, тело кетъра тускло блестело.

– Я во что бы то ни стало хочу увидеть его вблизи и сфотографировать, – сказал Широков. – Когда еще выпадет случай встретить живого бронтозавра? (Бронтозавры – гигантские животные из группы динозавров, жившие на Земле в мезозойскую эру.)

В возбуждении он даже не заметил, что говорит по-русски. Бьянинь перевел его слова.

– Откуда вы хотите его снять? – спросил Линьг.

– С корабля, – ответил Широков.

Он поспешно стал надевать крылья. Фотоаппарат висел у него на плече, и за время короткого пребывания на Сетито было сделано уже много снимков.

– Я не пушу тебя одного, – сказал Синяев.

– Только не вздумайте опускаться на землю, – предостерег их Диегонь. – Кетър очень опасен и, несмотря на внешнюю неуклюжесть, может бегать очень быстро.

– Мы будем об этом помнить, – ответил Синяев.

– Может быть, лучше не надо? – сказала Дьеньи, и Широков вдруг вспомнил, что точно такие же слова сказал ему Куприянов в тот памятный день, когда он впервые собирался лететь на крыльях вместе с каллистянами, после их выхода из шара на поле под Курском.

Где сейчас Михаил Михайлович? Жив ли он? Вспоминает ли о нем?..

– Осторожнее, – тихо прибавила Дьеньи, и в узких прорезях ее темных глаз Широкову почудился мелькнувший огонек.

– Кетър же не летает, – ответил он. – Какая же может быть опасность? А гиселий давно уже не видно.

Они сразу включили полную скорость, опасаясь, что зверь отойдет от звездолета и тогда окажется на снимке слишком мелким. Расстояние в один километр, отделявшее корабль от холма, преодолели за одну минуту.

С близкого расстояния кетър казался еще более неуклюжим, чем издали. Они хорошо рассмотрели его морщинистую, как у земного слона, голую кожу и странно маленькую плоскую голову.

– Настоящий бронтозавр! – крикнул Широков.

Синяев кивнул головой.

Кетър, очевидно, услышал. Он поднял голову, и они увидели его злые глаза, так же, как у гиселий, горевшие зеленым огнем.

Опустившись на вершину шара, Широков поспешно снял крылья и взялся за аппарат. Кетър был виден отсюда как на ладони.

Снимок за снимком Широков использовал всю пленку. Жалеть не приходилось, – такой случай мог никогда не повториться.

– Ну вот и все! – облегченно вздохнул он, щелкнув последний раз затвором и сняв, через телеобъектив, морду зверя. – Жаль, что нет киноаппарата.

Но, оглянувшись, он никого не увидел позади себя. Синяев исчез. Его крылья лежали у люка подъемной машины.

«Пошел за камерой», – обрадовался Широков.

Кетър, очевидно, надоел корабль. Он медленно повернулся и пошел к лесу, не оборачиваясь.

– Он не считает нас опасными для себя, – сказал Синяев, снова появляясь наверху в сопровождении Ньяньиньга. – Отойти немного!

У него в руках была кинокамера.

Пять минут, пока кетър не отошел слишком далеко, Синяев непрерывно снимал его.

– Теперь на Земле увидят, как он ходит, – удовлетворенно сказал он. – Жалко, что гисельи не попали на пленку.

– Спасибо! – сказал Ньяньиньг, обнимая Широкова. – Это вы спасли меня.

– Как это вы чуть не прозевали?

– Меня поразило появление кетъра, – пояснил инженер. – Я его никогда раньше не видел.

Они втроем вернулись на холм.

Широков и Синяев еще не были внутри станции. Они с интересом рассматривали внутреннее убранство первого каллистянского дома, увиденного ими не на рисунке. Но обстановка была очень простой и ничего нового для себя, кроме, разумеется, аппаратов бьеньеты, они не увидели.

В доме было три комнаты. Одна из них была жилой, и в ней находились сейчас Вьеньонь и Синьянь. Во второй помещались агрегаты, дающие бьеньетоэнергию, а в третьей – приемные и передающие устройства.

Диегонь попросил Линьга вызвать Каллисто.

Пока устанавливалась связь, а это отнимало около двадцати пяти минут, Ньяньиньг слетал на корабль, и вскоре весь экипаж собрался на станции. Все хотели присутствовать при разговоре.

Пришел ответ. Далекая каллистянская станция запрашивала о здоровье раненых. Там еще не знали о прилете на Сетито корабля Диегоня и думали, что вызывает Линьг.

Диегонь посмотрел на Мьеньоня. Эти два каллистянина удивительно хорошо понимали друг друга. Так и на этот раз Мьеньонь ответил на безмолвный вопрос Диегоня только глазами.

– Да, – сказал Диегонь. – Так будет лучше. Передавайте! – обратился он к Линьгу.

Широков и Синяев подошли ближе. С приемом бьеньет они были уже знакомы, но как осуществлялась передача, они еще не знали.

Перед креслом, в котором сидел Линьг, помещался большой, наклонно расположенный диск, сделанный как будто из черного стекла. Как только Линьг повернул маленькую рукоятку, цвет диска сразу стал синим.

Линьг взял в руку длинную трубочку с шариком на одном конце и металлическим острием на другом. Шарик был прозрачен, и от него отходил тонкий гибкий провод.

Этим острием Линьг стал вычерчивать на диске ломаные линии бьеньеты. Несколько секунд они оставались видны на синей поверхности, потом исчезали. Внутри шарика что-то потрескивало, и временами появлялись вспышки.

Каждую фразу передавали по три раза.

– "Космический корабль, – диктовал Диегонь, – вернулся от Мьеньи. Бьеньета Линьга была нами перехвачена.

Звездолет повернул к Сетито. Оба раненых спасены. Ждем прилета спасательной экспедиции и с нею вместе вылетим на Каллисто. Все члены нашего экипажа здоровы. Диегонь".

Широков ясно представлял себе, какое впечатление произведет эта бьеньетограмма на родине звездоплавателей. Он видел, что Диегонь сильно волновался, его голос заметно дрожал.

Каллистяне не проронили ни слова и не двинулись с места все двадцать пять минут, отделявшие передачу от ответа с Каллисто. И вот, быстро и явно нервно, побежали линии по экрану.

«Спешу передать всем радостную весть, – говорил неизвестный оператор на станции Каллисто. – Приветствуем вас. Благодарим за спасение пострадавших».

Текст бьеньеты прошел по экрану только один раз. Очевидно, передававший ее каллистянин настолько взволновался, что забыл повторить и даже не назвал своего имени.

Почти тотчас же экран засветился снова. Побежали линии.

– «Экипаж звездолета, – читал Линьг, – приветствует героев Вселенной. Гесьянь». Это имя командира корабля, летящего к нам на помощь, – пояснил он.

На спасательном корабле следили за бьеньетами с Сетито и «слышали» разговор Диегона с Каллисто.

– «Поняли. Ждем вас», – ответил Линьг.

Только погас экран, как Каллисто снова начала передачу.

«Дорогие друзья! – гласила бьеньета. – Рад, что нахожусь на станции и могу первым приветствовать ваше возвращение. Прошу кратко передать: оправдались ли ваши предположения? Нашли ли вы у Мьеньи жизнь? Женьсиньг».

Диегонь снова посмотрел на Мьеньоня и улыбнулся.

– Этого следовало ожидать, – сказал он. – Придется сказать сейчас.

Широков понял, о чем безмолвно договорились Диегонь с Мьеньоном полчаса тому назад. Они хотели не сообщать пока о людях Земли.

– Передавайте! – решительно сказал Диегонь. – «Дорогой друг! Предположения полностью подтвердились. Мы нашли у Мьеньи населенную планету. Ее обитатели во всем подобны нам. Двое из них прилетели с нами, вы их скоро увидите. Обнимаю вас. Диегонь».

Через двадцать пять минут пришел ответ:

«Обнимите от нас дорогих гостей. Еще с большим нетерпением будем ожидать ваш корабль. Женьсиньг».

Почти точно такая же бьеньетограмма немедленно поступила и с борта спасательного звездолета. Из нее выяснилось, что Гесьянь рассчитывал быть на Сетито к завтрашнему утру.

После этого экран окончательно погас.

Приближалась ночь. Все, кроме Синьга и Ресьиня, отправились на корабль. Дьеньи осталась дежурить у постели раненых.

– Я тоже могу остаться, – предложил Широков.

– Спасибо, – ответил Синьг, – но этого не нужно. Нас троих вполне достаточно. Вы устали – отдохните!

ГЕСЬЯНЬ

– Мы полетели на Каллисто, чтобы увидеть будущее нашей Земли, – сказал Синяев. – А по дороге увидели ее прошлое.

– Да, это верно, – согласился Широков. – Сетито можно назвать прошлым Земли.

– И Рельос тут совсем как Солнце, – продолжал Синяев. – И небо голубое. А лес напоминает каменноугольный период, как его изображают в школьных учебниках. Такой была наша планета много миллионов лет назад. Как и здесь, по ней бродили гигантские бронтозавры и летали птеродактили. И не было людей.

– На Каллисто не будет зеленой травы, – сказал Широков. Они сидели на «крыше» звездолета и грелись под лучами высоко стоявшего Рельоса. Оба любовались природой Сетито, зеленым лесом, травой, небом. Все здесь напоминало природу далекой родной Земли.

Для каллистян Сетито была холодной планетой, а людям было жарко. Широков даже снял рубашку.

– Хорошо! – сказал он. – На Каллисто мы будем мучиться от жары.

– Если станет невтерпез, – засмеялся Синяев, – отправимся на отдых в полярные области.

Как всегда, беззвучно поднялась подъемная машина. Появился Диегонь в сопровождении Мьеньоня и Линьга. Командир погибшего звездолета с изумлением посмотрел на Широкова.

– Что вы делаете? – сказал он. – Разве можно раздеваться на таком холоде?

Диегонь улыбнулся.

– Они привыкли, – сказал он. – На их планете такая температура воздуха считается теплой.

– Сегодня не тепло, а жарко, – сказал Широков.

Линьг с сомнением покачал головой. Он не скрываясь рассматривал розовую грудь и руки Широкова. Еще не привыкнув к людям Земли, он видел в них много необычайного, что давно стало привычным для Диегоня и Мьеньоня.

– Погрейтесь! – ласково сказал Диегонь. – На Сетито Рельос ничем не отличается от вашего Солнца. На Каллисто вы нигде не найдете таких условий.

– Мы только что говорили, – сказал Синяев, – что если устанем от жары, то отправимся в полярные области Каллисто.

По лицу Диегоня прошла тень озабоченности.

– Все равно, – сказал он. – На нашей родине нигде нет условий, подобных земным.

– Как же так? В полярных областях должен быть холод! Относительный, конечно.

– Это верно, но все же вы не будете чувствовать себя так, как чувствуете здесь.

– Объясните, – попросил Широков.

– Это сделает Синьг. Сейчас он поднимется наверх и поговорит с вами.

Тон Диегоня был каким-то необычным. Оба друга заметили это.

– Случилось что-нибудь? – спросил Широков.

– Случилось то, что и должно было случиться. Наша вина, что мы не подумали об этом раньше.

– Ничего не понимаю, – сказал встревоженный Широков.

И он и Синяев смотрели на Диегоня, ожидая более ясного объяснения, но командир звездолета ничего больше не сказал. Он и его спутники надели крылья и улетели к кораблю Гесьяня, стоявшему в стороне леса, на расстоянии полутора километров.

Он прилетел рано утром. Едва взошел Рельос, над лесом показался необычайного вида аппарат. Широков и Синяев привыкли думать, что космические корабли должны иметь сигарообразную форму или быть круглыми, как звездолет Диегоня. Во всяком случае, обтекаемая форма казалась им обязательной. Ведь при взлете и посадке кораблю приходилось прорезывать плотные слои атмосферы.

Звездолет Гесьяня, «корабль внутренних рейсов», как говорили каллистяне, имел форму отнюдь не обтекаемую – скорее наоборот. Это был удлинённый прямоугольный летающий брус, метров двадцати в длину и приблизительно трех в поперечнике. Он был бледно-зеленого цвета и не имел крыльев.

Странное впечатление производил этот «ящик», медленно плывший над равниной; нельзя было понять, какие силы поддерживали его в воздухе.

Синяев посмотрел на Мьеньоня и увидел такое же выражение удивления, как и на лице Широкова. Было ясно, что инженер звездолета впервые в жизни видит такую конструкцию.

Зеленый корабль пролетел над самой вершиной шара, где стояли оба человека Земли и все каллистяне.

– Как он держится в воздухе? – спросил Синяев.

– Антигравитационное поле, – коротко и малопонятно ответил Линьг.

Снова гравитация! Каллистяне, прилетавшие на Землю, ничего не говорили о такой технике. Очевидно, она появилась на Каллисто за время их отсутствия.

Двадцать два года – огромный срок для высокоразвитой науки!

«Чем дальше, тем интереснее», – подумал Синяев.

Зеленый «ящик» летел все медленнее и медленнее. Вот он совсем остановился над выбранным местом и неподвижно повис в воздухе.

Не слышно ни звука. Ничто не указывает, что на корабле есть какой-нибудь двигатель. Волшебным кажется весь его «невозмутимый» вид. Точно не существуют для него законы всемирного тяготения.

Медленно и осторожно корабль опустился на землю по вертикальной линии.

– Да! – сказал Мьеньонь, обращаясь к Няньиньгу. – Чтобы снова стать инженерами,

нам придется немало поучиться.

Экипаж прилетевшего корабля состоял из четырех каллистян. Трое из них сразу после посадки прилетели на звездолет.

Они пользовались «обыкновенными» крыльями, и это показалось Синяеву удивительным. Вероятно, он не удивился, если бы они летели совсем без крыльев.

Широков и его друг уже знали от Ресьиня, что командир корабля – Гесьянь – по специальности врач. Несмотря на свою молодость, он был широко известен на Каллисто своими научными работами и пользовался большим авторитетом.

Опустившись на вершину шара, Гесьянь поспешно снял крылья и одного за другим обнял людей Земли.

Он был одет в черный комбинезон с черным мехом на воротнике и манжетах.

В первую минуту появление этой странной, сплошь черной, фигуры произвело на Широкова и Синяева ошеломляющее впечатление. Словно персонаж из детской сказки, какой-то волшебный «черт», появился рядом с ними. Потом они разглядели молодое приветливое лицо, производившее приятное впечатление.

Двое других были одеты в обычные для каллистянских звездоплывателей серые костюмы с красным мехом.

– Мы были очень рады, – сказал Гесьянь, – когда узнали, что вернулся корабль Диегоня и на нем прилетели два человека от Мьеньи. Приветствую вас, дорогие гости! – Он повернулся к Диегону и, обнимая его, сказал: – Вы, наверное, знаете их язык. Переведите им мои слова.

– Они вас поняли, – ответил Диегонь.

– Поняли, – сказал Широков. – И очень благодарны за теплое приветствие.

– За время пути наши гости хорошо овладели каллистянским языком, – пояснил Мьеньонь.

– А вы?

– Один только Бьяининь. Их язык очень труден для нас.

Два других члена экипажа, в свою очередь, обняли людей Земли. Один из них – Мьесинь – был тоже врачом и так же молод, как его командир. Другой, значительно старше, оказался женщиной.

– Меня зовут Сетьи, – сказала она. – Я вьеньти Синьяня.

Слово «вьеньти» на каллистянском языке обозначало «подруга» и было равнозначно русскому слову «жена», но одновременно оно служило для обозначения дружбы между женщинами. Если же друзьями были мужчина и женщина, то они назывались «вьести», так же как и друзья "мужчины. (Слово «вьести» не поддается точному переводу. Приблизительный смысл – «собеседники».)

– Дайте как следует рассмотреть вас, – сказал Гесьянь.

Он положил руки на плечи Широкова и улыбаясь смотрел в его лицо.

– Сколько вам лет, Гесьянь? – спросил Широков.

– Четырнадцать.

– Двадцать восемь, по-нашему. Вы ненамного моложе меня.

– Тем лучше, – сказал Гесьянь. – Больше оснований нам быть друзьями.

Синьг и Ресьинь подошли к нему.

– Да, да! – заторопился Гесьянь. – Пойдемте к раненым. Я хочу их видеть. – Он снова повернулся к людям Земли и снова окинул их внимательным взглядом. – Вы очень легко одеты, – сказал он совсем другим, профессиональным тоном.

– Для нас здесь достаточно тепло, – ответил Широков.

– Вот как! – Гесьянь нахмурился. – Какая средняя температура на вашей планете?

Синяев ответил.

– На каком расстоянии ваша планета от Мьеньи?

Получив ответ и на этот вопрос, Гесьянь повернулся к Синьгу.

– Вы, кажется, собирались лететь прямо на Каллисто? – спросил он.

– Да.

– Хорошо! Там увидим. Идемте, Синьг.

Четыре врача надели крылья и улетели на станцию.

Это было первым намеком на то, что с прилетом людей Земли на Каллисто не все обстоит так просто, как они думали. Но в тот момент Широков и Синяев еще не заподозрили ничего неладного.

Примерно через час Синьг и Мьесинь вернулись на звездолет.

– Как раненые? – спросил Диегонь.

– С ними все в порядке, – ответил Синьг. – Вот только зрение можно вернуть на Каллисто, не раньше.

– Гесьянь там?

– Да. Он разговаривает с Каллисто. – Синьг посмотрел на Широкова, стоявшего рядом, и Петр Аркадьевич заметил странное выражение на лице своего друга. Казалось, что Синьг чем-то взволнован и огорчен.

– Гесьянь разговаривает о нас? – прямо спросил Широков, глядя в глаза Синьга.

– Да, о вас. Мне надо поговорить с вами, – сказал Синьг, обращаясь к Диегону.

И они ушли.

Это было вторым намеком, возбуждившим уже тревогу.

И вот сейчас, спустя несколько часов после прилета корабля Гесьяня, слова Диегона в третий раз намекнули на что-то, по-видимому, неприятное.

Что же могло случиться?

Они с нетерпением ждали прихода Синьга.

Врач звездолета появился наверху явно расстроенный.

Он сел рядом с Широковым и долго молчал.

– Вот, Петя, – сказал он наконец. – Меня считают хорошим врачом, а это совсем не так.

– Что-нибудь с ранеными?

– Нет, не то. Дело не в раненых, а в вас.

– Мы ни разу не болели.

Широков уже начал догадываться, в чем дело, но хотел вызвать Синьга на полную откровенность.

«Хорошо, там увидим», – звучали в его ушах слова Гесьяня.

Не об этом ли говорил он с Каллисто? Очевидно, об этом.

– Говорите прямо: в чем дело? – спросил Синяев.

– Я был на Земле, – словно самому себе сказал Синьг. – Я знаю ее климат, знаю организм людей. И все же я не подумал о разнице средних температур Земли и Каллисто.

– И что же? – спросил Широков, поняв все.

– Гесьянь считает, что вам нельзя лететь на Каллисто. Пока нельзя, – поправился Синьг. – Надо привыкнуть к лучам Рельоса.

– Здесь?

– Нет, здесь ничего не выйдет. Сетито слишком далеко от Рельоса. Гесьянь советовался с врачами и астрономами Каллисто. И они решили отправить вас на Кетьо, для акклиматизации. Кетьо ближе к Рельосу, чем Сетито, но дальше, чем Каллисто. Это будет промежуточной остановкой.

– И долго нас собираются там держать?

– Дней пятьдесят.

Широков переглянулся с Синяевым. Пятьдесят дней! Это было не так уж страшно. Они ожидали худшего.

– Из-за этого не стоит расстраиваться, – сказал Широков.

– Как ты не понимаешь? – по-русски сказал Синяев. – Не это их расстраивает. Дело не в том, что мы попадем на Каллисто с опозданием.

– А в чем же?

– В них самих.

Широков посмотрел на грустное лицо Синьга и понял.

– Летите на Каллисто, – сказал он, – без нас. Мы отправимся на Кетью с Гесьянем.

– Диегонь не хочет этого. Да и другие не хотят. Мы говорили об этом. Мы сами доставим вас на Кетью и останемся там вместе с вами. Вы наши друзья, а друзей не бросают.

Широков и Синяев хорошо знали, что экипаж звездолета любит их, но такого самоотверженного проявления этой любви они не ожидали. Ведь эти люди двадцать два года не видели своей родины. Каллисто была так близка!

– Не делайте этого, – сказал Синяев.

– Это решено, – ответил Синьг. – Но, конечно, нам грустно.

Широков обнял каллистянина и поцеловал его в серые губы.

– Спасибо! – сказал он взволнованно. – Мы не забудем жертвы, которую вы нам приносите.

СНОВА В ПУТЬ

Гесьянь пригласил Широкова и Синяева посетить его звездолет и познакомиться с четвертым членом экипажа. Сегодня вечером корабль должен был покинуть Сетито, чтобы как можно скорее перевезти раненых на Каллисто. До старта оставалось немного времени.

Нечего и говорить, что оба друга с удовольствием воспользовались этим приглашением.

Звездолет Диегоня был им понятен. Его конструкция и двигатели, хотя и недоступные пока земной технике, не представляли собой ничего загадочного. Наука Земли стояла на самом пороге открытий, которые были сделаны каллистянами к моменту старта их корабля к Солнечной системе, то есть двадцать два года тому назад. Но корабль Гесьяня был детищем иной техники. Ведь даже Мьеньонь, несомненно выдающийся инженер Каллисто, не понимал принципов его устройства. Техника, основанная на силах гравитации, – это было нечто совсем новое, загадочное и потому особенно интересное. Когда Широков и Синяев покидали Землю, наука их родины еще не знала достоверно, что представляет собой физическая сущность тяготения, она только подходила к решению этой загадки природы.

Космический корабль «внутренних рейсов» не имел ничего общего с кораблем Диегоня, и не только по внешнему виду, но и по внутреннему устройству.

Вход в него помещался на одном из концов «бруса». Это была обычная сдвижная дверь, правда абсолютно герметичная, а за ней сразу начинался коридор, идущий вдоль всего корабля. Не было ничего похожего на выходную камеру. На Сетито и Кетью состав атмосферы был такой же, как на Каллисто, и в камере не было надобности.

Коридор шел слева, у самой стенки. Направо помещались каюты. Их было всего четыре, каждая длиной около пяти метров и двух с половиной в ширину и высоту.

После межзвездного корабля с его многочисленными просторными помещениями звездолет Гесьяня показался Широкову и Синяеву совсем маленьким.

Им сразу бросилось в глаза, что на корабле как будто не было помещений для двигателей, а также пульта управления.

– Они есть, – пояснил Гесьянь. – Аппараты, создающие движущую силу (он не сказал «двигатели»), помещены под полом и изолированы от других помещений. Это необходимо для избежания опасности аннигиляции. А аппараты, предназначенные для изменения направления полета, или, если хотите, пульт управления, помещаются в передней части корабля. Мы туда сейчас пройдем. Но вообще, строго говоря, на звездолете нет ни передней, ни задней части.

– Как это понять? – спросил Синяев.

– Очень просто. Корабль летит всегда вверх. Пол всегда остается полом. При движении в горизонтальной плоскости, а это происходит только близко от поверхности планет, он может лететь в любом положении. Специально передней части не существует.

– А в моменты невесомости?

– Их не бывает. Наши корабли внутренних рейсов половину пути летят с ускорением, а вторую половину – с замедлением. Сила тяжести всегда нормальна и направлена вниз, к полу.

Они прошли до конца коридора, и Гесьянь с помощью кнопки открыл дверь.

– Вот здесь, – сказал он, – находится водитель корабля, когда надо производить маневр взлета или посадки.

Если бы Широков и Синяев не видели раньше командного пункта корабля Диегона при «открытых» экранах, они могли бы подумать, что вышли наружу. Но они привыкли к кажущемуся отсутствию экранов и поняли, что стены, пол и потолок здесь есть, но только совершенно невидимы. Вокруг расстился пейзаж Сетито, а под ногами, в полуметре расстояния, они видели зеленую траву равнины. Ступив на пол, они оказались «висящими» в воздухе.

У маленького круглого «пульта», покрытого множеством крохотных кнопок, стояла небольшого роста молодая женщина, лет двенадцати по каллистянскому счету времени.

– Моя жена, – представил ее Гесьянь. – Бьесьи. Мы с ней впервые встретились именно на Сетито и потому особенно любим эту планету.

– И нам очень приятно, что мы можем приветствовать вас именно здесь, – сказала Бьесьи.

Она посмотрела на мужа, и он, поняв ее взгляд, поспешил сказать, что пришельцы из другого мира понимают их язык.

– Они оба владеют им совершенно свободно.

– Как хорошо, – продолжала каллистянка, – что вы успели прийти на помощь. Без вас Синянь и Вьеньонь погибли бы. Мы торопились, как могли, но знали, что опаздываем, и были в отчаянии. Особенно Сетьи.

Она говорила так, словно Широков и Синяев были членами экипажа межзвездного корабля. Никакого любопытства, которое они должны были вызывать, не было заметно в ее обращении с ними.

– Диегонь и его товарищи, – ответил Синяев, – ни минуты не колебались. Как только была перехвачена бьеньета Линьга, звездолет повернул к Сетито.

– Чудесный конец чудесного рейса, – сказала Бьесьи. – А как мы торопились! – прибавила она. – Было тяжело, очень тяжело.

– Она довела ускорение до такой величины, – сказал Гесьянь, – что мы лежали почти без сознания.

Оба друга с удивлением взглянули на Гесьяня. До сих пор они слышали, что именно Гесьянь был командиром звездолета. И вдруг он говорит совсем иное.

– Я вас не понял, – сказал Синяев, уже усвоивший манеру каллистян говорить и спрашивать обо всем прямо. – Кто же из вас командир корабля?

– Я руководитель спасательной экспедиции, – ответил Гесьянь. – А кораблем управляет Бьесьи. Она инженер-астронавт, а я только врач.

– В таком случае, – сказал Синяев, – разрешите задать вам несколько вопросов.

– Я с радостью отвечу вам, если только смогу, – сказала Бьесьи.

Из последующего разговора Широков почти ничего не понял.

Синяев и Бьесьи говорили о проблемах гравитации, о которых он знал только понаслышке. Но хотя ему казалось, что его друг понимает все, в действительности Синяев также понял очень мало. В этой области наука Каллисто ушла вперед слишком далеко.

Ответ Бьесьи на вопрос о принципах движения корабля сводился к тому, что загадка сил гравитации была полностью раскрыта каллистянами десять лет тому назад (двадцать по-земному). И не только раскрыта, но и приспособлена к нуждам техники. Появились аппараты, основанные на энергии гравитационных и антигравитационных полей. Нейтрализация тяготения сначала была впервые достигнута с помощью мощного электростатического поля, имеющего заряд, противоположный по знаку гравитационному

полю. Но этот метод был громоздок и требовал огромных расходов энергии. Каллистянские ученые сосредоточили свое внимание на поисках антигравитации, так сказать, в чистом виде и решили эту задачу.

Так появились звездолеты, не имеющие никаких двигателей и летящие с помощью сил взаимодействия полей гравитации: одного – создаваемого искусственно в них самих, а другого – внешнего, причем оба поля имели противоположные знаки.

Из объяснений Бьесьи Синяев уяснил себе, что каллистяне могли произвольно менять знак поля своего корабля, что и давало им возможность маневрировать в широких пределах. Но как это делалось – он не понял, да и не мог понять, так как не был знаком с основами «гравитационной науки», о которой говорила Бьесьи.

– Насколько я понял, – сказал он, – вы используете притяжение и отталкивание небесных тел. Но мы видели, что ваш корабль летал над Сетито в горизонтальной плоскости...

– О! – улыбнулась Бьесьи. – Об этом не стоит и говорить. Вес корабля нейтрализован, и его может приводить в движение двигатель ничтожной мощности. Такой у нас есть.

– Откуда берется энергия для полета корабля? Я говорю о межпланетном полете.

– Я же вам сказала, – удивилась Бьесьи. – Энергия гравитационных полей есть везде. Корабль может лететь бесконечно долго. Энергия для создания его собственного поля черпается из окружающего пространства. Остается только переменить ее знак нужным образом.

– Об этом я и спрашиваю. Как достигается превращение прямого поля в обратное?

– Это делают аппараты, расположенные в нижней части корабля.

И Бьесьи принялась объяснять устройство и принцип работы аппаратов. Но здесь Синяев уже окончательно ничего не понял. Он слушал нежный голос каллистянки, говорившей как будто на совершенно ему незнакомом языке, и думал, сознаться в своем невежестве или дать ей договорить. Ему почему-то было стыдно признаваться, и он позволил довести объяснение до конца.

– Теперь вам ясно? – спросила Бьесьи.

Синяев не выдержал при этом прямом вопросе.

– Ничего не понял, – неожиданно для себя ответил он, к немалому удивлению Широкова.

Бьесьи явно огорчилась.

– Я не сумела вам объяснить, – сказала она. – Извините меня. На Каллисто вы найдете людей, которые сделают это гораздо лучше.

– Будем надеяться, – сказал Синяев.

Он боялся, что такой ответ может еще больше огорчить Бьесьи, но ничего другого не мог сказать. Ему казалось невозможным принижать в ее глазах науку Земли при первом же знакомстве.

Но каллистянка, казалось, нисколько не обиделась. Разговор продолжался как ни в чем не бывало.

Они долго беседовали. Широков и Синяев чувствовали себя как-то особенно хорошо с молодыми супругами, которые также, очевидно, симпатизировали людям Земли.

– Как жаль, что нам придется расстаться с вами, – сказала Бьесьи, когда они собрались на свой звездолет.

– Увидимся на Каллисто, – ответил Широков.

Он случайно посмотрел при этом на Гесьяня и заметил, как на высоком лбу каллистянина появилась глубокая морщина.

Бьесьи также взглянула на мужа.

– Если вам так хочется... – начала она.

– Нет, этого нельзя, – перебил Гесьянь.

– А что такое? – спросил Широков.

– Нельзя, – повторил Гесьянь.

– Ему очень хочется лететь с вами на Кетьо, – пояснила Бьесьи.

– Почему же нельзя? Раненые будут находиться под наблюдением двух врачей. Или вы им не доверяете?

– Я взял на себя руководство спасательной экспедицией и должен довести ее до конца. Я знаю, что Месьинь сделает все не хуже меня.

– Так в чем же дело?

– Я отвечаю за раненых.

– Перед кем? – спросил Широков.

– Перед своей совестью.

Это был закономерный ответ.

Каллистяне формально могли вести себя как хотели, ничто их не ограничивало. Но всегда и во всем они руководствовались велениями совести и общечеловеческой морали.

Широков и Синяев не стали уговаривать Гесьяня, – они знали, что это бесполезно.

Выйдя из корабля, они увидели Ленинга, который только что опустился на землю.

– Диегонь послал меня за вами, – сказал он. – Не хотите ли сопровождать его к месту катастрофы?

– Конечно! С большим удовольствием!

Полетели на крыльях. Кроме Диегоня, Широкова и Синяева, в экскурсии участвовали Линьг, Мьеньонь и Гесьянь.

Прежде чем подняться в воздух, Диегонь обратился к Широкову и Синяеву.

– Если мы встретимся с гисельями, – сказал он, – немедленно опускайтесь на землю и ложитесь. Отражать нападение будем мы. А если это произойдет над лесом, уходите вперед на полной скорости. Ни при каких обстоятельствах не вмешивайтесь, что бы ни произошло. Думайте только о собственной безопасности. – Заметив, что Широков собирается возразить, Диегонь прибавил очень серьезно: – Каллистян сотни миллионов, а вас двое. Не забывайте этого.

– Хорошо, – сказал Широков. – Обещаем.

– Обещаем, – повторил Синяев.

Они не могли не признать справедливости слов Диегоня. Не стоило несколько лет провести на звездолете, чтобы в самом конце пути поставить на карту результат их миссии. Достигнув планетной системы Рельоса, Широков и Синяев уже не имели права распоряжаться собой. Заменить их было некем. Они принадлежали не себе, а науке Земли и Каллисто.

Двадцатикилометровый перелет над лесом прошел благополучно. Только в самом конце, уже над полем, где произошла катастрофа, увидели несколько гиселий.

Помня свое обещание, Широков и Синяев немедленно опустились и спрятались на опушке.

Но хищники не заметили людей. Они повернули в сторону и вскоре исчезли.

Каллистяне тщательно осмотрели место, где стоял звездолет. От него и от лагеря не осталось ровно ничего – огромная воронка сожженной земли. Ни единого обломка, ни одного самого маленького куска металла. Космический корабль исчез бесследно.

– Тут ничего не выяснишь, – сказал Мьеньонь. – Несомненно, произошла аннигиляция. Но почему и как, остается только предполагать.

Широков незаметно наблюдал за Линьгом. По его понятиям, командир погибшего корабля должен был нести ответственность за гибель звездолета и смерть одного из членов экипажа. В какую же форму может вылиться эта ответственность, если, как он знал, на Каллисто нет никаких следственных органов, судебных учреждений, не говоря уже о тюрьмах или исправительно-трудовых лагерях, никакого аппарата для наказания виновных?

Лицо Линьга было грустно, но такая же грусть чувствовалась и у всех остальных. Она относилась к погибшему каллистянину, а не к сознанию своей вины. Неужели на Каллисто любой поступок остается безнаказанным? Это была бы уже не свобода личности, а анархия.

Воспользовавшись тем, что Гесьянь отошел немного в сторону, Широков обратился к

нему со своими вопросами.

– Я понимаю, – ответил Гесьянь, выслушав Широкова, – чем вызвано ваше недоумение. Несколько веков тому назад у нас было то, что вы называете «судом». Люди судили поступки других людей. Теперь мы смотрим на эти вопросы несколько иначе. Лучшим судьей человека является он сам. Суд совести самый страшный и беспощадный, гораздо более суровый, чем суд других людей. Мы не знаем, виноват Линьг или нет. Он знает это лучше нас. И если виноват, мне жаль его.

Он замолчал, задумчиво глядя вдаль.

– Я расскажу вам случай, который произошел на Каллисто лет шестьдесят тому назад. Это поможет вам понять нашу точку зрения. Я читал об этом случае. Тогда только что появились в обиходе олители – летающие лодки, – пояснил он. – Правил движения в воздухе еще не успели выработать. И случилось так, что две олители столкнулись. Один каллистянин остался жив, второй умер. Никто не знал, по чьей вине случилось несчастье. Оставшегося в живых никто не обвинял ни в чем. Погибший был ему незнаком. Они были совсем чужие люди. И вот этот человек покончил с собой. Очевидно, виноват был он и не перенес этого. Никакой суд людей не вынес бы ему такого приговора.

– Вы одобряете его поступок?

– Трудно ответить на такой вопрос. Самоубийство на Каллисто редчайшее явление. Мы не считаем человека автоматом, но не признаем за ним права на добровольный уход из жизни. Это в некотором роде трусость. Но и трудно представить, как может жить человек, зная, что убил другого. Вопрос очень сложный.

– Вероятно, случались и другие столкновения?

– Нет, с тех пор не было ни одного. Существуют правила движения в воздухе; как же оно может произойти?

Широкова поразили эти слова, сказанные так, как будто выполнение правил движения само собой подразумевалось.

Но ведь и на Земле есть правила. Но, несмотря на них, происходят сотни катастроф и на земле, и в воздухе. Почему же у каллистян достаточно было ввести правила – и ни одного несчастья больше не произошло?

При всем желании Гесьянь не мог привести более красноречивого примера. Высокая сознательность и бережное отношение друг к другу, хорошо известные Широкову черты каллистян, проявлялись здесь с особой рельефностью.

Он совсем другими глазами посмотрел на Линьга, стараясь по его лицу определить, виновен он в смерти инженера Льетьи или нет. Посмотрел с тревогой, так как не сомневался больше, что если командир погибшего корабля виновен, то его постигнет суровый приговор, который он сам вынесет и сам приведет в исполнение.

Лицо Линьга показалось ему спокойным. Нет, вероятно, он ни в чем не виноват. Широков почувствовал облегчение, хотя и не мог с полной достоверностью утверждать, что понимает выражение лиц каллистян.

На обратном пути он продолжал думать о том же.

На вершине шара группу встретил Ньяньиньг.

– Вас вызывает Каллисто, – сказал он, обращаясь к Гесьяню.

Молодой врач немедленно улетел на станцию.

Вьеньонь и Синьянь были уже перенесены на корабль Гесьяня. Через два часа он покинет Сетито.

– Мы улетим одновременно с ними, – сказал Диегонь. – Кетьо находится сейчас примерно в том же направлении, что и Каллисто, только по другую сторону Рельоса. Часть пути у нас общая.

– Значит, мы пролетим мимо Каллисто? – спросил Синяев.

– Нет, – Диегонь нахмурился. – Мы могли бы это сделать, но не сделаем. Это свыше наших сил.

Синяев пожалел о своем вопросе. Мог бы сам сообразить.

– Напрасно вы это делаете, – сказал он.

Диегонь ничего не ответил.

Через час Гесьянь вернулся. У него было очень радостное выражение лица.

– Я лечу с вами, – сказал он. – Так решили на Каллисто. Раненых будет сопровождать Мьесинь.

Широков подумал, что такое решение может обидеть Синьга. Ему как будто не доверяют. И, словно в ответ на его мысли. Синьг сказал:

– Я сам просил об этом. Очень рад, что мое желание встретило поддержку.

"Нет, – подумал Широков, – каллистяне не люди. Они чище нас. Недаром на их языке нет слова «самолюбие».

– Значит, – сказал Диегонь, – экипаж нашего корабля будет состоять теперь из шестнадцати человек.

– А кто еще? – спросил Синяев.

– С нами летит Дьеньи, – ответил Диегонь, – ей не хочется расставаться со мной.

Он был доволен решением внучки. Это было понятно. До сих пор он не мог как следует поговорить с ней, расспросить ее о своем сыне и других близких людях. По дороге на Кетью будет много времени.

– А почему с нами не летит Бьесьи? – спросил Широков.

– Она торопится на Каллисто, – ответил Гесьянь. – Соскучилась по дочке.

Прошел еще час, и Рельос низко склонился к западному горизонту. Приближалась ночь.

– Пора в путь, – сказал Диегонь.

Он посмотрел на лица своих земных друзей и ласково спросил:

– Вам грустно расставаться с Сетито? Она так похожа на Землю. Это сходство мы сразу заметили, когда впервые увидели природу Земли.

– Да, немного грустно, – за себя и своего товарища ответил Синяев.

– Вы можете еще раз прилететь сюда. Вместо того чтобы отдыхать в полярных областях Каллисто, гораздо лучше будет здесь. Наши звездолеты всегда к вашим услугам.

– Это очень хорошо. Спасибо!

– Сетито интересная планета. Вы видели только гиселий и одного кетьра, а животный мир очень разнообразен и совсем не похож на животный мир Каллисто.

– А на Кетью?

– Она во всем подобна Каллисто. Растительность, животные, птицы, люди – все такое же.

– Если не считать культуры и техники.

– Конечно, но это вопрос времени.

– Любопытно, – сказал Синяев, обращаясь к Широкову на русском языке, – как относятся каллистяне к дикарям Кетью. Какую работу они ведут с ними? Ведь по существу Кетью – колония Каллисто.

– Ну, о колониализме здесь и речи быть не может. Но ты прав, это очень интересно. Я даже рад, что мы не сразу попадем на Каллисто.

Представления о вежливости у каллистян были иные, чем на Земле. Широков и Синяев часто прибегали к русскому языку, а иногда и к французскому, если рядом находился Бьяининь, а они не хотели, чтобы их поняли. С точки зрения каллистян это было естественно. Они расценивали поступки людей просто и никогда не обижались.

Звездолет Бьесьи поднялся первым. На нем улетали на Каллисто восемь человек: трое из его старого экипажа и пятеро с погибшего корабля.

Синьяня и Вьеньоня все еще держали в состоянии глубокого сна. Они ничего не знали о людях Земли.

Экипаж белого шара собрался в центральном посту и через экраны наблюдал за стартом.

Бледно-зеленый «ящик» незаметно отделился от земли и поднялся строго вертикально

на высоту около километра. На мгновение звездолет замер неподвижно, четко вырисовываясь на фоне уже потемневшего неба, потом со стремительной быстротой промелькнул и исчез. Никакого следа от его полета не осталось в воздухе.

Диегонь выжидал.

Через пять минут засветился экран, и Бьесьи сообщила, что ее корабль находится за пределами атмосферы.

– Вьельи! – сказал Диегонь.

Это слово, которое Широков когда-то услышал от Лениньга в ставший уже таким далеким день выхода каллистян из шара и которое он понял тогда как «смелее», означало «вперед».

Каллистяне поспешно разошлись по своим местам, где должны были находиться при старте. Широков, Синяев, Гесьянь и Дьеньи остались возле Диегоня.

Оба друга с грустью смотрели на зеленый пейзаж, окружавший корабль. Что-то похожее на чувство, которое они испытали при старте с Земли, охватило их. Много времени пройдет, пока они увидят еще раз столь знакомую и родную картину. Впереди были красные, желтые и оранжевые цветы Кетьо и Каллисто.

Повторилось то же, что происходило при старте с Земли. Тучи пыли, смешанной с вырванной травой, закрыли экраны непроницаемой стеной. В этом облаке звездолет плавно поднялся. Двигатели работали беззвучно, и это создавало иллюзию легкости их работы. Чудовищная сила, оторвавшая от земли исполинский корабль, не чувствовалась.

Через несколько минут туча, поднятая при старте, осталась внизу.

Звездолет поднимался все быстрее и быстрее. Небо постепенно темнело. Исчезла нежная голубизна, туманная дымка скрыла поверхность Сетито с ее лесами, равнинами, реками и «ископаемыми» хозяевами – гигантскими кетьрами, уродливыми гисельями, которых видели люди, и многими другими представителями животного мира, которых они не успели увидеть.

Еще немного – и знакомая картина звездного мира окружила корабль.

Диегонь немного увеличил ускорение, чтобы догнать Бьесьи. Через два часа увидели на экране блестящую в лучах Рельоса быстро летящую точку; и вскоре оба корабля летели рядом, на расстоянии нескольких километров друг от друга.

– Сколько времени будет продолжаться ускорение? – спросил Синяев.

– Мы будем лететь девяносто два часа с ускорением и столько же с замедлением, – ответил Диегонь. – Невесомого состояния больше не будет. Если вы соскучились по нему, – пошутил он, – то подождите обратного рейса на Землю.

– Вы не опасаетесь, что в пустом пространстве оба корабля должны притягиваться друг к другу?

– Опасался, – ответил Диегонь. – Но Бьесьи сказала, что эта опасность нам не угрожает.

– Ах да! – сказал Синяев. – Я забыл, что их корабль окружен антигравитационным полем.

Все быстрее мчались вперед огромный шар и его маленький спутник. Через тридцать два часа они разойдутся в пространстве, направляясь каждый к своей цели.

Далеко позади виднелся зеленоватый диск Сетито, становившийся все меньше и меньше.

Впереди была Кетьо – последняя остановка перед долгожданным финишем.

ЧАСТЬ 4. КАЛЛИСТЯНЕ

*Ночь, тайн созданья не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,*

*Гласит, что с нами рядом – смежность
Других миров, что там – края,
Где тоже есть любовь и нежность
И смерть и жизнь...*

В. Брюсов

ГЛАВА 1.

КАЛЛИСТО

Горячим, ослепляющим блеском лучей Рельоса был пронизан воздух над оранжево-красной травой огромного поля. Безоблачное небо сияло нежной желтизной. Белые стены построек дышали зноем. Человеку Земли трудно было бы на них смотреть – так ярко отражали они белый свет Рельоса. Но узкие, пропускавшие мало света глаза каллистян привыкли к этому сиянию.

Позади зданий необъятным синим простором раскинулся океан. При полном отсутствии ветра он казался огромным зеркалом, так неподвижна и гладка была его беспредельная поверхность.

Близко от берега, почти у самых причалов набережной, выстроенной из красного камня, стояло судно. Его длинный и узкий корпус, окрашенный в серебристый цвет, был покрыт сверху прозрачным колпаком, сквозь который можно было видеть палубу, лишенную надстроек. Несколько каллистян, одетых в легкие, почти прозрачные одежды, находились на судне и пристально всматривались в небо.

Туда же были устремлены взоры других, стоявших у входа в большое здание, назначение которого выдавали огромные кольца, точно вложенные друг в друга, – это была бьеньетостанция. Вход представлял собой широкую арку. Ее фронтон, сделанный из материала, похожего на мрамор, был украшен по бокам двумя скульптурными группами, по шести фигур в каждой, в которых без труда можно было узнать экипаж звездолета, улетевшего к далекой Мьеньи. Суровое лицо Диегоня выделялось на скульптуре слева от входа, лицо Мьеньоня, которому художник сумел придать характерное для старшего инженера корабля спокойное выражение, – справа.

Скульптуры были высечены из черного камня, и строгие скупые линии рисунка создавали впечатление, что вся группа вот-вот оторвется от земли и устремится вверх.

Над головами статуй, высоко в воздухе, на длинных прозрачных стрелах висели два белых шара. Даже при блеске дня они слабо светились изнутри. Будто именно к ним, как к символам небесных тел, стремились фигуры Диегоня и его спутников.

Здание было очень высоким, но имело только один этаж. Огромные окна не имели ни рам, ни стекол. Фронтон арки со скульптурами и низкая узорная решетка по краю плоской крыши служили единственными архитектурными украшениями. Кольца бьеньеты в блеске Рельоса сверкали, как хрусталь, и казались почти что нереальными.

Возле арки стояло шестеро каллистян. Они были немолоды, с лицами, покрытыми морщинами и седыми волосами. Только у одного волосы не были еще седыми. Пятеро были одеты очень легко, в брюки, похожие на лыжные, и прозрачные рубашки разного цвета. Один, высокого роста старик, был одет гораздо теплее. Его костюм был сделан из плотной ткани, с мехом на воротнике. Он стоял, опираясь на толстую трость.

Все шестеро смотрели в небо, полное блеска.

Расплавленным и раскаленным добела золотом раскинулась бездонная глубина. Как из доменной печи изливался на Каллисто горячий свет Рельоса, висевшего в небе снежно-белым шаром. Земля и небо, трава и стены дома – все дышало зноем, но каллистяне не замечали этого.

Высокий старик повернул голову и обратился к каллистянину, стоявшему рядом.

– Если расчет Диегоня правилен, – сказал он, – звездолет должен уже показаться.

– Как же он может быть неправильным?

Старик улыбнулся.

– Вы не допускаете, что ваш отец мог ошибиться?

– А разве вы, Женьсиньг, допускаете это? – вместо ответа спросил Вьег Диегонь. – Мой отец всегда был точен. Раз он сообщил, что они прилетят в определенное время, то так и будет.

Он вдруг подался вперед и протянул руку.

– Вот они!

Что мог он увидеть в расплавленном, сверкающем мириадами искрящихся точек небе?..

Но, очевидно, не один он что-то увидел.

– Летят, летят! – раздались взволнованные голоса.

Далеко-далеко, на самом горизонте, подобно яркой звезде, блестел подлетающий межзвездный корабль.

На крыше здания произошло движение. Несколько каллистян торопливо возились у небольшого аппарата.

– Вы готовы? – крикнул им Женьсиньг.

– Готовы! – ответили оттуда.

Гигантский шар медленно приближался. В белом свете Рельоса исчез голубоватый оттенок, так хорошо заметный на Земле, и звездолет казался ослепительно белым.

– Одиннадцать лет тому назад, – сказал Женьсиньг, – двенадцать героев улетели с Каллисто. Мало кто верил в успех. И вот они вернулись, и вернулись с победой. Мы переживаем сейчас одно из самых замечательных событий в истории нашей планеты.

Звездолет опустился.

И вот белый шар коснулся земли и замер неподвижно.

– Они опустились на том же месте, где стоял корабль одиннадцать лет назад, – сказал Вьег Диегонь.

* * *

Три земных месяца, а не пятьдесят дней провели звездоплыватели на Кетью.

Находясь на этой планете, отдаленной от Рельоса на восемьдесят миллионов километров дальше, чем Каллисто, Широков в полной мере оценил предусмотрительность каллистянских ученых. И он и Синяев первые недели чувствовали себя очень плохо. Хотя и значительно менее горячие, чем на Каллисто, лучи Рельоса – Сириуса были все же слишком жаркими для людей, привыкших к климату северных областей земного шара. В полдень температура воздуха доходила до шестидесяти градусов Цельсия, несмотря на то, что звездолет опустился не на экваторе, а в средних широтах планеты.

Синьг и Гесьянь, постоянно консультируясь с учеными Каллисто (на Кетью было несколько бьеньетостанций), заставили людей Земли пройти детально разработанную программу постепенной тренировки, которая должна была приучить их к каллистянскому солнцу. Пятидесяти дней оказалось мало, и экипаж корабля безропотно остался на Кетью еще на месяц.

Широков и Синяев беспрекословно выполняли все указания врачей, терпеливо дожидаясь конца этой скучной процедуры. Мучило сознание, что из-за них страдают друзья.

– Нельзя рисковать, – отвечал Синьг на просьбы ускорить подготовку. – Иначе, прилетев на Каллисто, вы будете вынуждены сразу же покинуть ее.

Гесьянь на такие просьбы не отвечал ничего и только хмурился. Что-то ему не нравилось, чувствовалось, что какая-то мысль его тревожит.

Однажды Широков прямо спросил молодого каллистянина, с которым его связывала уже тесная дружба, о том, что его беспокоит.

– Не меня одного, – ответил Гесьянь. – Синьг также тревожится, но лучше меня умеет скрывать это. Нам не нравится состояние вашего организма. Что-то не так. Очевидно, между

Рельосом и Мьеньи разница не только в количестве тепла. Но, к сожалению, мы слишком мало знаем о вашем солнце.

– Поговорите с Георгием, – сказал Широков. – Он хорошо знает Мьеньи.

– Сейчас это бесполезно. Такой разговор обязательно будет, но только на Каллисто. Нужны астрономы, хорошо знающие особенности Рельоса и могущие определить, в чем разница между ним и Мьеньи.

– У нас есть Вьеньянь.

– Наука не стоит на месте. Вьеньянь отстал за одиннадцать лет точно так же, как Синьг в медицине. Они это и сами знают. Хотели же доставить вас на Каллисто без подготовки. Все равно нельзя допустить, чтобы ваш полет оказался безрезультатным. В любом случае вы должны попасть на Каллисто.

– Мы готовы рискнуть.

– Мы тоже. Это нужно для науки. Но надо сделать все, чтобы этот риск уменьшить.

Очень скучными показались людям и каллистянам эти три месяца.

Чувствовалась относительная близость цели – планета Каллисто.

Она блестела по вечерам низко над горизонтом, притягивая к себе, тревожа и волнуя.

Очень медленно шло время!

Все три месяца почти безотлучно провели на звездолете. Огромные кетьры и хищные гисельи Сетито были менее опасны, чем дикие обитатели Кетьо.

– У них развито мьенькоедство, – сказал как-то Диегонь. – Много времени надо, чтобы отучить их от этого обычая. (Напоминаю читателю, что «мьеньк» по-каллистянски означает «человек».)

– Были жертвы среди каллистян? – спросил Широков.

– Да, были, – неохотно ответил Диегонь.

– И что же предприняли каллистяне?

– Стали осторожнее.

В дальнейшем выяснилось, что каллистяне никогда, ни разу не применили оружия. В жителях Кетьо они видели таких же людей, как они сами. Настойчиво и терпеливо добивались они дружбы с туземцами, снабжая их предметами первой необходимости в неограниченном количестве. Рано или поздно это должно было принести плоды. Пока еще результаты были почти неощутимы, но нельзя было забывать, что каллистяне появились на Кетьо сравнительно недавно. Они понимали, что поспешность в таком сложном деле ни к чему хорошему не приведет, и их план цивилизации обитателей Кетьо был рассчитан на много лет. Но что значило это время в сравнении с тем, которое понадобилось бы на тот же путь без вмешательства каллистян!

– Когда мы преодолеем последние остатки недоверия и добьемся их дружбы, дело пойдет гораздо быстрее, – сказал Гесьянь.

Широков и Синяев видели кетьян несколько раз. Толпами, человек по сто и по двести, они подходили к шару, очевидно ожидая привычных подарков. Они нисколько не боялись звездолета, так как знали, что его экипаж не причинит им вреда.

Чтобы не обмануть ожиданий туземцев, Диегонь распорядился вынести несколько тонн самых разнообразных вещей, главным образом продуктов, которые были уже не нужны экспедиции.

Широков и Синяев видели, с какой жадностью набросились на эти вещи обитатели Кетьо, видели возникшее между ними побоище.

Кетьяне были очень похожи на каллистян ростом и даже чертами лица. Только в сильный бинокль можно было рассмотреть низкие приплюснутые лбы и злобный взгляд длинных, но не таких узких, как у каллистян, глаз.

Синяев обратил внимание, что у туземцев совершенно нет металлического оружия.

– Мы им не даем, – пояснил Гесьянь. – Это приведет только к более частым убийствам.

У них есть камни и дубины. Даже этого, к сожалению, слишком много.

– А звери?

– Крупных хищников на Кетьо нет, мы их всех уничтожили. А с мелкими они хорошо справляются тем, что имеют. Камнями они ловко владеют.

Широкову пришлось на практике убедиться в справедливости этих слов.

Экипаж корабля наблюдал за кетьянами с площадки на вершине звездолета. Первое же появление Широкова и Синяева вызвало среди них переполох. Кетьяне заволновались, что-то крича и показывая друг другу на странных белых людей, совсем не похожих на привычных для них каллистян.

И вот однажды, когда Широков и Синяев одни были на вершине шара, рассматривая очередную партию, подошедшую к кораблю, кетьяне неожиданно напали на них.

Что послужило причиной этого неожиданного нападения? Об этом не могли догадаться ни люди, ни каллистяне.

До сих пор обитатели Кетьо вели себя мирно. Может быть, белые люди показались им почему-то врагами и только постоянное присутствие рядом с ними каллистян сдерживало дикарей. Увидя, что странные существа одни, кетьяне проявили свою враждебность к ним.

Град камней обрушился на вершину шара. Надо было обладать поистине исполинской силой, чтобы забросить камень величиной с кулак на такую высоту.

Один камень попал в лоб Широкову и содрал порядочный кусок кожи. Лицо Петра Аркадьевича сразу залилось кровью.

– Вниз! – закричал Синяев.

Он схватил Широкова в охапку и бросился к подъемной машине. Несколько камней попало в него самого, но не причинило никакого вреда.

Синьг и Гесьянь немедленно уложили Широкова в постель. Хотя рана была пустяковая, экипаж корабля был в отчаянии.

Широков смеялся, но вынужден был лежать два дня. У его изголовья дежурили каллистяне, сменяя друг друга, точно он был тяжело болен.

Именно во время этой болезни, существовавшей только в воображении Гесьяня и Синьга, произошел с Широковым памятный ему случай.

Он проснулся среди ночи и, открыв глаза, увидел Дьеньи. Она сидела возле него, сменив кого-то другого. Склонив голову, девушка читала книгу при свете тщательно закрытого со стороны постели маленького светящегося шарика. Такие лампы, с заключенной в них самих энергией свечения, Широков хорошо знал, привыкнув к ним за время пути.

Очевидно, Дьеньи услышала его движение и повернула голову. Широков успел закрыть глаза, притворившись спящим.

Она подошла к нему, и он почувствовал ее взгляд на своем лице.

А потом... она наклонилась, и ее теплые губы коснулись его руки, лежавшей на одеяле.

Каллистяне не были знакомы с поцелуем. Такого обычая у них никогда не существовало. Дьеньи не поцеловала руку Широкова, она только коснулась ее своими губами.

Его бросило в жар. Он боялся пошевелинуться, чтобы как-нибудь не выдать ей, что не спит. К счастью, Дьеньи тотчас же отошла.

Зачем она это сделала? Широков не переставал задавать себе этот вопрос и не находил ответа. Он никому, даже Синяеву, не говорил об этом случае.

Поведение Дьеньи по отношению к нему оставалось прежним. Она, казалось, не делала никакой разницы между ним и Синяевым. Широкову иногда мучительно хотелось спросить ее о причине странного поступка, но какое-то сложное чувство, быть может боязнь разочарования, удерживало его.

«Если бы она узнала, что я не спал тогда, – думал Широков, – изменилось бы ее отношение ко мне или нет?»

И он не мог признаться даже самому себе, какой ответ на этот вопрос был бы ему приятнее.

На память о Кетьо Широков получил маленький шрам на лбу, который, по словам Синьга, должен был скоро совсем исчезнуть.

Настал, наконец, день отлета с Кетьо. Оба друга без всякой грусти расстались с планетой. Она несколько не походила на Землю, а видеть оранжево-красную растительность они предпочитали на Каллисто.

– В Сетито, – сказал Синяев, – мы увидели далекое прошлое нашей родины. Кетьо тоже прошлое, но более близкое. Теперь предстоит увидеть будущее. Каким-то будет оно?

– Не может быть никакого сомнения, что прекрасным, – ответил Широков.

Рано утром, когда вокруг только начал расходиться ночной туман, разгоняемый лучами только что взошедшего Рельоса, белый шар медленно поднялся над равниной Кетьо.

Начался последний и самый короткий перегон. До Каллисто было всего пять земных суток пути.

* * *

И вот за прозрачными экранами раскинулась панорама долгожданной планеты.

Во все стороны, до самого горизонта, был океан. Оранжево-красный остров ярким пятном выделялся на его темно-синей поверхности. Крохотными белыми точками виднелись несколько зданий и тонкие ниточки колец бьеньетостанции.

Весь экипаж находился в помещении центрального пульта. Диегонь сидел у щита управления, остальные толпились у «окон».

Взволнованные и мучимые нетерпением, каллистяне не спускали глаз с родной картины. Долгие годы они ждали этого момента, и вот он, наконец, настал. Остались позади бесконечные просторы Вселенной – черная безвоздушная бездна. Звездолет летел в атмосфере Каллисто. Еще немного – они ступят на землю, вдохнут родной воздух, обнимут близких. Им казалось, что корабль почти не движется, и нетерпеливые взгляды поминутно обращались к Диегону, словно прося его увеличить скорость.

Широков и Синяев обнявшись стояли рядом. Они молчали, без слов понимая друг друга. Цель, достижению которой они отдали столько лет жизни, была перед ними.

Каллисто! К ней стремились они, оставив на Земле все, что было им дорого. Ради нее, ради того, чтобы увидеть будущее своей Земли, согласились они на томительные годы пребывания на звездолете. Ради новых знаний, ради пользы для всего человечества совершили они долгий и тяжелый путь.

И вот Каллисто перед ними!

Впереди три года большого и напряженного труда.

Широков и Синяев отдохнули с избытком. Они были полны энергии и желания трудиться. И только в самой глубине их сознания таилась смутная тревога, вызванная опасениями Гесьяня. Они гнали ее от себя, но тревога упорно возвращалась, отравляя радость достижения цели, вызывая теперь уже бесполезные мысли.

С прямотой, свойственной каллистянам, Гесьянь не пытался успокоить их, он открыто говорил, что считает их прилет на Каллисто преждевременным.

– Вам надо было несколько месяцев провести на Сетито и не менее года на Кетьо. А еще лучше – провести соответствующую подготовку у себя, на Земле, – говорил он, – а тогда уже лететь на Каллисто. То, что сделано нами, недостаточно. Я не могу поручиться, что вам не придется в ближайшее время вернуться на Сетито.

Широков как врач хорошо понимал основательность опасений Гесьяня. Он уже убедился, что Рельос не Солнце. Его лучи обладали иными свойствами, несли в себе гораздо больше энергии. Они явно действовали на организм не так, как лучи Солнца.

– Что ж! – говорил Синяев. – Если Гесьянь окажется прав, вернемся на Сетито, а затем снова отправимся на Каллисто. Задача, поставленная перед нами, должна быть выполнена во что бы то ни стало.

Первое, правда малосущественное и давно предвиденное, отличие Рельоса от Солнца уже на Кетьо дало себя знать. Оба человека Земли были вынуждены надеть темные очки, с

дымчатыми стеклами. Широко открытые глаза людей были не в состоянии переносить ослепляюще яркий белый свет Рельоса. Все три года пребывания на Каллисто им придется видеть мир через эти стекла. Но очки были подобраны так, что все разнообразие цветов и оттенков не пропадало, а только смягчалось, становилось подобным цветам и оттенкам на Земле. Они видели окружающие предметы такими же, какими видели их каллистяне незащищенными глазами.

Звездолет медленно опускался все ниже и ниже.

С жадным любопытством друзья всматривались в оранжевый остров. Они не видели ни на нем, ни вокруг него никаких признаков, что обитатели планеты готовятся встретить вернувшийся звездолет. А они хорошо знали, что каллистяне все эти годы с нетерпением ждали Диегона и его спутников, а теперь, когда они узнали, что на корабле находятся двое людей другого мира, это нетерпение увеличилось во много раз.

Остров, море и воздух были пустынно.

– Разве вас не будут встречать? – спросил Широков у Синьга, стоявшего рядом с ним.

– Будут, но не здесь, – ответил Гесьянь, услышавший вопрос. – На острове нас встретят только работники космической станции.

Диегонь протянул руку и повернул рукоятку на пульте. Изображение на экране, возле которого стояли Широков и Синяев, дрогнуло, и вдруг весь остров со стремительной быстротой «помчался навстречу». Через несколько мгновений показались здания, приблизились вплотную, исчезли за краями экрана, и вот перед ними, в двух шагах, мраморная арка. Они увидели по бокам две скульптуры и группу каллистян, которые, казалось, смотрели прямо на них.

– Вот мой отец, – раздался позади Широкова голос Дьеньи, и ее тонкая рука протянулась к экрану, указывая на человека, стоявшего рядом с высоким стариком, опиравшимся на толстую трость.

Широков вздрогнул. В последнее время, когда Дьеньи была близко, он испытывал волнение и какую-то непонятную тревогу.

Диегонь попросил Мьеньоня сменить его и подошел к экрану.

Все расступились, и командир корабля около минуты всматривался в лицо своего сына, которого он не видел так долго.

Что происходило в его душе? Какие чувства испытывал он в эту минуту? Суровое лицо с резкими, выразительными чертами было таким же, как всегда. Он повернулся и отошел к пульту.

– А это, вероятно, Женьсиньг? – спросил Широков, снова подходя к экрану.

– Да, это сам Женьсиньг, – ответила Дьеньи, подчеркивая слово «сам».

Широков и Синяев уже много слышали о Женьсиньге, о котором все каллистяне говорили с глубоким уважением. Они внимательно рассматривали знаменитого ученого, крупного инженера и первого каллистянина, достигшего соседних планет.

– Он не кажется старым, – заметил Синяев.

– А вместе с тем ему семьдесят один год, – сказал Синьг.

«Сто сорок два, по-нашему», – подумал Широков.

Изображение дрогнуло и с молниеносной быстротой вернулось на прежнее место. Арка и группа встречающих исчезли из глаз.

– Вас будет встречать все население планеты, – сказал Гесьянь.

Широков вопросительно посмотрел на него. Совсем недавно, он помнил, Гесьянь говорил другое.

– Очень просто, – пояснил молодой врач. – На станции мощная бьеньета. На всех экранах, а у нас нет ни одного дома без экрана, смогут видеть ваш финиш.

– Если ваши домашние экраны так же совершенны, как эти... – сказал Синяев.

– Нисколько не хуже, – сказал Мьеньонь.

– Никакого сравнения, – улыбаясь, поправил Гесьянь. – Вы все забываете, что отсутствовали одиннадцать лет. На Каллисто многое успело измениться.

– Верно, верно. Мы не годимся для роли проводников. Нам самим придется со многим знакомиться.

Казавшийся издали небольшим, оранжевый остров быстро увеличивался. Звездолет опустился на высоту ста метров. Кольца бьеньетостанции, исчезнувшие за горизонтом, когда корабль приблизился к земле, снова показались.

Еще несколько минут – и белый шар повис над обширной площадкой ракетодома.

Космический рейс закончился.

– В восемьсот третий день 2387 года, – торжественно произнес Мьеньонь, – звездолет взял старт с этого самого места, которое находится сейчас под нами. В четыреста тридцать третий день 2392 года мы ступили на поверхность Земли и провели на ней двести девяносто дней по нашему счету. В двадцать третий день 2393 года корабль покинул Землю и начал обратный путь. И вот сегодня, в четыреста семьдесят шестой день 2398 года, мы вернулись на Каллисто. Звездолет находился в пути, по времени, протекшем на Каллисто, одиннадцать лет и триста девяносто три дня, пролетев за это время круглым числом...

«Сто шестьдесят четыре триллиона один миллиард двести тридцать миллионов километров», – мысленно перевел Синяев.

– От всего сердца поздравляем вас с окончанием вашего героического полета, – сказал Широков.

– А вас, – ответил Мьеньонь, – поздравляем с окончанием первой половины и прилетом на Каллисто.

Корабль медленно и плавно опускался. Его двигатели работали с исполинской силой, удерживая тысячетонную тяжесть от падения. Чудовищный ураган обрушился на землю, но воздух вокруг корабля был чист и прозрачен. Площадка, на которую опускался звездолет, была так чиста, что ни малейших следов поднятой пыли не было видно.

Никто не почувствовал толчка. Белый шар коснулся родной земли совершенно незаметно.

Диегонь выключил двигатели, сослужившие свою последнюю службу, и встал. Все повернулись к нему. Несколько минут в центральном посту царила какая-то особенная, торжественная тишина.

Все молчали.

Широков и Синяев обнялись и поцеловались. Цель достигнута! Звездолет неподвижно стоял на поверхности Каллисто!

ПЕРВЫЙ ЧАС В ЧУЖОМ МИРЕ

От здания бьеньетостанции к кораблю, стоявшему в центре площадки, быстро приближался простой с виду, но совершенно непонятный для не посвященного в тайну его конструкции человека экипаж с шестью каллистянами.

Это была как будто лодка, сделанная из гофрированного материала нежно-голубого цвета. Ее дно было плоско, а борта низки. Сверху «лодка» была закрыта прозрачным и почти невидимым сплошным колпаком, без каких-либо отверстий, через которые можно было бы войти в нее и выйти.

Станный экипаж двигался у самой земли, не касаясь ее. Он летел по воздуху на высоте нескольких сантиметров. Но крыльев у него не было.

Аппаратом никто не управлял. Не было ни штурвала, ни ручек, ни педалей, ни кнопок – ничего. Не было и двигателя, по крайней мере его нигде нельзя было заметить.

Впереди сидели Вьег Диегонь и Женьсиньг. Остальные четверо расположились сзади.

Экипаж летел быстро. Иногда он плавно поднимался, встретив неровность почвы, но, перелетев препятствие, опускался опять, почти вплотную к земле.

Пассажиры молчали, не спуская глаз с приближавшейся громады космического корабля. На его вершине виднелось десять человек. Шестеро были уже внизу.

«Лодка» остановилась, но осталась висеть в воздухе. Прозрачный колпак поднялся на четырех тонких серебристых стержнях. Пассажиры вышли.

Аппарат слегка покачнулся и снова встал прямо, оставаясь неподвижно висеть на невидимых нитях, на которых он, как невольно казалось, был подвешен неизвестно к чему.

Один из членов экипажа звездолета спустился на землю у самой лодки. Он снял крылья и повернулся. Шестеро каллистян сразу увидели, что перед ними один из обитателей Земли, о которых вся Каллисто только и говорила за последнее время.

С жадным вниманием Женьсинг и его спутники рассматривали гостя. Человек Земли был одет в необычайный костюм, но, кроме этого костюма и цвета кожи, ничем не отличался от обыкновенного каллистянина. Это был самый настоящий «мьеньк». Его глаза были закрыты темными очками.

– Я почему-то всегда думал, что обитатели других миров не могут быть похожи на нас, – тихо сказал Вьег Диегонь.

– Вы же знали, что эти на нас похожи, – ответил Женьсинг.

Пришелец от Мьеньи улыбнулся красными губами.

– Когда-то мы думали так же, – сказал он по-каллистянски. – Но прилет вашего корабля на Землю показал, что такое мнение ошибочно. Меня зовут Георгий Синяев. А это, – прибавил он, указывая на кого-то позади них, – мой друг Петр Широков.

Шестеро каллистян поспешно обернулись. Занятые рассматриванием Синяева, они не заметили, как позади собрались все члены экипажа звездолета. Рядом с Диегоном стоял второй житель Земли, который в первый момент показался им точной копией первого.

– Здравствуйте, друзья! – сказал Широков. – Просим оказать нам гостеприимство на вашей планете.

Женьсинг первым пришел в себя.

– Приветствуем ваш прилет, – сказал он, поочередно обнимая гостей. – Мы счастливы видеть вас.

Примеру Женьсинга последовали остальные. Вьег Диегонь был единственным, кто обнял сначала не жителей земли, а своего отца. Но с дочерью он все же поздоровался после них.

Широков и Синяев подумали, что если бы не они, то встреча Диегона и его спутников была бы совсем иной. Получилось так, что все внимание каллистян сосредоточивалось именно на гостях, а звездоплыватели, вернувшиеся из беспримерного рейса, оставались на втором плане. Им казалось это несправедливым.

Но они безусловно ошибались. Эффект возвращения звездолета был огромен, а их присутствие только подчеркивало успех рейса.

Диегонь и его товарищи нисколько не казались обиженными.

– Вам надо сейчас же выступить перед каллистянами, – сказал Женьсинг. – Вся планета взволнована вашим прилетом. Я точно знаю, что на ночной половине Каллисто никто не спит.

– Мы готовы, – сказал Диегонь от имени всех.

– На крыше станции установлена бьеньтеси.

– Что установлено? – спросил, видимо удивленный, Диегонь.

– Я забыл, – ответил Женьсинг, – что бьеньтеси появились недавно. Это разновидность бьеньеты.

– Но что означает «теси»?

– Это долго объяснять. Может быть, отложим?

– Пусть будет так, – согласился Диегонь. – Мы знаем, что на Каллисто нас ждет много нового.

Слово «бьень» означало в переводе на русский язык «передача», а «ета»

– «волна». Таким образом, «бьеньета» означало передачу на волне. Бьеньтеси можно было понять как передачу на теси, но что означало это слово, было неизвестно не только Широкову и Синяеву, но и каллистянам, вернувшимся с Земли. Очевидно, оно было совсем

новым словом.

Синяев вспомнил, что такое слово он слышал от Бьесьи, когда она объясняла устройство своего звездолета. Но тогда он не спросил о его значении.

– Едем! – сказал Диегонь. – Мы надеемся, – обратился он к людям, – что вы не откажетесь сказать несколько слов каллистянам.

– Конечно нет, – ответил Широков.

– Ты помнишь, – спросил Синяев по-русски, – как Бьяининь выступал перед микрофоном пятнадцатого августа?

– На Земле, – сказал Широков, и в его голосе прозвучала грусть.

– Я тогда думал, – также по-русски сказал стоявший рядом Бьяининь, – что ваше «радио» – это то же, что наша бьеньета, и считал, что меня видят все жители Земли; и очень удивлялся, что «бьеньета» так мала.

Шутка Бьяининя рассеяла овладевшее было друзьями тоскливое настроение. Земля была далеко; раньше чем через три года они не полетят к ней. Грустить о разлуке не время.

– Садитесь! – сказал Женьсиньг.

Широков повернулся и вздрогнул от неожиданности. Не меньше его были удивлены и все остальные.

Находившаяся перед ними «лодка» висела в воздухе. Было совершенно ясно, что ее поддерживает не реактивная сила. Крупное насекомое, похожее на паука, пробежало под дном аппарата на длинных суставчатых ножках. Очевидно, воздух под лодкой был спокоен.

Широков по привычке посмотрел на Мьеньоня, ожидая объяснений. Но инженер смотрел на странный аппарат с неменьшим удивлением, чем другие.

– Объясните, пожалуйста, – сказал Ньяньиньг, – что это такое? В чем тут дело?

Весь экипаж звездолета повернулся к Женьсиньгу.

Но вместо него, совершенно неожиданно для Широкова, ответил Синяев.

– Антигравитация, – сказал он. – Тот же принцип, что и на звездолетах внутренних рейсов.

– Совершенно правильно, – подтвердил Женьсиньг. – Вероятно, у вас на Земле хорошо известно об антигравитации? – спросил он.

– Теоретически, – улыбнулся Синяев. – Практического применения еще нет.

– Это последнее достижение нашей техники. Олити, – Женьсиньг указал на «лодку», – имеются всюду. Вы с ними еще не раз встретитесь.

– Отложим знакомство, – сказал Диегонь. – Но слово «олити» не ново.

– Название осталось прежним. Изменился только принцип. Да и то не у всех олити. Очень многие из них еще старой конструкции.

Широков и Синяев первыми вошли в «лодку». За ними последовали Женьсиньг, Диегонь и Бьяининь.

Когда кто-нибудь ставил ногу на борт, олити покачивалась, точно под нею находилась вода невидимого озера.

Мьеньонь внимательно следил за посадкой.

– Вес олити увеличился, – сказал он. – Почему это не влияет на ее положение?

– Сила антигравитационного поля изменяется автоматически, – ответил Женьсиньг. – Мы скоро вернемся.

Прозрачный колпак опустился.

Широков и Синяев сильно волновались. С этого момента начиналась их жизнь на Каллисто. Впереди на каждом шагу их ожидало неожиданное и непонятное, неизвестная обстановка, чуждые условия быта. Этот «автомобиль», не подчиняющийся законам тяготения, был первым звеном длинной цепи, которую им предстояло наблюдать в продолжение трех земных лет.

С чувством, похожим на то, которое он испытал, когда за ними закрылась дверь подъемной машины в день старта с Земли, Широков опустился в кресло, сделанное как будто из стекла. Оно мягко поддалось, облекая тело упруго, как жидкость. Он перестал ощущать

свой вес. Так бывает, когда погружаешься в воду.

Никто не сел за управление, – его не было.

Как только опустился прозрачный колпак, олити плавно повернулась и двинулась вперед.

Кто же все-таки управляет ею? Неужели она сама выбирала дорогу, с помощью каких-то необычайно совершенных «телеглаз», «электронного мозга» и созданных каллистянами механических «нервов»?

– Я знаю столько же, сколько и вы, – с непривычной сухостью ответил Диегонь на вопрос Синяева.

– Начиная с завтрашнего дня, – сказал Женьсиньг, – вы получите ответ на любой ваш вопрос. А сейчас не отвлекайтесь. Для всей Каллисто сегодня торжественный и радостный день встречи. Потом, в Атилли.

– Что такое Атилли? – все же спросил Широков.

– Хорошо, что хоть на это я могу вам ответить, – улыбнулся Диегонь. – Атилли – это название города. Очевидно, решили поселить вас в нем.

– Именно так, – сказал Женьсиньг. – Мы долго думали, где вам будет лучше, и остановились на Атилли. Это самый далекий от экватора город из всех больших городов Каллисто.

– Это правильно, – сказал Синяев, – но только на первое время.

– Вы можете жить где хотите, – поспешно уверил его Женьсиньг.

– А где живете вы? – спросил Широков у Диегоня, впервые подумав, что придется, может быть, расстаться со спутниками по полету, к которым они так привыкли.

– Никто из нас, – ответил Диегонь, – никогда не жил в Атилли. Но мы проводим вас туда и останемся там, чтобы быть вместе.

Обрадованный Широков провел пальцами по лбу Диегоня. Люди уже привыкли выражать благодарность по-каллистянски. Это было то же, что крепкое рукопожатие на Земле.

Олити остановилась у самой арки, которую Широков и Синяев видели недавно на экране в центральном посту звездолета.

Выйдя из машины, они сразу обратили внимание на скульптуры у входа и легко узнали всех своих спутников.

– Их придется переделать, – сказал Женьсиньг. – От Мьеньи вернулись не двенадцать человек, а четырнадцать.

– Слово «Мьеньи» также придется переделать, – заметил Бьяининь. – Звезда, которую мы называем «Мьеньи», имеет другое название – Солнце.

– Сьольньце, – медленно, с трудом повторил Женьсиньг. – Это трудное слово. Но говорить «Мьеньи» мы больше не имеем права. А как вы называли наш Рельос?

– Сириус, – ответил Синяев. – Я понимаю, что вам трудно сказать слово «Солнце». Называйте нашу звезду «Гелиос». (Гелиос – Солнце (греч.).)

– А почему у вас несколько названий одного и того же предмета?

– Потому что на Земле не один народ и не один язык. «Солнце» – это на языке того народа, к которому принадлежим мы оба.

– То, что вы говорите, очень интересно, – сказал Женьсиньг, внимательно и с видимым любопытством слушавший Синяева. – Но не совсем понятно.

– Ограничьтесь пока этим, – пошутил Синяев, повторяя недавно сказанные самим Женьсиньгом слова. – А сейчас не отвлекайтесь.

Старый каллистянин улыбнулся.

– Гелиос, – сказал он. – Да, это гораздо легче. Но в честь вас, первых людей, посетивших Каллисто, мы будем говорить «Солнце», хотя это слово труднее.

– На Земле, – сказал Синяев, – слово «Рельос» вошло во всеобщее употребление.

Вслед за Женьсиньгом все прошли внутрь здания.

Там были просторные, очень высокие, но почти пустые комнаты, с блестящими

разноцветными полами и огромными окнами.

Было ясно, что это здание не только бьеньетостанция. Вероятно, это был «космический вокзал» – центральное здание острова, который весь представлял собой ракетодром.

Впоследствии они узнали, что здание называлось «Дом неба». Отсутствие мебели, высота стен, статуи, казавшиеся совсем маленькими в огромных помещениях, подчеркивали замысел архитектора.

Поражала необычайная чистота воздуха внутри здания. Может быть, это было следствием близости океана или же действовала специальная вентиляция.

Широков и Синяев ни о чем больше не спрашивали, помня просьбу Женьсиньга.

В одной из комнат на полу темнел синий круг диаметром около трех метров, поверхность которого отсвечивала металлическим блеском. В центре потолка находилось отверстие.

Когда по приглашению Женьсиньга все встали на этот круг, он быстро поднялся, плотно войдя в отверстие на потолке.

Они очутились на крыше здания.

– Своеобразный лифт! – заметил Синяев. Плоская крыша была выстлана желтыми треугольными плитками и окружена невысокой балюстрадой.

Отсюда хорошо был виден белый шар звездолета и можно было различить возле него крохотные фигурки каллистян.

«Там Дьеньи!» – Широков вдруг понял, что успел соскучиться по ней.

Высоко над головой, в самое небо уходили хрустально блестящие кольца межпланетной бьеньетостанции. Даже вблизи они казались воздушными, трудно различимыми в блеске Рельоса, хотя были сделаны из металла.

Рядом с подъемной машиной стоял небольшой аппарат, напоминавший своим видом школьный телескоп.

Это и была загадочная бьеньтеси.

Возле нее в ожидании стояло трое молодых каллистян.

Широков и Синяев уже начали привыкать к тому, что их появление перед каллистянами вызывает большой эффект, и не обратили никакого внимания на изумленные взгляды, которыми их встретили. Прежде всего их интересовал аппарат. Они знали, что вся планета наблюдала финиш звездолета. Женьсиньг говорил, что каллистяне видели на экранах их обоих. Это значило, что «телевизионная» камера была снабжена телескопическим устройством, позволявшим приблизить снимаемый объект, даже если он находился, как в данном случае, на расстоянии двух километров.

Видя интерес, с которым гости рассматривали бьеньтеси, один из каллистян подошел и стал давать пояснения. Кто-то, очевидно, успел сказать ему, что пришельцы из другого мира понимают каллистянский язык. Из его слов Широков и Синяев вывели заключение, что камера работала на совершенно ином принципе, чем телевизионные камеры на Земле. Она давала цветное и объемное изображение, и передача осуществлялась непосредственно от нее, без прохождения через усилительное устройство мощной промежуточной станции. Каким образом столь небольшая установка могла обладать такой мощностью, чтобы ее передачи воспринимались всеми приемниками Каллисто, осталось неясным.

Слово «теси» непрерывно встречалось в объяснениях, но его значение все еще не стало понятным.

– Вам нравится? – спросил каллистянин.

– Да, – ответил Синяев. – Ваша бьеньтеси работает на другом принципе, чем наши. Я хотел бы узнать об ее устройстве более подробно.

– Потом, потом! – вмешался Женьсиньг. – Каллистяне ждут. – Он подошел к аппарату и встал прямо против отверстия трубы. Широков представил себе, как на экранах появится лицо Женьсиньга. Сколько миллионов каллистян будут слушать его?

– Больше одиннадцати лет тому назад... – начал Женьсиньг.

Он говорил прямо в объектив. Было ясно, что эта небольшая установка была равна по

мощности величайшим радиостанциям Земли, давала возможность передать на всю планету цвет, объем и звук одновременно.

Женьсинг рассказал об организации полета к Мьеньи, о старте звездолета и обо всех разнообразных мнениях относительно результатов рейса, которые высказывались на Каллисто ее учеными.

– О том, как протекал рейс и что увидели у Мьеньи наши отважные звездоплыватели, вам расскажет командир корабля Рьиг Диегонь.

– Митинг, в котором участвует все население планеты, – шепнул Синяев на ухо Широкову.

Диегонь мало говорил о полете, а все свое выступление посвятил Земле. Он подробно рассказал о встрече с людьми и о них самих. Коротко описал природу и города Земли. Затем перешел к причинам опоздания звездолета.

Широков слушал его с тревогой. Он опасался, что рассказ о происшествии в лагере под Курском может создать у каллистян, незнакомых, с условиями земной жизни, ложное представление о людях.

Но Диегонь ни словом не упомянул о диверсии.

– Дверь в помещение центрального агрегата была повреждена и не открывалась, – только и сказал он. – Техника Земли оказала нам неоценимую помощь.

Широков и Синяев облегченно вздохнули. Каллистяне все равно узнают об истинной причине аварии, но потом это будет не страшно, лишь бы не сейчас.

– Все, что мы видели на этой далекой от нас планете, – закончил Диегонь, – убедило нас, что люди и каллистяне будут жить в дружбе. За нашим полетом последуют другие. Я хочу верить, что к союзу Земли и Каллисто примкнут обитатели других миров, спутников звезд, находящихся не слишком далеко от Мьеньи -Солнца – и от Рельоса. Первый шаг к этому сделан. Мы, двенадцать каллистян, посетили Землю. Теперь двое ученых Земли прилетели к нам. Мы счастливы, что вернулись на родину, но еще более потому, что вернулись не одни. Дадим слово нашим гостям. Не удивляйтесь, что они будут говорить на нашем языке. За годы полета они хорошо овладели им. Перед вами представитель медицинской науки Земли – Петр Широков.

– Не говорите слишком мало, – сказал Женьсинг. – Дайте каллистянам время как следует рассмотреть вас.

Широков одно мгновение колебался, потом решительно снял очки и подошел к аппарату. Яркий свет был очень неприятен, пришлось сильно прищуриться, но это казалось ему лучше, чем показаться перед многими миллионами зрителей в очках, искажавших его лицо. Сознывая, с каким жадным вниманием каллистяне будут его рассматривать, он мучительно волновался и несколько секунд был не в состоянии начать говорить.

Прямо перед ним находилось темное отверстие трубы передатчика. В глубине этого отверстия что-то неясно блестело. Широкову вдруг показалось, что перед ним окно, за которым раскинулся весь простор огромной планеты, и бесчисленное количество черных лиц с длинными узкими глазами, устремленными на него.

Он глубоко вздохнул и сказал:

– Здравствуйте, товарищи каллистяне!

Сказал и только тогда понял, что говорит по-русски.

Все бывшие возле аппарата смотрели на него внимательно и серьезно. Никто, казалось, не удивился, что он говорит на земном языке. Вероятно, все подумали, что он сделал это намеренно.

Три слова, сказанные на родном языке, как-то сразу успокоили Широкова, и он начал говорить уже по-каллистянски, как ему казалось, совсем спокойно. Но впоследствии он никак не мог вспомнить, что именно он говорил каллистянам в тот день. Слова сходили с его губ без участия его воли, сами собой. Но когда, некоторое время спустя, он спросил Синяева о своей речи, оказалось, что он говорил хорошо и с чувством.

После Широкова выступил Синяев. Он не казался, а действительно был совершенно

спокоен. Коротко приветствовав каллистян, Георгий Николаевич посвятил свою речь развитию мысли, высказанной Диегоном, что к союзу людей и каллистян примкнут в будущем жители других, пока еще не известных планет.

Женьсинг закрыл своеобразный «митинг», и все снова отправились на чудесной олите к кораблю.

Каллистяне торопились покинуть остров.

– На звездолете огромное количество предметов, подаренных нам на Земле, – сказал Диегонь Женьсингу. – Я прошу без меня не разгружать корабль.

– Никто ничего не тронет, пока вы будете в отсутствии, – ответил Женьсинг.

МОРСКОЙ ПЕРЕЕЗД

– На чем мы отправимся на континент? – спросил Синяев.

– На корабле, – ответил Женьсинг.

– А почему не по воздуху? Ведь это будет быстрее.

– Потеря времени незначительна. Корабль идет быстро. Таково желание Диегона и его товарищей. Но если вы возражаете...

– Нисколько! Просто я не очень хорошо переношу качку.

– Ее не будет.

– А если поднимется буря?

– Это исключено. На время вашего переезда ветер не будет пропущен в эту часть планеты.

– Вы управляете ветром? – пораженный этими словами, спросил Синяев.

Ответ был неожиданным:

– Погода планируется.

Широков и Синяев молча переглянулись.

– Если ветер в этой части океана и был намечен, – невозмутимо продолжал Женьсинг, – то ради вас станции изменили программу. Охлажденные над океаном массы воздуха направят куда-нибудь в другую сторону.

– Но как... – начал Синяев и замолчал. Не стоило просить объяснений. Было немислимо узнать и понять все сразу.

Сборы были недолги. Звездоплыватели намеревались вернуться на остров и не брали с собой никаких вещей. Но у гостей Каллисто багаж оказался весьма объемистым. Они должны были остаться на континенте и взяли с собой все, что привезли с Земли.

Не без грусти расставались Широков и Синяев со звездолетом, на котором провели больше трех лет.

– Мы вернемся на Землю на этом же корабле? – спросил Широков.

– Разумеется, нет, – ответил Мьеньонь. – Для вас построят новый, по последнему слову техники. Вы же видели на Сетито, что современные звездолеты более совершенны.

Олити в три рейса доставила на пристань всех.

В сущности, это была не пристань, а просто набережная. Она представляла собой огромную площадку, выстроенную из красных каменных плит, похожих отчасти на гранит, отчасти на мрамор, отполированных, как зеркало. Каждая плита была не менее двадцати квадратных метров величиной.

Когда появились каллистяне и их гости, корабль, стоявший в пятидесяти метрах от берега, приветствовал их протяжным, странно звенящим звуком. Несмотря на большую мощность этого «гудка», он не был неприятен для слуха и отличался какой-то своеобразной мягкостью.

– Я думал, что на Каллисто нет гудков, – сказал Широков, – ведь они создают шум.

– До последнего времени, – ответил ему Гесьянь, – гудки на море были необходимы. Каллисто – жаркая планета, и на ней часты густые туманы. Теперь, конечно, они не нужны.

Но сохранилась морская традиция.

Корабль приблизился.

Оба друга видели такие корабли на рисунках и фотографиях, которые показывали им каллистяне еще на Земле, но тем не менее с большим интересом рассматривали странное судно.

Оно было невелико и очень узко. Ширина палубы не превышала четырех метров. Не было ни мачт, ни труб. Корпус судна, выстроенный из серебристого металла, почти не выступал из воды. Вся верхняя надводная часть была накрыта сплошным прозрачным кожухом чуть голубоватого оттенка. Благодаря низким бортам казалось, что по воде плывет огромная стеклянная лодка, перевернутая килем вверх.

Парапет набережной был значительно выше борта корабля, и люди, стоявшие на ней, смотрели на судно сверху. Первое, что обращало на себя внимание, было отсутствие каких бы то ни было палубных надстроек. Сама палуба представляла собой гладкую поверхность темного цвета, без единого шва, точно она была покрыта линолеумом. В трех местах виднелись небольшие зеленые круги.

Экипаж судна состоял из восьми каллистян.

Моряки были одеты очень своеобразно, в костюмы, отличные от тех, которые люди Земли видели до сих пор. На них были короткие, до колен, брюки и легкие сетки без рукавов. И то и другое было голубого цвета. По обычаю каллистян головы были ничем не покрыты.

– Словно дети, – сказал Синяев, прибегнув, чтобы не быть никем понятым, к французскому языку.

Действительно, странный костюм моряков напоминал одежду детей в летнее время. Издали казалось, что на палубе стоят черные мальчики в трусиках и майках.

– Я не вижу в этой прозрачной крышке ни одного отверстия, через которое мы сможем проникнуть на корабль, – сказал Широков. – Или она поднимается, как на олити?

– Посмотрите внимательнее, – ответил Гесьянь. – Вход прямо перед вами.

– Я его вижу, – сказал Синяев.

Пристально всмотревшись в поверхность «стекла», Широков, наконец, заметил тонкую синюю линию. Мало заметная на голубом фоне, она шла от борта вверх, плавно изгибалась и снова опускалась к борту. Точно тонкой кистью была нарисована арка.

В тот момент, когда он увидел ее, «дверь» сдвинулась назад и скользнула в сторону. Образовалось отверстие. Возле него собрались все восемь членов экипажа.

Широков и Синяев ожидали, что с корабля будет подан на берег трап или какая-нибудь сходня, но произошло совсем иное, чего они никак не могли ожидать.

Каменная плита, казавшаяся столь прочной и неотъемлемой частью набережной, сдвинулась с места и опустилась вместе с ними. Кто и как привел в действие механизм этой оригинальной подъемной машины, они не заметили.

Вход на судно оказался прямо напротив, на одном уровне, и оставалось сделать только один шаг, чтобы очутиться на палубе.

Один из моряков выступил вперед.

– Люди Земли, – сказал он, – желанные гости на корабле. Мы рады видеть вас у себя. Прошу вас войти.

Широкову и Синяеву пришлось первыми перейти на борт судна. Петр Аркадьевич снова подумал при этом, что их присутствие невыгодно Диегону и другим звездоплывателям – на них почти не обращали внимания, оно целиком поглощалось им и Синяевым.

К их удивлению, экипаж корабля встретил гостей очень сдержанно. Никто не пытался обнять их, как раньше. Моряки приветствовали их только жестами. Это было результатом нескольких слов, сказанных Женьсингом так, что они не слышали. Еще раньше Диегонь высказал опасение, что чересчур восторженная встреча может в конце концов утомить людей Земли.

Вслед за ними на борт корабля перешли все члены экипажа звездолета. Женьсинг и другие каллистяне остались на берегу.

– Мы скоро увидимся, – сказал Женьсиньг.

– Разве вы не поедете с нами? – спросил Широков, невольно посмотрев на Дьеньи.

– Нет. Корабль пришел за вами и экипажем звездолета. Население Атилли ждет вас.

– Я был бы очень рад, – сказал Гесьянь, – если бы вы поселились в моем доме. Я постоянно живу в Атилли.

– Мы гости Каллисто, – ответил Широков. – Я благодарю вас за приглашение, но мы будем жить там, где нам укажут. Мое и моего товарища желание – не расставаться с нашими друзьями и спутниками по полету.

Диегонь протянул руку и ласково провел пальцами по лбу и волосам Широкова.

– Все будут рады видеть вас у себя, – сказал он.

«Стеклянная дверь» беззвучно стала на место. Каменная плита с провожающими поднялась и снова неразличимо слилась со всей набережной. Корабль незаметно отделился от стенки и медленно отходил от нее.

Женьсиньг и все остальные шли по набережной вслед за кораблем, но вскоре отстали. Корабль шел все быстрее и быстрее. Длинный узкий корпус судна легко разрезал темную воду океана, оставляя за собой расширяющиеся полосы вспененных волн. Чуть заметно покачиваясь, он с нарастающей скоростью удалялся от берега.

Прошло несколько минут, и судно пошло так быстро, что гладкая поверхность воды у его бортов превратилась в мелькающие полосы. И без того малозаметная качка совершенно прекратилась. Как стрела летел по воде корабль; высокие волны вздымались перед его острым носом, с молниеносной быстротой оставаясь далеко позади.

– Если бы не этот колпак, – сказал Синяев, – стоять на палубе было бы невозможно.

– Очевидно, он для того и сделан, – ответил Широков.

Но прошло совсем немного времени, и они узнали, что сплошной футляр, закрывавший палубу судна, имел не одно назначение.

Оранжевый остров быстро уменьшался. Все тоньше становились кольца бьеньетостанции.

Далеко за ними виднелся крохотный шарик звездолета.

Вскоре остров совсем скрылся. Со всех сторон раскинулась равнина океана. Корабль мчался, как исполинская торпеда, к вечно недостижимой линии горизонта. Трудно было даже представить, какой силы был бы встречный ветер при такой скорости, будь палуба открыта.

С безоблачного неба лился яркий свет Рельоса.

– Ты заметил, что здесь совсем не жарко? – спросил Широков, стоя с Синяевым и остальными на носу судна.

– Заметил, но не знаю, чем это объяснить.

– Футляр, которым закрыта палуба, ослабляет тепловые лучи, – объяснил один из моряков.

– Значит, – сказал Широков, – каллистянам самим неприятно чрезмерное тепло?

– Нисколько! – ответил тот же моряк. – Мы не находим, что на Каллисто чрезмерно жарко. Это сделано для вас. Раньше на этом корабле футляр был из другого материала. Его сменили. Мы, – пояснил он, – готовились встретить вас и знали, что на вашей планете холоднее, чем у нас.

– И только ради этого изготовили такой огромный футляр?

Моряк пожал плечами.

– А почему же нет? – сказал он. – Иначе вам пришлось бы оставить палубу и находиться внизу. Мы думали, что это вам не понравится.

– Действительно, – сказал по-русски Синяев и рассмеялся, – чего проще! Удивляюсь, что они не построили специально для нас новый корабль.

Их не удивила осведомленность каллистянина. Они знали, что, пока были на Кетьо, Каллисто получила много бьеньетогамм, посвященных им.

– Далеко до города? – спросил Широков.

– Две тысячи километров. (Автор еще раз напоминает читателю, что все фразы каллистян, относящиеся к измерениям, он переводит на земные меры, чтобы не запутать изложение.)

– Сколько же времени займет переезд?

– Четыре часа.

– Ого! – сказал Синяев. – Быстро идет ваш корабль.

– Шестьсот километров в час.

– Это быстрее, чем на глиссере. – Синяев сказал слово «глиссер» по-русски.

– Я вас не понял.

– Мой товарищ говорит, – ответил Широков, – что ваш корабль движется быстрее самых быстроходных судов на Земле. Вы командир корабля?

– Я управляю кораблем в этом рейсе, – ответил каллистянин.

Казалось, его удивил вопрос Широкова. Прежде чем ответить, он на минуту задумался. Диегонь вмешался в разговор.

– У нас, – сказал он, – нет командиров или некомандиров. Каждый член экипажа может выполнять обязанности командира и все другие обязанности на корабле с одинаковым успехом. Распределение обязанностей – дело добровольное.

– Я ожидал этого, – сказал Широков. – Я был уверен, что у вас именно так, – пояснил он свои слова.

– Однако на звездолете, – заметил Синяев, – дело обстояло несколько иначе.

– В космическом рейсе – конечно. Там нужны специальные знания и опыт. Вести звездолет может не каждый.

Моряк предложил гостям осмотреть корабль. Широков и Синяев с удовольствием согласились. С ними пошли два члена экипажа – Диегонь и Мьеньонь. На корабле не было ни одного трапа, которые на Земле кажутся столь неотъемлемыми и характерными признаками морских судов. Для спуска внутрь служили лифты.

В трех местах – на носу, посередине и на корме – находились круглые, огражденные едва поднимающимися над палубой кольцевыми выступами, окрашенными в зеленый цвет, площадки подъемных машин. Шесть человек свободно поместились на одной из них. Командир корабля ногой нажал на край выступа, где находилась совершенно незаметная педаль, и площадка плавно опустилась.

– Все их лифты сделаны по одному принципу, – сказал Синяев. – Точно такие же на звездолете и на пристани.

– Наши лифты с кабинками мне больше нравятся, – ответил Широков.

Они ожидали увидеть каюты, но их не оказалось. Не было и привычного коридора. Внутренность судна была разделена переборками на три отделения, каждое из которых имело свой лифт.

Этот корабль не был пассажирским судном. Широков и Синяев тут же узнали, что на Каллисто уже давно не существует морского транспорта. Все перевозки совершались по воздуху.

– Для чего предназначен этот корабль? – спросил Синяев.

– Для научных работ в океане, – ответил моряк.

Носовое отделение, в которое они спустились, было командным пунктом, откуда осуществлялось управление кораблем. Подъемная машина находилась в задней части этого помещения. Площадка опустилась до самого пола и как бы слилась с ним. Впереди, закрывая внутренний вид помещения, стояла какая-то машина.

Когда они обогнули ее, глазам Широкова и Синяева предстала удивительная картина.

Им показалось, что они каким-то образом вновь очутились на палубе. Впереди и по сторонам расстилалась равнина океана. Сверху было небо и ослепительно белый диск Рельоса.

Стены и потолок были абсолютно невидимы.

Но они знали, что это помещение находится ниже ватерлинии, и легко было догадаться,

что это – все та же система телевизионных экранов, но только более совершенная, чем на звездолете. Не было решетки из рамок отдельных экранов, он был сплошной, охватывая все помещение, кроме пола и задней стены. Нечто подобное они видели на звездолете внутренних рейсов.

Но если гости Каллисто подумали, что только для них удивительна эта картина, то слова Мьеньоня доказали им, что это совсем не так.

– Поразительно! – воскликнул инженер. – Я вижу, что техника далеко ушла вперед за время нашего отсутствия.

– Перед стартом к Мьеньи, – сказал Диегонь, обращаясь к Широкову, – на кораблях были экраны, ничем не отличающиеся от тех, которыми оборудован звездолет. Такой сплошной экран для нас новость.

– Этот корабль построен два года тому назад, – пояснил моряк.

– Экраны старого типа где-нибудь сохранились? – спросил Широков.

– Насколько я знаю, нет. Зачем они, если есть новые, более совершенные?

На командном пункте не было ни одного человека. Ожидаемый, по привычке, рулевой отсутствовал.

– Кто сейчас ведет корабль по курсу? – спросил Синяев.

Моряк указал на «машину», стоявшую сзади. Это был гладкий темно-синий куб, на котором не было никаких приборов, кнопок или рукояток.

– Курс проложен по карте. Корабль сам дойдет до назначенного места.

Он подошел к стоявшему посередине помещения второму кубу, гораздо меньших размеров.

Гости увидели, что внутри находится большой лист, на котором синей и красной краской изображена географическая карта. Она была очень похожа на земные карты, с такими же меридианами и параллелями.

– Это участок океана между островом Неба и Атилли, – сказал моряк. – А вот эта черная линия – проложенный курс. Без вмешательства командира корабль не уклонится от него.

– А подводные течения?

– Автомат учитывает их.

– Но если кораблем управляет автомат, то для чего этот сплошной экран?

– Кораблем можно управлять вручную. Вот смотрите!

Он нажал маленькую кнопку.

До сих пор Широкову и Синяеву казалось, что куб сделан из прозрачного материала, но вот он вдруг «потух», и они поняли, что он не прозрачный. Теперь он был темного цвета и походил на пластмассовый. Карты не стало видно.

Передняя стенка куба откинулась, и появилась панель с множеством кнопок.

– Это ручной пульт управления, – сказал моряк. Чувствовалось, что корабль замедляет ход. Это было видно и по экрану.

– Когда карта выключена, автомат не может работать. Двигатели остановились.

Моряк положил пальцы на кнопки.

– Совершим круг.

Кисти рук у каллистан обладали необычайной гибкостью. Их длинные тонкие пальцы могли совершать одновременные и совершенно различные движения, недоступные руке человека Земли. У них не было «левой» и «правой» руки, обе работали одинаково.

Движения пальцев командира корабля, перебежавших с кнопки на кнопку, напомнили Широкову игру на рояле.

Двигатели заработали снова. Слегка накренившись на левый борт, корабль описал по океану широкий круг.

– Следите за мной, – сказал моряк. – Я отвожу корабль в сторону от курса. Поворачиваю его носом в обратную сторону. А теперь снова включаю автомат. Смотрите, что будет дальше.

Говоря, он приводил свои слова в исполнение. Куб опять стал прозрачным. Появилась карта. Рядом с черной линией курса виднелась маленькая точка, которая медленно двигалась.

– Что это? – спросил Широков.

– Вероятно, место корабля, – сказал Синяев.

– Совершенно верно. Эта точка – наш корабль. Сейчас автомат выведет его на правильный путь.

Следя за движениями крохотной точки, Широков и Синяев увидели, как она повернулась, совершив полукруг, и слилась с черной линией.

– Спасибо! – сказал Широков. – Это очень интересно.

– Если не возражаете, пойдём дальше, – предложил моряк.

Среднее помещение было предназначено для жизни и работы экипажа. Здесь было много приборов и аппаратов непонятного назначения и неизвестной конструкции. Гости ни о чем не спрашивали; было ясно, что это оборудование для научных работ.

– Может быть, вы голодны? – спросил моряк. – Здесь есть все, что нужно.

Широков и Синяев отказались. Они действительно не чувствовали голода.

Осмотрев жилой отсек, они перешли в третье отделение. Здесь помещались двигатели корабля.

«РЕЛЬОС ВИТИНИ»

– Знаешь, что мне нравится больше всего? – спросил Синяев, когда, после осмотра машинного отделения, они снова поднялись на палубу. – Тишина. Все их машины работают бесшумно.

– Давно известно, что шум вреден, – ответил Широков. – Но, к сожалению, наша техника еще не может уничтожить его. В будущем это обязательно сделают. Машины на Земле будут работать беззвучно, как здесь. Но как ты мог? – прибавил он. – Когда ты выстрелил, у меня сердце замерло.

Синяев рассмеялся.

– Я несколько не боялся, – сказал он. – Я верю каллистиянам. Конечно, этого не следовало делать. Но когда Диегонь предложил испытать стену, я выстрелил почти что машинально.

– Зачем ты носишь пистолет?

– Забыл о нем. Он лежит в кармане с Сетито.

Выстрел, о котором они говорили, произошел несколько минут тому назад в отделении двигателей.

«Машинный зал» представлял собой небольшое помещение с металлическими стенами, полом и потолком. Вплотную друг к другу стояли четыре длинных и как будто стальных цилиндра. От них отходили гибкие трубки, исчезая под полом.

Командир корабля объяснил, что каждый цилиндр – двигатель. Трубки связывают их с агрегатами управления. Каждый заряжен на несколько лет непрерывной работы.

– Обслуживающий персонал не нужен, – сказал моряк. – Они не требуют никакого ухода за собой.

Объяснения каллистиян всегда отличались ясностью, но на этот раз ни Широков, ни Синяев не поняли, на каком принципе работали двигатели. Это были не турбины и не реактивные моторы. Цилиндры приводило в движение что-то, находящееся за кормой. Им показали чертежи, но вопрос не стал яснее. На конце каждого цилиндра находились по три, словно вложенных друг в друга, удлиненных конуса.

Какое-то сложное чувство удержало Широкова и Синяева от дальнейших расспросов. Оба притворились, что хорошо поняли. Синяев неожиданно заявил (по-русски), что техника каллистиян начинает раздражать его.

– Мы просто устали, – ответил ему Широков. – Слишком много впечатлений сразу.

Задняя стенка машинного отделения была не металлической. Прозрачная и очень тонкая пластинка размером два на три метра отделяла помещение от океана, представляя собой корму судна. За ней бурно клубилась белая пена. Временами в глубине этого «кипятка» мелькали сверкающие круги.

– Через эту стенку, – пояснил командир судна, – можно осматривать наружные концы двигателей, когда они не работают. Это делается во время каждой стоянки корабля.

– А она не может разбиться?

– Если бы такая опасность существовала хотя бы теоретически, – последовал ответ, – мы никогда не позволили бы вам войти сюда.

– Из чего сделана стенка?

– Из особого сорта стекла.

– Мне кажется очень рискованным применять стекло в таком месте.

– Оно более чем крепко. Практически его невозможно разбить без применения специальных методов.

– Попробуйте! – засмеялся Диегонь. – Даже пуля из вашего оружия бессильна против этого стекла.

Едва он успел это сказать, Синяев вынул пистолет и выстрелил в стенку, находившуюся от них в двух шагах. Среди металлических переборок машинного зала выстрел прозвучал оглушительно.

– Ты с ума сошел! – по-русски крикнул Широков. – А если бы она разбилась?

– Как видишь, все в порядке. На гладком стекле не было видно никакого следа от удара пули.

– Кого-нибудь мог задеть рикошет.

– Об этом я не подумал, – сказал Синяев. – Глупо! Мои нервы не в порядке.

– Георгий очень энергичен, – улыбнулся Диегонь. – Я почти оглох.

– Извините меня.

– Я виноват сам.

Теперь, стоя на палубе и вспоминая этот эпизод, Широков задумчиво провел рукой по стеклу футляра, закрывавшего палубу.

– Технология изготовления стекла, – сказал он, – достигла у них большой высоты.

– И все же они не знали стекла Эбралидзе.

– Тем лучше. Приятно сознавать, что и мы могли чему-то научить их.

Они стояли на носу судна вдвоем. Каллистяне, как и раньше на звездолете, не навязывали своего общества. Они всегда охотно разговаривали с людьми, но инициативу неизменно предоставляли гостям. Широков и Синяев давно привыкли к естественно непринужденной деликатности своих друзей. Поэтому, когда подошел Мьеньонь, очевидно желая вмешаться в разговор, они поняли, что им хотят сказать что-то важное.

– Мы приближаемся к месту, которое вот уже двести пятьдесят лет является священным для всех каллистян, – сказал инженер. – Мы выбрали переезд по морю именно для того, чтобы прежде всего побывать здесь. Если вы не возражаете, мы будем рады показать вам памятник прошлого.

– Как мы можем возражать? – сказал Широков. – Наоборот, мы будем очень довольны.

– Этот памятник, вероятно, находится на острове? – спросил Синяев.

– Нет, на дне океана. Тут не очень глубоко. Каллистяне часто посещают это место. Для наших детей в начале их обучения поездка сюда является обязательной.

– Мы готовы.

– Корабль достигнет нужного пункта через несколько минут.

– Мы спустимся на дно в водолазных костюмах, – спросил Широков, – или на корабле есть подводная лодка?

– Ни то, ни другое, – ответил Мьеньонь. – В этом месте глубина семьсот метров. Мы спустимся на корабле.

Синяев кивнул головой. Казалось, он ждал именно такого ответа. Надводный корабль

одновременно был и подводным. Вполне естественно!

Корабль стал замедлять ход.

– Здесь! – сказал Мьеньонь.

Волны, поднятые стремительным ходом судна, улеглись. Со всех сторон расстилалась почти неподвижная гладь. Совершенно безоблачное в начале пути, небо затянулось легкими перистыми облаками. Широков заметил несколько птиц, летевших очень высоко.

– На каком расстоянии отсюда находится земля? – спросил он.

– В ста двадцати километрах. Мы сейчас в проливе, разделяющем два континента.

– Я его знаю, – сказал Синяев. – Видел на ваших картах.

– Разрешите спускаться, – обратился к нему командир корабля.

– Я не могу разрешать, – слегка пожимая плечами, ответил Синяев. – Мы гости. Хозяева здесь вы.

– Покидать палубу не нужно? – спросил Широков.

– Конечно нет. Вода сюда не может проникнуть.

Корабль стал медленно погружаться.

Широков с волнением следил, как уровень океана все выше поднимался по его борту. Он верил в технику каллистян, но не мог заставить себя быть таким же невозмутимо спокойным, как его товарищ. Футляр казался таким хрупким и тонким. На глубине семисот метров должно быть огромное давление.

– На какую глубину может опуститься корабль? – спросил он.

– На два километра. Материал футляра и его форма рассчитаны на давление в двести килограммов на квадратный сантиметр.

Широков ничего не сказал на это. Он всецело был поглощен предстоящим зрелищем. Ему еще никогда не случалось спускаться под воду, а тут он вдобавок увидит подводный мир чужой планеты.

Поверхность океана сомкнулась над ними. Блеск дня сменился синим сумраком. Широков и Синяев сняли защитные очки.

Совсем близко они видели скользящие тени, очевидно морских животных, но рассмотреть их не удавалось.

Корабль опускался все глубже, и темнота постепенно сгущалась. Тонкий футляр словно растворился в воде и стал невидим. Казалось, что между людьми и бездной океана нет никакой преграды.

– Почему не зажигают прожекторов? – спросил Синяев. – Или их нет на корабле?

– Прожекторы на корабле, конечно, есть, – ответил Диегонь, стоявший с ними и остальными каллистянами, кроме командира, на носу судна. – Но существует традиция приближаться к памятнику без света. Ничто не должно нарушать покой этого места.

– Интересно, – сказал Синяев. – Мне кажется, у вас довольно много традиций. Это уже вторая.

– А какая же первая? – спросил Широков.

– А как же. Гудок на корабле. Помнишь, Гесьянь говорил на острове.

– Каллистяне чтут память своих предков, – сказал Диегонь. – Традиции связывают нас с ними.

– Очень любопытно, – сказал Синяев по-французски (Бьяининь стоял рядом.) – Это открывает новую сторону их характера.

Корабль опускался очень медленно.

«Как жаль, что нельзя рассмотреть обитателей вод», – подумал Широков.

Было ясно, что скорость погружения целиком зависела от каллистян. Вероятно, это была еще одна традиция. В медленном приближении к загадочному памятнику было что-то торжественное.

Прошло минут десять, и последние следы света исчезли. Кругом непроглядная тьма.

– Смотрите! – сказал Диегонь, и Широков почувствовал, что каллистянин протянул в темноте руку.

Впереди, глубоко внизу, показалось плохо различимое светящееся облако. Нельзя было определить источник этого света, но казалось, что свет электрический. Как будто в глубине океана горели мощные лампы, освещая что-то, пока невидимое.

Раздался голос Бьяининя. Он говорил по-русски:

– Многие века на Каллисто существовало угнетение, насилие и бесправие. Трудящееся население, так же как на Земле, боролось с хозяевами за свои права, за лучшую жизнь. Было много восстаний, которые подавлялись жестоко. Пятьсот лет тому назад, по земному счету времени, вспыхнуло самое большое, решающее и последнее. Это была гражданская война, кровопролитная, но недолгая. Класс хозяев исчез с лица планеты. Началась эпоха свободного развития общества. В ходе войны в руки хозяев попали двести десять крупных революционеров. Они были погружены на корабль и вывезены в море. В то время у нас были торговые суда. Этот корабль имел имя «Дьесь». На русском языке это соответствует слову «Надежда». В 2137 году, в сто двадцать третий день, в точке океана, где мы сейчас находимся, «Дьесь» со всеми находившимися на нем людьми был потоплен.

– Мы увидим памятник «Дьесю»? – спросил Широков.

– Нет, здесь стоит он сам. Каллистяне сохранили историческое судно. Но теперь оно называется не «Дьесь». На его борту стоит другое имя.

– Какое?

– «Рельос Витини».

– «Солнце свободы», – перевел Синяев. – Это очень красиво.

– Казнь двухсот десяти лучших сынов народа привела к тому, что на сторону восставших перешли все, кроме самих хозяев. И война окончилась. Двести десять были последними жертвами.

Корабль все так же медленно приближался к сияющему облаку, становившемуся все более ярким. Когда он приблизился вплотную и неподвижно повис над дном, на высоте тридцати – сорока метров, люди увидели поразительную картину.

Под семисотметровым слоем воды на равном расстоянии друг от друга стояли правильным кругом двадцать две высокие мачты. На каждой из них висело по два шара, испускавших сильный свет. Можно было видеть мельчайшую подробность дна. Оно казалось тщательно прибранным: ни камней, ни растений

– ровное плоское поле.

На самой середине освещенного круга, уйдя в дно до ватерлинии, стоял длинный вишневого цвета корабль. Никаких повреждений на нем не было видно, он имел такой вид, точно недавно сошел со стапелей завода. На короткой передней мачте «развевалось» зеленое знамя. Не на корме, как у земных кораблей, а на самой середине корпуса зелеными буквами горело гордое имя корабля: «Рельос Витини».

Он стоял совершенно прямо, под своим непонятным образом застывшим знаменем, на дне океана и казался настолько «живым», что отсутствие людей на палубе было как-то неестественно. Невольно представлялось, что под кораблем не дно, а поверхность воды, что он сейчас тронется с места и на нем появятся люди.

Но никто не появлялся. Неподвижно стоял славный памятник трагедии, происшедшей пятьсот лет тому назад, сохраненный людьми на дне океана – мавзолеем героев каллистянского народа.

Синяев первым нарушил молчание.

– Как вам удалось сохранить все это столь долгое время? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– «Рельос Витини», – ответил кто-то из каллистян, – затонул на этом самом месте в том положении, в каком вы его видите. Мы его не передвигали, а только покрыли составом, предохраняющим от действия воды и времени. Он будет стоять так тысячи лет. Вас, вероятно, удивляет вид знамени? Это действительно настоящее знамя, и у него есть история. Материал пропитан веществом, которое в соединении с водой превратило его в камень. Мачты и лампы установлены позднее, лет пятьдесят тому назад.

– Каким способом питаются энергией лампы?
– Источник энергии находится в них самих. Они могут гореть неограниченное число лет.

Широков подумал о той циклопической работе, которую должны были проделать каллистяне для установки мачт, шаров, да и с самим кораблем. Ему казалось, что проще было поднять «Рельос Витини» на поверхность, но он понимал величие этого памятника на дне океана и невольно преклонялся перед людьми, которых не остановила трудность задуманного.

В этом странном с земной точки зрения памятнике было что-то трогательное и грандиозное в одно и то же время.

И опять, как много лет тому назад, в день смерти Штерна, каллистяне опустили на колени и протянули руки ладонями вниз. Этот прощальный жест относился сейчас к тем, кто пятьсот лет назад умер на этом корабле.

И, не сговариваясь, Широков и Синяев сами опустили на колени рядом со своими друзьями. Находясь на Каллисто, они по-каллистянски отдали дань уважения героям, память о которых так свято чтилась планетой.

Совершив круг над «Рельос Витини», корабль стал так же медленно подниматься. Все, кто стоял на его палубе, не спускали глаз с подводного памятника, пока он не скрылся в облаке света, становившегося все более тусклым.

Корабль увеличил скорость подъема и через несколько минут вынырнул на поверхность океана, из синего сумрака в белый блеск дня. Лучи Рельоса быстро испарили воду на его прозрачной «крыше», и с прежней скоростью он помчался вперед.

– Что бы я ни увидел на Каллисто, – сказал Широков, – эта картина навсегда останется в моей памяти.

– И в моей также, – отозвался Синяев.

ГЛАВА 2.

АТИЛЛИ

После яркого света и расплавленного зноем воздуха улицы прохлады и мягкий полусвет комнаты успокаивающе действовали на возбужденные нервы.

Широкие окна-арки, лишённые рам и стекол, были прикрыты чем-то темно-желтым, создававшим внутри дома освещение, похожее на солнечное. Глаза, утомленные блеском Рельоса, отдыхали в этом приятном свете. Комната была очень своеобразна.

Высота стен достигала шести-семи метров. Они были бледно-зеленого цвета и казались пористыми. У самого потолка на полметра выступал широкий карниз. Потолок был точно из темного стекла, и в нем отчетливо отражалась обстановка.

Ничем не покрытый пол, гладкий и блестящий, как идеально натертый паркет, в противоположность потолку не отражал ничего. Он был блестящ и одновременно казался матовым. Ровная вишневого цвета поверхность, на которой не видно было ни одного шва.

Углы комнаты были не прямоугольны, как на Земле, а закруглены.

Посередине, ничем не огражденный, бил небольшой фонтан. Его вода была золотисто-зеленой. От фонтана веяло прохладой, как от настоящей воды, но его струи падали совершенно беззвучно.

Мебель была удобна и своеобразно красива, не земной, а своей, непривычной людям Земли, каллистянской красотой. Каждая вещь выглядела произведением искусства по тщательности отделки и подбору красок. Причудливо изогнутые ножки кресел, панели, дверцы – все было из странного материала, ни на что земное не похожего, прозрачно-глубокого, блестящего и матового в одно и то же время.

Цвета мебели гармонировали с цветом стен. Преобладали зеленые тона.

Ни один предмет из этой обстановки не стоял вплотную к стенам, что также было непривычным. Свободное пространство позади мебели, равное полутора метрам, занимали длинные низкие ящики из зеленого «стекла» с растениями.

Больше, чем обстановка комнаты, эта флора Каллисто напоминала людям, что они находятся не на Земле. Ни одного листка, ни одного, хотя бы отдаленно похожего на земные, цветка они не видели.

Цветы переливались голубыми и странно золотистыми оттенками. Листья, свернутые в трубку, были зелеными, что особенно удивляло на Каллисто, где растительный мир имел, как правило, красные и оранжевые тона.

– Это специально выращенные комнатные растения, – сказал Синьг. – И они поставлены здесь для вас.

В доме стояла глубокая тишина. Ни звука не доносилось и снаружи, хотя дом стоял в центре огромного города.

Темно-желтый «занавес» чуть заметно плавно колебался, и это ритмичное движение действовало усыпляюще.

Широков пристально вглядывался в это нечто, закрывавшее окна, в надежде заснуть, наконец, но сон упорно не приходил.

Синяев, лежавший на другом «диване», также не мог уснуть.

Перед мысленным взором друзей стояли картины, прошедшие перед их глазами за эти сравнительно короткие часы первого дня пребывания на Каллисто. Впечатлений было так много, что воспоминаний о них хватило бы на всю жизнь, а это был только первый день в длинном ряду предстоящих им дней.

Они чувствовали себя уставшими до такой степени, что одно только неподвижное лежание на мягкой постели, тишина, царящая в доме, и прохладный полусумрак доставляли им физическое наслаждение.

Заснуть бы скорей!

Широков мечтал о приходе Синьга, который дал бы ему и Синяеву снотворное средство, действие которого они дважды испытали на звездолете, но ожидать каллистянского врача было бесполезно. Гости выразили желание отдохнуть, и они уже настолько хорошо знали каллистян, что не могли сомневаться в том, что их желание будет свято исполнено. Пока они сами не позовут, никто не войдет к ним, а где и как найти Синьга или другого врача, Широков совершенно себе не представлял. Кроме того, встать и выйти из комнаты казалось ему невозможным, так сильно он устал.

Они не разговаривали, каждый про себя переживал еще раз события дня.

Финиш звездолета, встреча на острове, странный «автомобиль», не подчиняющийся законам тяготения, планетный митинг, морской переезд на подводно-надводном корабле, и в особенности сказочное видение «Рельос Витини» на дне океана занимали их мысли, разгоняя сон. И наконец, Атилли!

Они плохо рассмотрели город, но то, что успели увидеть, оставило сильное впечатление.

Атилли был город дворцов. Ни одного здания, к которому нельзя было бы применить это название, они не видели: каждый дворец был достоин особого описания. А вместе с тем было известно, что Атилли далеко не самый большой город на Каллисто и не самый населенный. Это была «окраина», самый северный из городов континента, а следовательно, по земным представлениям, провинция. Подавляющее большинство каллистян предпочитало жить ближе к экватору.

Город был вытянут длинной лентой вдоль побережья, и в нем было, вероятно, не меньше домов, чем в Москве, Лондоне или Нью-Йорке, но каждый дом отделялся от соседнего обширным пространством оранжево-красной растительности. Площадь, занимаемая Атилли, была чудовищно огромной.

Корабль, привезший их с острова Неба – правда, на малой скорости, но целых три

часа, – шел вдоль берега, застроенного домами, прежде чем добрался до середины Атилли. Почти все дома имели широкие лестницы, украшенные статуями, спускавшимися к самой воде. Сходство каллистянской архитектуры с древнеегипетской, замеченное при первом же знакомстве людей с постройками Каллисто, подчеркивалось этими лестницами и плоскими крышами.

В центре города увидели красную каменную набережную, к которой и пристал корабль.

Встреча, устроенная им жителями Атилли, была поистине грандиозна. Задолго до того как показался город, корабль сопровождали уже сотни судов самых различных размеров и внешнего вида. Широкова и Синяева удивило такое обилие кораблей, так как они знали, что морской транспорт вышел из употребления. Но им объяснили, что это прогулочные суда типа земных яхт.

Небо было заполнено каллистянами, летевшими на крыльях. Их было много тысяч. Еще выше летело очень много олити.

На набережной стояла бесчисленная толпа. Вероятно, все население города, а может быть и много каллистян из других городов, вышло навстречу. В памяти Широкова и Синяева остались только разноцветные одежды и цветы, которыми был усыпан весь путь от пристани до этого дома.

Людей Земли и двенадцать каллистянских звездоплывателей на руках вынесли с корабля на берег.

Широков и Синяев знали, что Женьсиньг, Гесьянь и другие, оставшиеся на острове, вылетели в Атилли сразу вслед за ними, но никого из этих «старых» знакомых, которые, несомненно, находились в толпе, они не видели. На Земле знакомые, конечно, подошли бы к героям дня.

Их несли на руках, передавая друг другу, не менее двух часов. Это было медленное продвижение в несметной толпе. И хотя оно было радостным и волнующим, для Широкова и Синяева оно превратилось в жестокую пытку, чего не заметили обычно такие чуткие и внимательные каллистяне.

Когда на пороге дома их, наконец, опустили на землю, оба гостя Каллисто были близки к обмороку. Но у них хватило сил скрыть страдание, невольно причиненное им гостеприимными хозяевами. Они не хотели омрачать радость встречи, так как хорошо знали, что каллистяне будут в отчаянии от своей непредусмотрительности.

Причиной этой пытки были привычные для каллистян лучи Рельоса, невыносимый зной, который изливался на землю.

У Широкова и Синяева гудели головы, путались мысли, все тело было покрыто густым липким потом. Они были счастливы, когда в сопровождении Диегоня, Синьга и еще одного незнакомого им каллистянина прошли в прохладные комнаты.

Только здесь Широков, опасаясь теплового удара, сказал Синьгу об их состоянии.

Было ясно, что его слова поразили и огорчили троих каллистян, но они не стали тратить времени на извинения, а сразу приступили к делу.

Гостей отвели в помещение, середину которого занимал большой бассейн, быстро раздели и посадили в воду необычного голубого цвета. Синьг принес два сосуда, очень похожих на бокалы, наполненных бесцветной жидкостью, и попросил выпить ее. Их мысли сразу прояснились.

Потом их тщательно вытерли и одели в легкую каллистянскую одежду, так как их собственная была насквозь мокра от пота, а весь багаж остался на корабле.

Все это производилось быстро и молча.

Только тогда, когда они прошли в комнату с фонтаном и по требованию Синьга легли на «диваны», врач звездолета угрюмо сказал:

– Я никогда не прощу себе этого.

Диегонь только посмотрел на Синьга, и в его взгляде был горький упрек.

– Мы теперь чувствуем себя совсем хорошо, – сказал Широков.

– Вы были обязаны сказать об этом гораздо раньше, – сказал каллистянин, имени

которого они еще не знали. – Любому, кто находился рядом. Один из вас врач, и он должен знать, какой опасности подвергал себя и товарища.

– Кому принадлежит этот дом? – спросил Широков, избегая необходимости признаться, что врачом является именно он.

Каллистянин с удивлением посмотрел на Широкова. Вопрос, очевидно, был ему непонятен.

– Дома, – ответил Дигонь, – не могут никому принадлежать. Они принадлежат всем. Так же, как и все остальное. Этот дом подготовили специально для вас, по указаниям Гесьяня и Синьга. Те, кто жил здесь раньше, переселились в другой. В Атилли домов больше, чем нужно его населению.

– Если дом был занят, – сказал Синяев, – то проще было подготовить какой-нибудь другой. Не все ли равно. К чему было тревожить людей?

– Не беспокойтесь об этом. Каллистяне часто переезжают из дома в дом или из одного города в другой. Этот дом подходит для вас хотя бы потому, что здесь есть фонтаны, а они далеко не везде. Не все любят прохладу.

– А как же личные вещи... – начал Широков, но замолчал, не закончив фразы.

Здесь, на Каллисто, земные представления и понятия были неприменимы. Слова «частная собственность» давно исчезли из сознания каллистян. Вопрос, который он хотел задать, был бессмысленным для них.

– Мне кажется, – сказал Широков, – что нам лучше всего заснуть. Сегодня было слишком много впечатлений.

– Безусловно так, – согласился Синьг. – Спите сегодня здесь.

Принесли простыни и подушки. Эти вещи были точной копией земных. Материал был тонок и шелковист. Одежда была, конечно, не нужны в этом сверхтропическом климате.

Была вторая половина дня, и на улице было совсем светло. Широков спросил, нельзя ли чем-нибудь закрыть огромные окна, которых в этой комнате было два.

Незнакомый каллистянин подошел к окну. Что он сделал, люди не заметили, но оба огромных окна вдруг затянулись словно дымкой тумана, которая быстро густела.

– Какой цвет вы предпочитаете? – спросил каллистянин.

– То есть? – спросил Синяев.

– Каким цветом закрыть окна? Зеленым, синим или желтым?

– Пусть будет желтым.

Закрывшая окна «завеса» окрасилась в желтый цвет.

– Так хорошо?

– Очень хорошо, спасибо!

В который уж раз за этот знаменательный день Широков и Синяев молча переглянулись. То, что произошло, было совершенно непонятно, но ни тот, ни другой не задали вопроса. Они слишком устали. Впереди еще много времени.

– Вы будете спать до утра, – улыбаясь, сказал Синьг на прощание.

Если бы он знал, что они не смогут заснуть так долго, то, конечно, вернулся бы и помог им справиться с бессонницей. Но его не было в доме. Как и все каллистяне, вернувшиеся из космического рейса, он торопился увидеться с родными, которые съехались в Атилли и давно ожидали здесь.

Широков и Синяев одни находились в обширном дворце, предоставленном в их полное распоряжение на все время, которое они проведут в Атилли.

Им показали, где находится «столовая», и познакомили с аппаратом, с помощью которого они могли получить, не выходя из дома, любое кушанье и любой напиток.

Рядом с той комнатой, где они сейчас лежали, находилась другая, гораздо меньших размеров, но не менее красиво обставленная. В ней стояло несколько «шкафов» с дверцами семиугольной формы, наполненных всевозможными вещами домашнего обихода. Они были уложены и поставлены в безупречном порядке, и тут было, кажется, все, что только могло быть нужно. Их предупредили, что все эти вещи принадлежат сейчас им и они могут

пользоваться ими как им угодно.

– Все, что может вам понадобится и чего вы здесь не найдете, – сказал каллистянин, – будет доставлено в любую минуту. Вам надо только сказать. Мы старались ничего не упустить, но, может быть, учли не все.

– Сколько хлопот мы вам доставили, – сказал Широков.

– Мы отвечаем вам за гостеприимство, оказанное на Земле Диегону и его товарищам.

– О, мы их встретили совсем не так.

– Вы же не могли знать, – сказал Диегонь. – Вас никто не предупреждал о нашем прилете.

Кроме этих трех комнат и бассейна в доме было еще несколько помещений, но знакомство с ними пришлось отложить до следующего дня.

В конце концов оба заснули почти одновременно и проспали крепко, без сновидений, до самого утра.

УТРО

Проснувшись на следующий день, Широков сперва подумал, что совсем не спал. Сквозь желтые «занавеси» проникал тот же свет, что и прежде. Но, посмотрев на свои часы, он понял, что сейчас не вечер, а позднее утро.

Синяев еще спал.

Широков встал и подошел к окну. Его очень интересовала загадочная дымка, закрывшая окна.

Вблизи он увидел, что она полупрозрачна, и почувствовал, что наружный воздух свободно проходит сквозь нее. «Занавес» слегка шевелился, смутно проступали контуры деревьев, и даже можно было разглядеть море. Это походило на тонкую ткань или, наоборот, толстое стекло темно-желтого цвета.

Он протянул руку и почувствовал упругое сопротивление.

Как же «открыть» окно?

Широков помнил, к какому месту подошел вчера незнакомый каллистянин, чтобы «закрыть» окно. Он посмотрел туда и сразу увидел четыре маленькие кнопки, окрашенные в разные цвета – белый, синий, зеленый и желтый. Одна из них (желтая) была как бы вдавлена в стену.

Широков нажал на нее.

Кнопка ушла еще глубже, и тотчас же цвет «занавесей» стал еще темнее.

"Ясно! – подумал он. – Чем сильнее нажимаешь на кнопку, тем более плотными становятся шторы. Надо вернуть кнопку в исходное положение, и окна «откроются».

Он сделал попытку уцепиться пальцами за крохотную головку, но этого не удалось сделать, – кнопка была слишком мала.

«Вероятно, здесь блокировка», – подумал Широков.

Он нажал на белую. И тотчас же желтая вышла из стены.

«Завесы» быстро посветлели и исчезли. В комнату ворвались лучи Рельоса.

– Просто и удобно, – вслух сказал Широков.

Механизм действительно был очень прост. Но то, чем он управлял, было совершенно непонятно. Что закрывало окна? Газ?

Широков нажал на белую кнопку, не спуская глаз с окна.

Он увидел, как огромное отверстие затянулось полупрозрачной дымчатой пленкой. Она появилась сразу во всем проеме окна, словно тонкий слой воздуха вдруг потерял чистоту и прозрачность.

Сердце Широкова забилося учащенно. Все, что непонятно, волнует.

Он осторожно стал нажимать на синюю кнопку.

И чем дальше уходила она в стену, тем все более густой синий цвет разливался по

загадочной пленке.

Широков в третий раз нажал на белую. Окна «открылись».

Он отошел к своей постели.

Нет! Догадаться, в чем тут дело, было невозможно. Это было ни на что знакомое не похоже. Придется спросить.

Синяев все еще спал. Широкову не терпелось, и он решил разбудить друга.

– С добрым утром!

Георгий Николаевич открыл глаза и в первую минуту, казалось, не понимал, где находится. С выражением изумления на лице он обвел взглядом стены, потолок и всю обстановку комнаты, потом сел на постели и весело улыбнулся.

– С добрым каллистянским утром! Неужели это правда, что мы на Каллисто?

– Если обстановка тебя в этом не убеждает, встань и посмотри в окно. Кстати, его открыл я. Очень интересное явление.

Широков рассказал о проделанных только что экспериментах.

Но Синяев никак не реагировал на его слова.

– Оранжевый остров, – сказал он. – «Рельос Витини», Атилли не были сном?.. Перед тем как проснуться, я видел себя на борту звездолета. Долго мы спали?

– Неполных четырнадцать часов.

Синяев огляделся, словно ища что-то.

– Странно, что они не доставили наши вещи. Мне очень не хочется надевать каллистянский костюм, а наши, вероятно, еще не просохли.

– Каллистяне не хотят нас беспокоить, – сказал Широков. – Пока мы сами не позовем, никто не придет.

– А как мы это сделаем?

Широков пожал плечами.

– Не знаю, там увидим.

– Подожди одеваться, – сказал Синяев. – Идем сначала в бассейн. Тут все-таки слишком жарко.

Широков охотно согласился. Он чувствовал легкое недомогание, голова была тяжелой. Так должен чувствовать себя человек, проспавший ночь в слишком жарко натопленной комнате.

Они легко нашли помещение с бассейном. Он был наполнен чистой и совершенно бесцветной водой. Вчерашняя, она это хорошо помнила, имела голубой оттенок.

Бассейн был настолько велик, что они могли плавать в нем. Вода была явно другого «сорта». Она чуть покалывала тело, напоминая нарзанные ванны.

Выйдя из бассейна, они почувствовали себя вполне освеженными. От недомогания и тяжести в голове не осталось никакого следа.

Им не хотелось надевать каллистянские одежды, но они должны были признать, что эта одежда очень удобна. Она была легка, почти невесома и совершенно не стесняла движений.

– Первое, что надо сделать, – это вызвать Синьга, – сказал Широков.

– Почему именно Синьга? А может быть, Гесьяня или Дьеньи?

Широков вздрогнул и внимательно посмотрел на своего друга. Случайно или намеренно он назвал это имя?

Лицо Синяева было невозмутимо.

«Случайно», – решил Широков.

– Потому, – ответил он, – что температурные условия на Каллисто настолько для нас непривычны, что мы должны все время находиться под надзором врача, пока не привыкнем. Если мы позовем Гесьяня, Синьг может обидеться.

– Каллистяне никогда и ни на что не обижаются.

– Все-таки лучше Синьга.

– Пойдем искать «телефон». Они, вероятно, не забыли оставить указание, как им пользоваться.

Они вышли из купальной комнаты через другую дверь. На пороге Синяев случайно обернулся и успел заметить, как из бассейна с непостижимой быстротой исчезла вода. Потом так же быстро он снова наполнился.

Широков шел впереди и не видел этой картины.

Синяев рассказал.

– Скорее всего, – сказал Широков, – водой в бассейне управляет обыкновенный автомат. В определенное время вода меняется.

– Сомневаюсь. Выходит, что вода могла смениться в то время, когда мы были в бассейне. Нет, тут не автомат. Во всяком случае не слепой автомат. Вернемся. Я хочу проверить одну мысль.

Он быстро разделся и бросился в воду. Потом вышел из бассейна и встал на его краю, внимательно наблюдая за водой. Широков не меньше Синяева был заинтересован опытом.

Проходили минуты, но вода не менялась.

– Видишь! – сказал Широков.

– Этого не может быть. Я уверен, что догадался верно. Прошу тебя, выкупайся тоже.

Широков не заставил себя просить.

Когда, поплавав немного, он вышел из воды и они оба оделись, вода исчезла. Новая была темно-голубой, точно такой же, какую они видели вчера вечером.

– Теперь ясно? – торжествовал Синяев. – Автомат настроен так, что, когда двое людей выкупаются, вода меняется. И, кроме того, он ждет, пока оденутся. А вдруг мы захотим еще раз войти в воду?

– Да, автомат, очевидно «видит». Но где он находится?

Они внимательно осмотрели помещение. Кроме самого бассейна и небольшого семиугольного шкафа, в котором находились простыни и полотенца, в нем ничего не было. Стены и потолок темно-синего цвета казались пластмассовыми, пол и стенки бассейна – из белого материала, отполированного до блеска. Ничего, что походило бы на управляющий аппарат, они не видели. Купальная комната освещалась неизвестно откуда исходящим светом.

– Очевидно, – сказал Широков, – автомат спрятан в стене. Меня больше интересует другое: почему вода разная? Сначала она была бесцветной, как и подобает быть воде, а теперь голубая, почти синяя. Такая же была вчера. Не значит ли это, что каллистянекупаются три раза в день и каждый раз вода обладает различными свойствами?

– Скорей всего именно так.

– Но ведь они не чувствуют жары. Зачем же столь частое купание? Я думаю, что это сделано специально для нас.

– И мы использовали дневную воду. Бассейн наполнен для вечернего купания.

– Хорошо! А если мы захотим выкупаться в четвертый раз?

Синяев с сомнением покачал головой.

– Этого не следует делать. Надо спросить Синьга.

– Да, ты прав. Здесь что-то связано с медициной. Они снова прошли в ту же дверь. Комната за ней была очень мала, не больше восьми квадратных метров. Ее стены были затянуты плотной, вроде бархата, рыхлой материей. Такой же материей был закрыт и потолок. Пол мягко поддавался под ногами. Он был порист и напоминал губку.

Сверху на длинной цепи свисал какой-то шар стального цвета. На стене они увидели небольшой щиток с тремя кнопками.

– Что это такое? – спросил Синяев.

– Вопрос не по адресу. Я знаю столько же, сколько ты сам. Вероятно, аппарат для какого-то облучения. Это доказывается расположением комнаты рядом с бассейном. Меня не удивляет наличие этого аппарата. Каллистяне живут примерно вдвое дольше, чем мы. Без специальных мер оздоровления организма этого трудно добиться. Я читал, что раньше продолжительность их жизни была равна нашей. Вода в бассейне, этот аппарат – явления одного и того же порядка.

За комнатой облечения находился просторный зал.

В нем стояло много шкафов еще более странной формы, чем те, которые они видели раньше. Эти «шкафы» были настолько прозрачны, что становились почти невидимыми. Они были заполнены книгами и какими-то аппаратами. Стояли низкие кресла и восьмиугольные столы.

Не задерживаясь, они прошли дальше. Миновали «столовую», которую видели вчера. Здесь были только стол и несколько кресел (стульев у каллистан не было вообще). В углу большой аппарат для доставки блюд. Несколько черных статуй и ящики с цветами украшали комнату.

– Ты не голоден? – спросил Широков.

– Голоден, но это потом. Осмотрим всю нашу квартиру, – ответил Синяев.

Он подошел к следующей двери. Как и все в доме, она была двустворчатой, без ручек и открывалась в обе стороны.

Перешагнув порог, он остановился и подозвал Широкова.

– Смотри!

Комната была очень велика, больше всех, которые они видели. Одна из ее стен представляла собой сплошное окно, за которым расстилалась равнина океана. Свет Рельоса свободно проникал в нее. Стены были бледно-голубые. Четыре фонтана, окруженные желто-оранжевыми растениями с длинными свернутыми в трубку листьями, занимали четыре закругленных угла. Между ними стояли белые статуи. Пол был пурпурного цвета. Такого же цвета была и мебель.

– Что за причудливое сочетание красок! – сказал Широков.

– Смотри же! – повторил Синяев.

И только тогда Широков заметил, что в комнате что-то двигалось.

В первую секунду ему показалось, что перед ними какое-то животное с тонкими длинными щупальцами.

Это был небольшой шар, передвигавшийся на шести металлических ножках. Он переходил от предмета к предмету и словно ощупывал их гибкими «руками». Вот одна из этих «рук» стала вытягиваться и своим концом, похожим на большую кисть, провела по статуе. Легкий слой пыли, покрывавший скульптуру, исчез.

Шар двигался бесшумно и быстро, приближаясь к двум людям, стоявшим на пороге двери, но, не дойдя до них метров трех, он остановился. «Рука» протянулась к стене и нажала кнопку. Они увидели, как стоявшая здесь статуя сдвинулась с места, открыв нишу. Шар сложил «руки» и вошел в эту нишу. Статуя встала на место, скрыв ее от глаз.

– Обыкновенный андроид, – сказал Широков. – Я так и думал, что увижу что-либо подобное. Автоматизировать уборку помещений – это напрашивается само собой при достаточно высокой технике. (Андроид, или робот, – машина, механически имитирующая движения человека. Первый андроид был сделан еще в 1738 году Вокансоном (Франция).)

– Вероятно, в каждой комнате есть такой аппарат, – заметил Синяев. – Я попрошу объяснить мне, как он устроен.

Андроид в совершенстве выполнил свою задачу. Ни пылинки не осталось на мебели и статуях, пол так чист, что было даже как-то неудобно ступить на него.

Эта комната оказалась последней. Рядом находилась спальня.

– В доме семь комнат, – сказал Широков. – Это меньше, чем казалось. Планировка рациональна, и мне нравится; три – бассейн, кладовая и библиотека – расположены в задней половине и не имеют окон. Остальные четыре – фасад здания.

– Благодарю, – сказал Синяев. – Теперь я имею представление о доме.

Широков засмеялся.

– За три года мы привыкнем к таким квартирам, – сказал он. – А когда вернемся на Землю, нам покажется тесно и неудобно.

И вдруг оба перестали смеяться. Далекая родина возникла перед ними, и все, что они оставили там, показалось желанным и милым. Пусть нет там всех этих утонченных удобств,

пусть не устроена еще жизнь на Земле, она будет когда-нибудь иной, под светом родного Солнца, среди зеленой растительности, близкая, любимая. Что в том, что на Каллисто все так красиво сделано, – это чужое!

Им мучительно захотелось увидеть на одну секунду земной дом и земную обстановку, одним взглядом, на мгновение.

– Эх, – сказал ни с того ни с сего Синяев, – хоть бы на лыжах покататься.

Лыжи, снег! Не скоро они смогут увидеть все это! Они подошли к окну. За ним находилась терраса, выложенная голубыми плитками. Широкая лестница спускалась от нее к воде. У нижней ступени покачивалась небольшая лодка, закрытая «стеклянным» колпаком. Выход на террасу был в одном из углов комнаты, за фонтаном.

От дома до берега океана по склону раскинулся обширный сад, с множеством оранжевых, красных и темно-желтых растений. Среди этой густой «зелени» прятались неизбежные статуи – черные, белые и золотисто-серые. Друзья заметили несколько маленьких птиц.

Одна из них села на перила террасы, и они смогли хорошо рассмотреть ее. Птица была величиной с воробья, с синими перышками и голубым брюшком. Тонкий острый клюв был длиннее тельца. Хвост был раздвоен, как у ласточки.

Широков тихо свистнул. Птица повернула головку, посмотрела на них зелеными глазками и вспорхнула с перил. На мгновение она сверкнула в лучах Рельоса, как драгоценный аметист, и исчезла в оранжевой листве.

– Волшебное царство! – сказал Синяев, но сказал как-то вяло, без воодушевления. – Мы не во сне это видим?

Широков улыбнулся. По-видимому, мысли о лыжах все еще не покидали его друга.

– Если это сон, то он снится нам обоим одновременно, а этого никогда не бывает.

Позади них раздался негромкий звук, точно стеклянным молоточком ударили по серебряной пластинке.

Они обернулись, но комната была, как и прежде, пуста.

Звук повторился, и теперь они поняли, откуда он исходил.

На одной из стен находился большой, до двух метров в поперечнике, серебристо-голубой экран, малозаметный на фоне стен того же цвета. Под ним стоял низкий пятиугольный столик на двух кольцеобразных ножках, а на нем продолговатый ящик с двумя кнопками и чем-то вроде решетки, как будто металлической.

Мелодичный звук раздался в третий раз.

– Это звонок «телефона», – сказал Синяев.

Они подошли к экрану. Он был не прозрачен, но почему-то казался бездонно-глубоким. Своих отражений они в нем не увидели.

Широков заметил на столике записку и взял ее. На русском языке рукой Бьяининя было написано:

"С помощью этого экрана можно говорить с любым человеком, находящимся на Каллисто. Для вызова нажмите кнопку, расположенную с левой стороны, и громко назовите имя и фамилию того, с кем желаете говорить.

Если услышите чужой вызов и захотите ответить, то нажмите правую кнопку".

– Это значит, – сказал Синяев, – что на Каллисто нет двух людей, носящих одинаковые имя и фамилию.

– А разве ты этого не знал? – спросил Широков, внимательно рассматривая кнопки и решетку, которая, по-видимому, прикрывала микрофон или заменяющий его аппарат. – Я давно это знаю. Но вот что интересно. Бьяининя здесь не было вчера. Когда же положена записка?

– Вероятно, пока мы спали.

– Да, кто-то входил. Но не в этом дело. Интересно другое. Никаких запоров здесь нет. Вход всегда открыт. Неужели на Каллисто совсем нет любопытных?

– Ах, вот ты о чем! Да, выходит, что они не страдают этим пороком. На Земле перед

домом, где поселились люди с другой планеты, была бы толпа с утра до вечера.

– Вот именно. А ведь любой каллистянин может войти к нам в любую минуту.

– В этом и состоит их превосходство перед нами. Они всегда и во всем думают о других, о том, чтобы не причинить другому малейшей неприятности. Это вошло у них в плоть и в кровь, стало нормой поведения.

– Вот именно, – повторил Широков. Звонок раздался еще раз.

– Кто-то хочет говорить с нами.

– А может быть, вызывают прежних жильцов этого дома?

– Вряд ли. Но все равно надо ответить.

Широков нажал правую кнопку.

Экран мгновенно посветлел, став белым. Потом он вдруг «исчез».

Образовалось «окно», и они увидели внутренность почти такой же комнаты, как та, где находились сами. Только фонтанов в ней не было.

Буквально в «двух шагах» по ту сторону экрана стоял Синьг.

Если бы они не видели, как появилось изображение, то могли бы поклясться, что это действительно Синьг, настолько реальна была его фигура.

– Я вызываю вас в четвертый раз, – сказал каллистянин. – Вы долго и крепко спали. Как вы себя чувствуете?

Если бы он вдруг протянул им руку, они бы не удивились. В этот момент им все казалось возможным на Каллисто.

Они хорошо знали, что такое телевидение, могли представить себе телевизор в роли телефона, – все это было известно на Земле. Они видели и знали экраны на звездолете. Многие были известны им из прочитанных книг. Само по себе зрелище «живого» Синьга их не удивило. Но совершенство техники поразило их.

Не отвечая каллистянину, они пристально всматривались в то место, где только что был экран, и не видели его. Серебристо-голубое «стекло» стало абсолютно невидимо. Синяев даже протянул руку, со смутным опасением, что она не встретит препятствия и пройдет дальше, чем должна была позволить стена, но его пальцы коснулись твердой и гладкой поверхности. Экран, разумеется, находился на месте.

Но, несмотря на полученное доказательство, он не мог отделаться от впечатления, что перед ними сквозное отверстие.

Им показалось, что пауза длилась долго, но Синьг снова заговорил, не высказывая никакого удивления, что ему не отвечают.

– Вы меня не слышите? – Он повернул какую-то ручку на точно таком же ящике, который находился и перед их экраном. – А сейчас?

Вопрос прозвучал ошеломляюще громко.

– Мы вас хорошо слышали и раньше, – сказал Широков. – Не отвечали потому, что растерялись от неожиданности.

Синьг улыбнулся и повернул ручку в обратном направлении.

– Отчего же вы могли растеряться? – спросил он нормальным голосом. – Это обычный экран. Как вы себя чувствуете? Хорошо ли спали?

– Отлично! – ответил Широков. – Мы проспали четырнадцать часов и чудесно отдохнули.

– Нам не терпится скорее познакомиться с Атилли, – добавил Синяев.

– Если хотите, – сказал Синьг, – я могу сейчас прилететь к вам. Или вы предпочитаете кого-нибудь другого?

– Мы будем очень рады видеть вас.

– Тогда ждите. Буду через несколько минут. Опускаюсь на террасе.

БУДНИ КАЛЛИСТО

Ожидать пришлось действительно недолго. Не прошло и пяти минут, как над их террасой появился воздушный экипаж. Он был в точности похож на «лодку», стоявшую у подножия лестницы, отличаясь от нее только короткими крыльями. Но когда, почти по вертикальной линии, он плавно опустился, крылья исчезли в пазах корпуса, и тогда тождество с их «лодкой» стало несомненным. Очевидно, олити предназначались не только для воздушных, но и для морских прогулок.

Широков и Синяев внимательно следили за посадкой. Олити Синьга не повисла в воздухе, как это было на острове, а легла на террасу.

– Очевидно, это старая конструкция, – сказал Синяев. – Это доказывает и наличие крыльев.

«Стеклянный» футляр поднялся на тонких металлических стержнях, Синьг поспешно вышел и прошел внутрь дома, не давая людям времени выйти навстречу.

– Вам надо как можно реже подвергать себя действию прямых лучей Рельоса, – сказал он, здороваясь с ними за руку, по-земному.

– Не можем же мы все три года сидеть в доме, – возразил Синяев.

– Этого и не надо. Но пока ваш организм не привыкнет, нужно быть очень осторожными.

– Мы хотим осмотреть Атилли.

– Это можно сделать из олити. Вы помните футляр над кораблем? Под его защитой вы можете находиться сколько угодно, ничего не опасаясь.

– А разве на олити такие же? – спросил Широков.

– Нет. Нам они не нужны.

– Ну, так как же?

– Здесь была допущена небольшая ошибка, – сказал Синьг. – Они подумали о футляре на корабле, но упустили из виду олити. Но все уже сделано. Ваша олити будет доставлена с минуты на минуту.

– Наша олити?

– Да, для вас. Футляр для нее уже готов.

– Скажите, Синьг, – сказал Синяев, – отношение к нам является исключением или это обычная норма поведения?

– Я вас не совсем понимаю.

– Если бы такой специальный футляр был нужен не нам, а кому-нибудь из каллистан, его так же бы изготовили?

– Разумеется. Теперь я вас понял. Не тревожьтесь! Мы относимся к вам так же, как и друг к другу. Я могу это доказать. Вот стоит моя олити. Такие аппараты уже вышли из употребления. Но я не умею управлять новыми, так же как все, кто летал на Землю. Мы отстали от жизни. И по нашей просьбе изготовили двенадцать олити старого типа.

– Но ведь мы прибыли на Каллисто только вчера.

– Что ж из этого? Изготовить такой аппарат недолго.

– Мне очень хочется познакомиться с вашими заводами, – сказал Синяев.

– Никто вам не мешает это сделать.

– Не будем спешить, – сказал Широков. – Всеу свое время. На сегодня хватит познакомиться с городом и навестить Диегоня. Он здесь?

– Да, мы все поселились в Атилли.

– Скоро доставят нашу олити? – нетерпеливо спросил Синяев.

– Это можно узнать. Но я не советую вам выходить сейчас из дома. Самый полдень.

– Синьг прав, – сказал Широков, заметив недовольство на лице друга. – К чему рисковать зря? Какой-нибудь час пройдет быстро. У меня, например, много вопросов, которые можно задать и в доме. К тому же я голоден.

– Вы еще не завтракали?

– Попросту забыли об этом. Приготовьтесь, Синьг! Я задам вам столько вопросов, что

вам будет много работы. Каллистянин улыбнулся.

– Боюсь, – ответил он, – что буду плохим консультантом. За одиннадцать лет жизнь на Каллисто заметно изменилась. Многое мне самому непонятно. Советую позвать кого-нибудь из ваших новых знакомых.

– Кого же? – спросил Синяев. – Беспокоить Женьсиньга неудобно.

– Почему же? Если он свободен, то с радостью прилетит к вам. Но скорей всего он занят. Позовите Гесьяня: этот человек все знает. Или Вьегга Диегона.

– Гесьяня, – решил Синяев, – и Бьесьи.

– Это хорошо, – сказал Синьг. – Бьесьи опытный инженер.

– Я сейчас свяжусь с ними. – Широкову хотелось испытать экранную связь самому. – Чье же имя назвать?

– Безразлично.

– Кстати, я не знаю, как зовут Гесьяня.

– Его зовут Сьень.

– У нас на Земле есть имя Сеня, – сказал Синяев.

– Называйте его так, он будет очень доволен.

– Вы уверены?

– Совершенно уверен.

– Спроси все же у него самого, – посоветовал Широков.

Он подошел к экрану, нажал кнопку и громко произнес:

– Сьень Гесьянь.

Он ожидал, что экран, как и в первый раз, исчезнет из глаз, но он остался «на месте».

– Пока не нажата кнопка у вызываемого, – пояснил Синьг, – экраны не сработают.

– А если как раз в этот момент кто-нибудь захочет вызвать нас? – поинтересовался Синяев.

– Его экран на мгновение потемнеет, что означает: занято.

– Сложная техника.

– О, нет! Она очень проста.

Примерно через минуту или полторы экран «исчез». Перед ними появилась комната в доме, где жил Гесьянь. У экрана стояла Бьесьи.

Широков и Синяев с интересом ожидали появления еще одного каллистянского дома, его обстановки, но, увидя Бьесьи, моментально забыли обо всем. Оба смешались и покраснели, не зная, как выйти из этого, невозможного по их понятиям, положения.

На Бьесьи был светло-серый, абсолютно прозрачный костюм. Казалось, что тело каллистянки окружает тончайшая газовая пленка. Человеку трудно отрешиться от укоренившихся понятий. Убеждения людей, вложенные годами предыдущей жизни, сразу не могут смениться другими, пусть даже более совершенными. Разумеется, Бьесьи и в голову не приходило, что в ее костюме может быть что-нибудь «неладное». Она радостно приветствовала людей Земли.

– Как я рада вас видеть! Гесьянь сейчас придет, он в бассейне.

Широков и Синяев старались смотреть ей в лицо. Их смущения Бьесьи не заметила, она плохо знала людей и не умела разбираться в выражении их лиц.

Но Синьг заметил.

– Наши гости, – сказал он, – просят вас приехать к ним.

– С огромным удовольствием.

– Вы знаете, где они поселились?

– Конечно.

– Ну, так мы вас ждем, – и с этими словами Синьг выключил экран, вероятно к полному недоумению Бьесьи.

– В чем дело? – спросил он, повернувшись к Широкову. – Кровь бросилась вам в лицо. Отчего?

На такой прямой вопрос можно было ответить только так же прямо. Но не сочтет ли

Синьг гостей Каллисто дикарями?

«Но ведь он знает жизнь на Земле, – подумал Широков. – К тому же он врач».

Синяев, как всегда, оказался решительнее своего друга. Он просто и откровенно объяснил Синьгу причину их смущения.

– Хорошо! – сказал каллистянин. – Это понятно, и мы должны были сами догадаться. Больше этого не повторится.

– Что вы хотите делать? – встревожившись, спросил Широков.

Очевидно, Синьг понял его мысль.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Каллистяне поймут как надо. Вы нас еще плохо знаете. Прошу вас выйти из комнаты на две минуты.

Широков и Синяев переглянулись. Одна и та же мысль возникла у обоих: не слишком ли много они требуют от каллистян? Но ничего другого, как только исполнить просьбу Синьга, у них не оставалось.

– Получилось не совсем хорошо, – сказал Синяев, когда они оба прошли в соседнюю комнату. – Но я доволен, что так вышло. Если бы она явилась к нам в таком виде, было бы неприятно находиться в ее обществе.

Широков промолчал.

С кем говорил Синьг и что именно он сказал, осталось неизвестным, но такого костюма, какой был на Бьесьи, они больше никогда и ни на ком не видели.

Молодые супруги прилетели очень скоро. Широков и Синяев были рады увидеть Гесьяня, которого искренне полюбили за это время. Они сумели скрыть невольное смущение при виде Бьесьи, одетой на этот раз не в прозрачный, хотя и очень легкий, костюм. Что касается молодой каллистянки, то она, казалось, и не поняла, в чем заключался ее «промах».

Олити Гесьяня, так же как раньше Синьга, опустилась на террасу, а не осталась висеть в воздухе, хотя сразу было видно, что она совсем другой конструкции. Синяев сейчас же спросил о причине.

– О, это просто из экономии, – ответила Бьесьи. – Я выключила поле. Мы собираемся провести с вами долгое время, если вы не возражаете. Как ни мало тратится энергии, но все же тратится. И потом может быть ветер... я не помню точно.

Эти слова напомнили обоим людям, что на Каллисто погода действует по расписанию. Бьесьи не помнила, назначен на сегодня ветер или его не будет.

– А чем помешает вам ветер? – спросил Синяев.

– Если оставить олити висеть в воздухе без присмотра, ветер может угнать ее, – смеясь ответила Бьесьи. – Такой случай со мной был однажды.

– Был, как же! – подхватил Гесьянь. – И мне пришлось долго искать нашу олити. Мы с Бьесьи были в лесу. Выходим на опушку – нет! Исчезла. Что такое! Спрашиваю: «Не забыли выключить поле?» – «Кажется, нет». Как вам это нравится? Олити нашлась на расстоянии трех километров. Спасибо, пролетал кто-то. Снизился и спрашивает: «Это не ваша олити летает без управления вон там?» Дело в том, что с включенным полем олити весит ровно столько, чтобы не подниматься под давлением воздуха. Практически она ничего не весит. Ветер погнал ее, как пушинку.

Синьг смеялся. Широков и Синяев слушали серьезно. Этот шуточный рассказ многое говорил им о повседневной, будничной жизни каллистян. Как не похожа была эта жизнь на земную!

– Позавтракайте с нами, – предложил Широков.

– С удовольствием, – одновременно ответил Гесьянь и Бьесьи.

– Нельзя ли как-нибудь сделать, чтобы нам доставили наши вещи? – попросил Синяев. – Я хочу переодеться.

– Это очень легко, – сказал Синьг.

Он подошел к экрану. Вскоре появилась комната, не имевшая ничего общего с теми, которые они видели до сих пор. На ее стенах было много экранов, гораздо меньших размеров, чем их экран. Посредине стоял стол с наклонной верхней доской, а перед ним

кресло. Больше ничего в комнате не было. В кресле сидел молодой каллистянин.

– Я еще не давал сигнала вызова, – сказал Синьг – Он нас не видит.

– Кто он такой?

– Дежурный по сектору. Вы видите перед собой оперативный пост. Отсюда осуществляется координация всех работ, ведущихся в данном секторе. Таких секторов в Атилли восемь. Есть еще центральный городской пост, объединяющий работу секторных. Там несколько дежурных. Центральные посты городов согласовывают свою деятельность с постами урьить. Это приблизительно то же, что ваши «области». А посты урьить, в свою очередь, постоянно связаны с постом «Каллисто», который является центральным для всей планеты.

Так у нас достигается необходимый порядок в работе.

– Эта система устарела, – вмешался Гесьянь. – Необходима ее замена на какую-то другую. Пост «Каллисто» когда-то находился в прямом подчинении совету планеты, и такая система имела смысл. Теперь совета фактически не существует. Но, как видите, старая система существует. Консервативность мышления, – прибавил он, пожав плечами.

Широков улыбнулся. Все на свете относительно, и Гесьянь, конечно, прав. Но странно было слышать слово «консерватизм» в применении к каллистянам. Все, что Широков и Синяев знали о них, не позволяло допустить наличие косности и приверженности к старому, отжившему.

– Кто же мешает ввести новую систему? – спросил Синяев.

– Привычка, – ответил Гесьянь. – Многие считают, что и старая система вполне отвечает своему назначению.

– Вы сказали, что совета планеты больше не существует. Кто же должен сказать решающее слово?

– Кто угодно, хотя бы я. Но ведь не скажешь, если знаешь, что не все согласны.

– А как это узнать?

– Каждый десятый день проводится обсуждение. Каждый может предложить свое, новое. Если возражений нет, предложение проводится в жизнь.

– Кем?

– То есть как это «кем»? Теми, которых это касается.

– Неясно, – сказал Синяев. – Предположим, я внесу предложение выстроить башню. Мне кажется, что она украсит город. Предположим, никто возражать не будет. А что дальше? Кто составит технический проект, кто даст материал и рабочую силу? К кому обращаться?

Трое каллистян переглянулись. Казалось, они не знали, что ответить на неожиданный для них вопрос Синяева. Широков с интересом ждал ответа.

– Теперь я могу повторить за вами, – сказал Гесьянь, – неясно! Предложение внесено, возражений нет. Значит, оно понравилось. Теперь не вы один хотите построить эту башню. Одинаково с вами думают многие. На Каллисто много архитекторов, машин, строительных материалов. В чем же дело? Башня будет строиться.

– Кем? – настойчиво спросил Синяев.

Широков видел, что Гесьянь просто не понимает его друга.

– Георгий спрашивает, – сказал он, – кто внесет работу в текущий план. Кто объявит о начале работ? Определит место постройки и, наконец, кто именно будет составлять проект? Ведь может случиться, что работать над проектом башни начнут сразу несколько человек.

– Это постоянно случается. Редко бывает один проект.

– Кто решит, который лучше всех?

– Сами архитекторы. Они покажут друг другу свои работы и выберут.

– И не будет споров?

– Почему? Всегда бывают. Но то, что лучше, говорит само за себя. Если я сделал лучше, чем вы, то не можете же вы этого не признать.

Синяев посмотрел на Широкова.

– Бесплезный разговор, – сказал он по-русски.

– Когда проект готов, – продолжал Гесьянь, – его внесут в план работ сектора, если работа мелкая, урыть, если она крупнее, или поста «Каллисто», если она имеет общепланетный характер. Остальное идет обычным путем.

– Кто может работать дежурным на посту? – спросил Широков, меняя тему. – Это, вероятно, очень сложный труд?

– Не такой уж сложный. К нему надо просто привыкнуть. Дежурным может быть каждый, у кого имеется склонность к такого рода работе. Например, я не согласился бы работать дежурным, это не в моем характере. Но многие любят и даже увлекаются. Случается, что дежурный отказывается уступить свое место другому, когда кончается его срок. Желаящий занять его место, а таких всегда больше, чем нужно, вынужден иногда обратиться к дежурному центрального поста за помощью. – Гесьянь засмеялся. – Впрочем, такие случаи не только у дежурных, а всюду.

– Какой срок работы?

– Обычный. Четыре часа. Этого мало, чтобы удовлетворить человека, когда он хочет работать. Но здесь уже ничего не поделаешь. В вопросах продолжительности рабочего дня решающее слово принадлежит медицине. А мы, медики, считаем, что четыре часа вполне достаточно. Потребность труда удовлетворена, а организм не испытывает вредной усталости. Очень часто вносятся предложения об увеличении рабочего дня, но мы не сдаемся.

Пока шел этот разговор, дежурный по сектору несколько раз связывался с различными пунктами города. Они видели, как он поднимал голову, очевидно привлеченный звуком сигнала, и нажимал одну из кнопок на наклонном столе. Тотчас же «исчезал» один из экранов и появлялась внутренность дома, каюта корабля или какое-нибудь непонятное помещение, возможно заводской цех. Какие-то каллистяне что-то говорили дежурному, а он вызывал других и говорил с ними. Один раз на одном из экранов они увидели второй такой же пост и другого дежурного.

Широков и Синяев не спускали глаз с этой картины. Рабочая жизнь Каллисто проходила перед их глазами на экранах, которые они видели на своем экране. Так иногда на экране кино виден другой кинозал с демонстрирующейся в нем другой кинокартиной.

– Почему мы видим дежурный пост, а оттуда нас не видно? – спросил Синяев.

– Экран включен односторонне. Когда мы дадим сигнал, дежурный присоединит нас к одному из своих экранов. Это делается для того, чтобы не мешать его работе. Если желающий говорить видит, что дежурный занят, то подождет, пока он освободится.

– И мы можем таким способом заглянуть внутрь любого дома?

– Конечно нет. Такая связь существует только с постами, да еще с дежурными медицинскими пунктами.

Синьг вторично нажал левую кнопку. Они увидели, как дежурный протянул руку к пульту.

В следующую секунду комната поста мгновенно «повернулась» на экране. Они увидели ее уже с другой стороны и поняли, что их присоединили к экрану, расположенному на противоположной стене.

Спокойное выражение лица молодого каллистянина сменилось изумлением и радостью. Он вскочил с кресла и подбежал, казалось, прямо к ним.

– Люди Земли! – воскликнул он. – Наши гости!

– Здравствуйте! – сказал Широков.

– Я знал, что вы поселились в моем секторе, но не надеялся, что вы соединитесь со мной. Я так рад вас видеть!

– У наших гостей есть к вам дело, – сказал Синьг.

– Готов выполнить все!

Дежурный не отрываясь смотрел на Широкова и Синяева. На его молодом лице был такой восторг, что они невольно засмеялись.

– Вы нас еще не видели? – спросил Синяев.

– Видел два раза. У себя дома, когда вы выступали на острове Неба, а затем здесь, в Атилли. Но этого так мало!

– Наши гости просят доставить их вещи, которые остались на корабле, – сказал Синьг.

– Все?

– Нет, их слишком много. Пока только два... – Синяев запнулся, не зная, как сказать слово «чемодан», оно не переводилось на каллистянский язык. – Два коричневых ящика с ручками и металлическими застежками.

Синьг, понимая, о чем идет речь, пояснил более подробно.

– Сейчас будет сделано, – сказал дежурный.

Он вернулся к пульту и произвел нужное включение. «Исчез» один из экранов, и появилось знакомое им помещение рулевой рубки их корабля. Они увидели командира судна, который сразу заметил их и приветствовал жестами рук. Дежурный ясно и толково передал просьбу гостей. Широков и Синяев слышали каждое слово.

– Люди Земли поселились в четвертом секторе, 4472.

– Как жаль, что я не могу сам выполнить их просьбу, – сказал моряк. – Но я сейчас пришлю вещи.

Дежурный выключил экран корабля и снова подошел к ним.

– К сожалению, – сказал он, – я вынужден прекратить наш разговор. Уже несколько раз меня вызывали. Правда, те, кто соединялся со мной, видели, с кем я говорю, но все же...

– Увидимся в другой раз, – сказал Широков. Синьг выключил экран.

– Ваши вещи сейчас будут доставлены, – сказал он.

– Право, я сожалею о своей просьбе, – сказал Синяев. – Не лучше ли было нам самим слетать на корабль?

– Не думайте об этом. Каждый каллистянин с радостью исполнит любое ваше желание. Вы гости не отдельного лица, а всей планеты.

– Кому же будет поручена доставка? – спросил Широков.

– Любому, кто в этот момент ничем не занят.

– А если такого не найдется?

– Людей всегда много.

Не прошло и пятнадцати минут, как на террасе опустилась олити. Из нее вышел каллистянин и вынул два чемодана.

– Надо поблагодарить его, – сказал Синяев.

Они вышли на террасу. Каллистянин приветствовал их радостно, но не так восторженно, как дежурный по сектору.

– Мы вам очень благодарны за вашу услугу, – сказал Широков. – Можно узнать ваше имя?

– Меня зовут Жьесь Дньинь. Я рад случаю увидеть вас вблизи.

– Мы вам не помешали тем, что попросили доставить вещи?

– Вы меня об этом не просили. Но я с удовольствием исполнил ваше желание. Не нужно ли вам еще что-нибудь?

– Нет, спасибо, ничего не нужно.

– В таком случае я полечу дальше. Желаю вам хорошо поработать на Каллисто.

– Знаете, кто это такой? – спросил Гесьянь, когда олити скрылась. – Это крупнейший геолог. Он очень известный ученый.

– Так почему же именно ему поручили тащить наши вещи? – с возмущением спросил Широков. – Или не знали, кто он такой?

– А какая разница? – удивилась Бьесьи. – Если он мог это сделать.

Широков и Синяев ничего не сказали. Обращение к знаменитому ученому с просьбой сыграть роль носильщика казалось им очень странным. Но каллистяне явно не видели тут ничего особенного. Человек мог сделать данную работу, этого было, по их понятиям, вполне достаточно, чтобы обратиться к нему.

– Почему он не остался и не поговорил с нами?

– Потому, что вы не выразили такого желания, – ответил Синьг. – Ваши вопросы странны для нас. Я вас понимаю, потому что привык к вам за годы, которые мы провели вместе. Другие не поймут. На Каллисто иные понятия, чем на Земле.

– Мы это видим, – вздохнул Синяев.

Чемоданы перенесли в комнату, в которой Широков и Синяев провели ночь. Она оказалась тщательно убранной, но постели остались нетронутыми. Широков рассказал о виденном ими механическом уборщике и спросил, каждая ли комната имеет такого андроида.

– Каждая, – ответил Гесьянь. – Кроме домашних, существуют машины, приводящие в порядок улицы и сады. «Аньдэрьюидь», как вы ее называете, привел в порядок комнату, но не тронул постелей потому, что не умеет этого делать. Здесь, очевидно, не спали. Сегодня в этом доме будут переделки. Укажите, где вы хотите спать в дальнейшем, и там поставят машину, которая будет убирать и постели.

– Кстати, почему мы спали именно здесь?

– Потому, что в этой комнате холоднее, чем в других. В доме сделано специально для вас искусственное охлаждение, но оказалось, что оно недостаточно. Его усилят.

– Сколько хлопот! – сказал Синяев.

– Конечно, вы на особом положении, – сказала Бьесьи, – но и любой каллистянин может попросить сделать изменения в своем доме. Это обычное явление.

– А как узнают, что где-то требуются услуги?

Широков и Синяев непрерывно задавали вопросы. Их возникало все больше и больше, на каждом шагу. При внешнем сходстве жизнь на Каллисто и на Земле резко отличалась одна от другой по внутреннему содержанию. И причиной этого являлась не только более развитая техника. Основное различие заключалось в психологии каллистян, их отношении к труду и друг к другу. При полном отсутствии какого бы то ни было государственного аппарата это различие имело решающее значение, определяло собой весь уклад жизни. Насилия, пусть даже самого малого, никогда и нигде не применялось. Все делалось добровольно, основывалось на личном желании каждого каллистянина принять участие в общей работе. Общественный строй на Каллисто представлял собой коллектив, объединяющий все население планеты, и каждый член этого многомиллионного коллектива отдавал все свои силы и знания на достижение общей цели, ставя ее выше личного. Эта цель заключалась в том, чтобы сделать жизнь еще лучше и полнее, чем она была в данный момент, двигать вперед искусство и науку, открывая и заставляя служить себе все новые и новые силы природы. Прекрасный и бесконечный путь!

Людям Земли хотелось узнать как можно больше и как можно скорее решительно все. Синьг, Гесьянь и Бьесьи отвечали с видимым желанием. Это поощряло Широкова и Синяева, и они не стеснялись.

Петр Аркадьевич вспомнил, как сами каллистяне на Земле осаждали его бесконечными вопросами и как трудно ему приходилось тогда из-за плохого знания языка. Что ж! Это и порядке вещей. Во всяком случае, каллистянам легче, чем было ему.

– Для этого, – ответила Бьесьи, – существуют дежурные на постах. Вот видите этот небольшой аппарат? – Она подошла к стене, на которой они увидели ящик, похожий на динамик радиотрансляции, но сделанный из «хрусталя», как и пульт «телефона». – Он принимает сообщения дежурного поста о потребности в рабочей силе. Когда вы хотите работать («хотите», а не «должны», отметил про себя Широков), то включаете его и выбираете то, что вам подходит, после чего сообщаете дежурному, и работа исключается из дальнейших сообщений как выполненная.

Она повернула крохотную ручку, и ящик заговорил громко и отчетливо:

– На центральном складе "В" четвертого сектора нужны два человека для переделки учетной машины типа «Гъирь». Корабль «Вьерьи» нуждается в пяти членах экипажа, плывет в Кусуди. В домах 289 и 2387 второго сектора надо переключить приемные экраны на имена новых жильцов...

Голос смолк, так как Бьесьи выключила аппарат.

– Это мелкие сообщения, – сказала она. – Они передаются непрерывно, по мере поступления заявок. Вечером сообщается о крупных работах, намеченных на завтрашний день.

– Те работы, о которых мы только что слышали, вероятно, уже заняты? – спросил Синяев.

– Безусловно. Сообщений никогда не приходится повторять. Но тот, кто хочет взять на себя объявленную работу, должен очень торопиться.

– Почему?

– Перехватят другие.

– Разве работ мало?

– В сравнении с числом населения Атилли очень мало. Ведь это мелкие, не плановые работы. Они выполняются между прочим, вне обычного рабочего времени.

Гесьянь рассмеялся.

– Здесь проявляется нежелание каллистян подчиниться требованиям медицины, – сказал он. – Они уверяют, что эти мелкие работы служат развлечением. Приходится делать уступку.

– Но более крупных, плановых работ хватает для всех?

Гесьянь поморщился.

– В общем хватает. Но иногда приходится выдумывать работу.

– Отчего возникло такое положение?

– Автоматизация. Основная масса работ ведется без участия людей.

– Что же будет дальше?

– Я думаю, что положение не изменится. Уже сейчас половина населения Каллисто – это работники науки и искусства. В дальнейшем, при еще большем развитии техники и увеличении автоматизации, число занятых чисто умственным трудом увеличится – и только.

– Выходит, что у вас еще есть разница между умственным и физическим трудом, – сказал Широков. – В чем же заключается физический труд?

– В управлении машинами и автоматами. Они могут работать самостоятельно, но не во всех случаях. Требуется известный уход и настройка. Ну еще мелкие работы, о которых мы только что говорили.

– Ну, это совсем не то, – улыбнулся Широков. – Я имел в виду другой физический труд.

– У меня создается впечатление, что каждый каллистянин получает универсальное образование, – заметил Синяев.

– Отчасти это верно, но существует специализация. Я, например, как вам известно, врач, но знаю устройство всех машин настолько, что могу работать везде.

– Сколько лет учатся дети?

– Для получения общего образования – два с половиной года. Изучение выбранной специальности длится неопределенное время, но обычно от двух до трех лет.

– А с какого возраста начинается обучение?

– С трех лет. (Напоминаю читателю, что год Каллисто равен двум годам на Земле.)

В переводе на земное время это означало, что каллистяне заканчивали высшее образование к семнадцати годам. Молодость Гесьяня и Дьеньи, бывших уже учеными, стала понятна.

– Нам не терпится своими глазами увидеть все, о чем вы рассказываете, – сказал Синяев.

– Времени у вас хватит, – ответил Синьг. – Сегодня только второй день вашего пребывания на Каллисто. Впереди полтора года – три, по-вашему.

– Однако мы снова забыли о завтраке, – сказал Широков. – Так можно умереть с голоду на вашей планете.

НА ОЛИТИ

На Каллисто не существовало ресторанов или столовых. Все можно было получить, не выходя из дому, по специально для этого проложенным трубам. В комнате, где полагалось завтракать, обедать или ужинать, в «столовой», как называли ее между собой Широков и Синяев, на особой подставке лежал большой плотный альбом. На его страницах помещалось несколько тысяч названий и рисунков различных блюд. После каждого названия стоял номер.

У стены находился автомат с четырьмя рядами цифр на пятиугольной дверце. Каждая цифра поддавалась нажиму, как кнопка. Чтобы получить требуемое блюдо, достаточно было набрать нужные номера и повернуть маленькую ручку. Через минуту раздавался гудок. В аппарате оказывалось все, что было заказано. Блюда были прекрасно приготовлены на красивой посуде, горячие, теплые или холодные, смотря по желанию. Опорожненные тарелки и стаканы (они были многоугольной формы, но не очень сильно отличались от земных) ставились обратно в автомат, и поворачивалась другая ручка – это было все. В каллистянских домах не знали, что значит приготовление обеда, мытье посуды и тому подобное.

Завтрак на пять человек был заказан Синьгом. Широков и Синяев еще не научились разбираться в названиях «меню», но за время полета они привыкли к каллистянской пище и могли есть все.

– Сколько человек работают на... – Синяев снова запнулся, не зная, как сказать слово «кухня».

Широков также не знал этого слова. Очевидно, его просто не было в языке.

– На продовольственном заводе? Вы это хотели спросить? – ответила Бьесьи. – Ни одного человека. Приготовление блюд и их доставка в дома производятся автоматически.

– А доставка сырья на завод? Мясо, овощи, фрукты?

– Овощи и фрукты доставляются раз в десять дней. Их складывают в приемники, и на этом все кончается. Что касается мяса, то вы ошибаетесь, если думаете, что это мясо животных.

– Что же это такое? – спросил Широков. – По вкусу это свежее мясо, почти такое же, как у нас.

– Когда-то, – сказал Синьг, – каллистяне, подобно людям Земли, ели мясо убитых животных, но теперь мы не питаемся таким способом.

– То, что вы едите, – добавила Бьесьи, – мясо, но только синтезированное. Оно более питательно, чем натуральное, и не содержит никаких вредных веществ.

– Значит, каллистяне не убивают животных? Но тогда их количество может вырасти чрезмерно.

– Нам не нужно мясо, но мы используем мех и кожу. Вообще на Каллисто не так много животных. Многие виды уничтожены как вредные или бесполезные.

– А овощи и фрукты тоже синтезируются?

– Нет, этого не нужно. Можно, конечно, синтезировать все, но овощей и фруктов у нас вполне достаточно.

– Где они выращиваются?

– Всюду. Не все живут в городах. Большинство ученых и работников искусства предпочитают жить среди природы. Каждый дом окружен садом или полем. Работа в них полезна. Нельзя все время сидеть за столом или в лаборатории.

– Можно нам посетить продовольственный завод или такой отдельный дом, вне города? – спросил Синяев.

– Разумеется. Вы можете посетить все, что пожелаете.

Окончив завтрак, все перешли в спальную комнату. К удивлению Широкова и Синяева, постели были кем-то убраны.

– Ничего? – ответил Гесьянь на вопрос Широкова. – Не думайте о таких мелочах. Вы

гости.

– Кто же все-таки убрал за нами?

– Ну, скажем, я, – засмеялся Гесьянь. – Не все ли равно? Мне это было приятно. Больше этого не повторится, – поспешно прибавил он. – Все будет делать домашняя машина.

– Спасибо! – сказал Широков. – Но мы могли бы сами.

Они переоделись в свою одежду и почувствовали при этом такое удовольствие, точно долгие годы не видели земных вещей. Даже запах материи, сделанной на Земле, был приятен.

При этом они снова столкнулись с разницей в понятиях людей и каллистян. Чтобы переодеться, им надо было снять бывшие на них костюмы, но Бьесьи, зная, что они хотят делать, не уходила. Пришлось, извинившись, попросить ее выйти.

– Наше воспитание, – сказал Широков Синьгу, – вероятно, кажется вам смешным?

– Нисколько. Понять не трудно. Человек всегда может понять другого человека, как бы различны они ни были. А вы очень мало отличаетесь от нас.

– Вы любезны и вежливы, как всегда, – сказал Синяев.

Когда они снова прошли в комнату, смежную с террасой, то застали там несколько незнакомых каллистян, которые что-то делали у одной из стен. Гесьянь объяснил, что это те, кто взял на себя переделку охлаждения в доме, и также другие мелкие работы.

– Когда вы вернетесь, все будет уже закончено, – скачал он.

После обычных приветствий один из «рабочих» («Кто их знает, – подумал Широков, – кто они такие? Ведь поручили же крупному ученому доставить наши чемоданы») спросил, не надо ли переключить экраны на имя новых жильцов дома.

– Переключите, – сказал Синяев. – Хотя бы на мое имя.

– Лучше сделать иначе, – предложил Синьг. – Ваши имена трудны для произношения. Настройте экран на слово «Земля».

– Вы не возражаете? – спросил каллистянин, который, по-видимому, руководил своими товарищами.

– Наоборот! Это будет только приятно.

– Тогда мы так и сделаем. Зьемлья, – повторил он. – Я правильно произношу?

– Приблизительно правильно, – улыбнулся Синяев.

– Не забудьте сообщить об этом на пост «Каллисто», – сказал Гесьянь.

В эту минуту на террасу опустилась большая, окрашенная в темно-серый цвет олити. Из нее вышел каллистянин и прошел в дом. Вежливо поздоровавшись, он сообщил, что эта олити предназначена для гостей.

– Как раз вовремя, – сказал Синяев. – Спасибо!

– Научить вас управлять ею? – спросил каллистянин.

– Я сама научу, – ответила Бьесьи.

– В таком случае до свидания! Я могу воспользоваться чьей-нибудь олити?

– Возьмите мою, – сказал Гесьянь. – Вон ту. Очевидно, желая скрыть свое любопытство, каллистянин окинул внимательным взглядом Широкова и Синяева и вышел.

– Вы не спросили его, куда он полетел, – сказал Широков.

– А зачем мне это знать?

– Но ведь он взял вашу олити. Где вы возьмете другую?

– Где угодно.

«Ответ в каллистянском стиле, – подумал Широков. – У них это просто. Где угодно, вот и весь разговор».

Оставив «рабочих» хозяйничать в доме, все пятеро вышли на террасу.

Олити, построенная специально для Широкова и Синяева, была шестиместной. По изяществу наружной и внутренней отделки она походила на нарядную игрушку, и, несмотря на величину, ее невольно хотелось положить и бархатный футляр, как произведение искусства.

– Это новейшая конструкция, – сказала Бьесьи. – Управление ею очень просто.

– Поразительно, – сказал Синяев по-русски, – с каким вниманием относятся к нам каллистяне. Ты думаешь, что цвет олити случаен? Ничего подобного. Я как-то сказал, не помню кому, что больше всего люблю темно-серый цвет, и, как видишь, они это запомнили.

– Возможно, что так, – с оттенком недоверия ответил Широков.

Они обратили внимание, что совершенно безоблачное утром небо затянулось облаками. Рельос был невидим.

– Ожидается дождь?

– Нет. – Бьесьи взглянула на небо. – Это не дождевые облака. По расписанию должно быть ясно. Вероятно, небо закрыли облаками специально для вас. Каллистяне, – пояснила она свои слова, – тревожатся, что вам слишком жарко. Особенно после вчерашнего.

– А что вчера?

– Как что? Вам же было плохо после путешествия по улицам Атилли.

– Откуда вы это знаете?

– Вся Каллисто знает.

Эти слова напомнили гостям с Земли об истинном положении вещей. Они как-то забыли, что находятся в центре внимания всего населения планеты. Возможно, это произошло потому, что никто из каллистян не высказывал явного любопытства. Их обоих как будто оставили в покое, предоставив поступать, как они желают. Ни один каллистянин не подходил и не подлетал к их дому, чтобы взглянуть на жителей другого мира.

Широков вспомнил толпы народа, осаждавшие с утра до вечера обсерваторию Штерна, а еще раньше – лагерь под Курском, где ему, как коменданту, часто приходилось обращаться за помощью к Черепанову, чтобы оградить каллистян от людского любопытства.

Жители Атилли вели себя совсем иначе.

Облака над городом, направленные сюда исключительно для гостей, служили яркой иллюстрацией заботы и внимания без навязчивости.

Шесть кресел были сделаны из того же, уже знакомого им, материала, похожего на стекло, поддающегося тяжести тела и как бы обнимающего сидящего в кресле человека, принимая его форму.

Бьесьи села за управление. Правда, в первый момент никакого «управления» они вообще не заметили. Не было ни штурвала, ни кнопок, ни каких-либо рукояток. У Синяева даже мелькнула мысль, что аппарат управляется мысленно, с помощью биотоков. О том, что на Каллисто вполне возможно существование биотехники, он думал еще на острове Неба, когда они летели к «вокзалу» на никем не управляемом аппарате. В 19... году, когда они покидали Землю, уже появились биотехнические протезы, успешно заменяющие человеку потерянную руку или ногу. А техника каллистян, казалось Синяеву, во всем была выше земной.

Но догадка не подтвердилась. Бьесьи поставила ногу, обутую в серебристого цвета сандалию, на маленькую педаль, снабженную металлической пряжкой. Очевидно, это и было «управление». Синяев сел рядом, внимательно наблюдая за действиями молодой каллистянки.

Легкое движение носка вниз.

Прозрачный колпак опустился, закрыв лодку.

– Куда направимся? – спросила Бьесьи.

– Нам хочется осмотреть город.

– И навестить Диегоня, – прибавил Широков. – Но сперва полетаем над Атилли.

Бьесьи приподняла носок сандали. Олити отделилась от террасы и вертикально поднялась метров на сорок.

Новое, чуть заметное движение ноги, на этот раз вперед. Подъем прекратился, и олити полетела прямо.

Как раньше, на острове, не слышно никакого звука, ни малейшего шума, который указывал бы на работу двигателя. Олити летела как бы сама по себе, вроде сказочного ковра-самолета.

Сидеть было удобно. Прозрачный футляр давал широкий кругозор. Борты машины едва достигали до пояса пассажиров, и они могли видеть кругом и внизу без всякого усилия. Почти полное отсутствие чувства тяжести нельзя было приписать одному только действию облегающего сиденья, было ясно, что вес действительно ослаблен, и это доказывало, что олити держится в воздухе силой антигравитации. Двигатель для поступательного движения безусловно существовал, но его нигде нельзя было заметить.

– Сколько времени надо, чтобы научиться управлять олити? – спросил Синяев.

– Нисколько, – ответила Бьесьи. – Садитесь на мое место и ведите машину.

– Если так, то почему же Синьг и его товарищи, летавшие на Землю, попросили изготовить для них олити старой конструкции?

Бьесьи пожала плечами.

– Спросите об этом их самих. Желание странное и малопонятное.

Широков посмотрел на Синьга, сидевшего с ним рядом во втором ряду кресел, и ему показалось, что при словах Бьесьи врач звездолета смутился. Синьг даже отвернулся, делая вид, что рассматривает что-то внизу.

«Любопытный психологический штрих, – подумал Широков. – Самое интересное, что этот своеобразный консерватизм проявился не у одного Синьга, а у всех двенадцати звездоплавателей».

Синяев также заметил смущение их старого друга и промолчал.

– Олити на острове, – сказал он, обращаясь к Бьесьи, – не имела такой педали.

– Вероятно, она принадлежала к типу автоматических, как, например, грузовые олити, которые также летают без людей по определенному маршруту. А эти предназначены для свободного полета. Так что же, сядете на мое место?

– Боюсь, – ответил Синяев. – Под моим управлением мы рискуем врезаться в землю.

– Этого не может случиться. Олити никогда не упадет.

– Сама по себе не упадет, это ясно, но если я направлю ее вниз на полной скорости?

– Она вам не подчинится. Можете ничего не опасаться. Управление чрезвычайно просто. Движение ноги вперед, назад, в стороны, вниз или вверх

– вот и вся техника управления. Маневры совершаются автоматически, без участия водителя. Только не нажимайте слишком резко вперед или назад. Получится неприятный толчок.

– Ну что ж, – решил Синяев, – попробуем. Они поменялись местами.

– Это действительно совсем просто, – сказал Синяев через минуту. – Движения, которые надо производить, настолько естественны, что ошибиться невозможно. Хочешь попробовать, Петя?

– В другой раз, – ответил Широков. – Смотри внимательней!

Сверху было хорошо видно, что Атилли имеет только одну, бесконечно длинную улицу, идущую вдоль берега океана. Все дома находились между нею и берегом. По другую сторону тянулись какие-то очень длинные, по три-четыре километра, низкие здания без окон.

– Это заводы, – объяснил Гесьянь.

На улице было много пешеходов. В этом не было ничего удивительного, – человеку полезно ходить пешком, и не могли же каллистяне все время летать.

Видя огромное количество воздушных машин – олити всех размеров и разных других, – мелькавших во всех направлениях, Широков сначала опасался, что под управлением Синяева они с кем-нибудь столкнутся, но потом успокоился. Движение над городом, казалось, подчинялось невидимому регулировщику. Машины летели на разной высоте, в зависимости от направления и скорости. Подчиняясь указаниям Бьесьи, Синяев не нарушал порядка. Воздух был словно разделен на зоны. Выше всех летели большие машины непонятной конструкции и как будто без людей, ниже была зона олити. Еще ниже, над самыми домами и деревьями, часто виднелись каллистяне на крыльях.

Широков вспомнил громадные воздушные корабли, похожие на дирижабли, которые он видел в книгах каллистян еще на Земле, и спросил, почему их не видно.

– Они вышли из употребления, – ответил Гесьянь. – Конструкторы все время работают над новыми моделями машин и сразу заменяют устаревшие.

Примерно через полчаса полета Синяев объявил, что, по его мнению, достаточно.

– Город надо осмотреть не сверху, а снизу, с земли. Где дом Диегоня?

– Мы его давно пролетели.

– Повернем назад?

– Здесь нельзя поворачивать, – сказала Бьесьи. – Надо пролететь немного дальше.

– Рядом же никого нет.

– Все равно. Какая-нибудь олити может взлететь как раз в этом месте. Существуют специальные места для поворотов.

Вскоре внизу, на самой середине улицы, показался высокий столб зеленого цвета. Такие столбы попадались и раньше.

– Вот здесь вы можете повернуть.

Синяев слегка повернул носок ноги влево. Олити послушно совершила широкий полукруг.

Машины, летевшие за ними и не собиравшиеся поворачивать, подлетая к столбу, опускались или поднимались, освобождая место.

– Ни одна олити здесь не взлетит, – сказала Бьесьи. – Я забыла вас предупредить, но вы правильно сделали поворот, налево.

– А если все-таки взлетит? – Синяев улыбнулся. – Какое наказание полагается за нарушение правил?

– Я не слышала, чтобы такой случай когда-нибудь произошел.

– Ну а все-таки? Если кто-нибудь нарушит правила?

– Я думаю, – спокойно сказал Гесьянь, – что такого случая произойти не может. А если произойдет, то человека, виновного в нем, обследуют врачи, так как он, несомненно, окажется болен.

– К чему задавать вопросы, на которые ответ заранее известен? – недовольным тоном сказал Широков по-русски.

Неизвестно, убедил ли Синяева ответ Гесьяня или он решил последовать совету своего друга, но он больше ничего не сказал, с удвоенным вниманием управляя полетом.

– Вот дом, где поселился Диегонь, – сказала Бьесьи через несколько минут.

И вдруг внутри олити раздался чей-то незнакомый голос, повторивший несколько раз подряд:

– Геогий Синев!.. Геогий Синев!

– Это что такое? – спросил Синяев. – Похоже на мое имя.

– Да, это вас вызывают, – сказал Гесьянь. – Очевидно, в этой олити установили дублирующий приемник экрана вашего дома. Чтобы вы знали, что кто-то зовет вас.

– Наш экран настроен на слово «Земля».

– Когда строили олити, об этом еще не было известно.

– Геогий Синев!..

– Могу я ответить?

– Право, не знаю, – ответил Гесьянь. – Обычно на олити этого не делают. Они часто переходят из рук в руки.

– Голос совсем незнакомый, – заметил Широков.

– Неудобно не отвечать. Может, вернемся домой?

– Мы уже рядом с домом Диегоня, Опустимся и узнаем, кто вызывает вас, – предложила Бьесьи.

– Если это можно сделать из любого дома, то конечно, – согласился Синяев.

Они оказались в этот момент прямо над террасой нужного дома. Синяев потянул педаль назад. Олити остановилась и неподвижно повисла на одном месте.

– Нажмите педаль, – сказала Бьесьи.

– Сильно или слабо?

– Безразлично. Спуск совершается всегда с одной и той же скоростью.

Как только олити коснулась каменных плит террасы, навстречу выбежала Дьеньи.

До сих пор Синяев думал, что каллистяне, независимо от пола, одеваются одинаково. Теперь он убедился, что это не так. На Дьеньи было платье белого цвета с широким бледно-зеленым поясом. Золотистые волосы девушки, более длинные, чем у мужчин, были уложены в простую и строгую прическу. В этом виде она показалась Синяеву гораздо красивее, чем в костюме астронавта.

Широков даже не заметил, во что одета Дьеньи. Он смотрел в ее лицо, испытывая нечто большее, чем радость встречи. И внезапно ему стало ясно, что все это время он скучал по ней.

«Глупо! – подумал он. – Только и не хватает влюбиться. Как будто на Каллисто нет другого дела».

Вслед за Дьеньи вышли Диегонь и его сын.

– Скорей проходите в дом, – сказал Гесьянь. – Не надо долго стоять под открытым небом.

– Рельоса же не видно.

– Все равно. Его лучи проникают под облака.

– Вы обрекаете нас на довольно скучную жизнь, – сказал Синяев. – Если так будет продолжаться, мы мало что увидим на Каллисто.

– В первые дни это необходимо. А там посмотрим. Комната, примыкавшая к террасе, была похожа на такую же комнату в их доме, но фонтанов и здесь не было. Синьг рассказал, что кто-то настойчиво вызывает Синяева.

– Сейчас узнаем, – сказал Вьег Диегонь, подходя к экрану.

– Разве вызовы регистрируются? – спросил Синяев.

– Нет, но если разговор срочен и важен, то можно через дежурный пост назначить время, когда вы сами можете связаться с тем, кто хочет вас видеть,

На экране появился центральный пост Атилли. Он был в несколько раз больше секторного, и в нем было пять дежурных. Вьег Диегонь переговорил с одним из них.

Широков и Синяев намеренно не подошли к экрану. Они не хотели задерживать разговора, что неизбежно случилось бы, если бы дежурные на посту их увидели.

Экран «погас».

– С вами хочет говорить Аинь Зивьень, – сказал Диегонь. – Он просит вас связаться с ним как можно скорее.

– Аинь Зивьень! – воскликнула Бьесьи. – Как странно?

– Кто это? – спросил Синяев.

– Очень большой ученый. Он руководит всеми работами по изучению гравитации и антигравитации. Зачем вы ему понадобились?

– Может быть, как астроном? – предположил Широков.

– Астрономия на Каллисто, во всяком случае, не хуже развита, чем у нас, – возразил Синяев, – К чему гадать! – Он подошел к экрану и, нажав нужную кнопку, отчетливо произнес: – Аинь Зивьень!

Экран сразу «исчез». Открылась небольшая, просто обставленная комната со множеством прозрачных, почти невидимых шкафов, заполненных книгами.

Перед экраном стоял пожилой каллистянин, одетый в обычную полупрозрачную одежду из белого материала.

– Геогий Синев? – спросил он и выжидательно замолчал.

– Это я.

– Извините, что беспокою вас. Дело большой важности требует вашего присутствия. Оно важно не столько нам, сколько вам обоим и вашей планете. Откладывать нельзя, так как не исключена возможность, что вам придется покинуть Каллисто и вернуться на Сетито.

– Это еще почему? – невольно вырвалось у Синяева. Зивьень улыбнулся.

– Я думаю, вам самим ясно почему. Если же нет, спросите Гесьянь. Он рядом с вами.

Или вашего товарища, он врач.

- Я не думаю, чтобы это стало необходимо.
 - Тем лучше. Но дело настолько важно, что мы не хотим рисковать.
 - Во всяком случае, я к вашим услугам, – сказал Синяев.
 - Прошу вас прибыть в секцию теси гравииоинститута.
 - Когда?
 - Чем скорее, тем лучше.
 - Я готов хоть сейчас.
 - Совсем хорошо. Какой это дом?
 - Атилли, второй сектор, 8843, – ответил Диегонь.
 - Ждите здесь. Через полчаса за вами прилетит олити.
 - Против этого я возражаю, – сказал Гесьянь. – Наш гость не может пока пользоваться обычными олити. Только своей.
 - Как же быть?
 - Разрешите мне доставить его к вам, – предложила Бьесьи. – Я знаю, где находится гравииоинститут.
 - Прекрасно.
 - Долго вы меня удержите? – спросил Синяев.
 - Дня два.
 - Прибыть мне одному или с моим другом?
 - Мы будем рады видеть его, но нам нужны только вы, – с обычной для каллистян прямотой ответил Зивьень.
- Синяев не спросил, для чего он нужен институту. Было ясно, что вопрос очень серьезен и неудобно говорить по экрану.
- Мы вас ждем, – сказал Зивьень. Экран «погас», то есть опять стал видим.
 - Ты полетишь со мной? – спросил Синяев.
 - Пожалуй, не следует, – ответил Широков. – Отправляйся один.
 - Как же ты будешь обходиться без нашей олити?
 - Петя останется здесь, – сказал Диегонь. – Он будет нашим гостем. Мы постараемся, чтобы он не скучал.

ГЛАВА 3.

ВСПЫШКИ НА НЕБЕ

В жизни Николая Николаевича Козловского после отлета корабля Каллисто произошли большие изменения. Каллистяне, не подозревая этого, круто повернули его судьбу самым непредвиденным образом.

По инициативе Академии наук СССР был создан Международный комитет по изучению и практическому освоению огромного количества научных и технических материалов, оставленных на Земле каллистянами. В него вошли крупнейшие ученые двадцати трех стран, в том числе все члены бывшей экспедиции Куприянова,

На первом организационном заседании нового комитета по предложению академика Неверова, единогласно поддержанному всеми, Козловский был выбран председателем.

– Но, дорогие товарищи, – сказал Николай Николаевич, ошеломленный этим выбором (он присутствовал на заседании в качестве гостя), – я не ученый, а партийный работник. Как я могу руководить таким комитетом?

– Нужен человек, который сумел бы объединить нас всех в сплоченный коллектив, – ответил ему Неверов. – Вы именно такой человек и есть. Вас знают и уважают все члены комитета. Не отказывайтесь. Отто Юльевич Шмидт не был полярником, но под его

руководством советские полярники одержали ряд блестящих побед в Арктике.

Слова попросил секретарь Центрального Комитета КПСС, присутствовавший на заседании.

– Я одобряю ваш выбор, – сказал он коротко.

Козловскому пришлось сдаться.

И вот прошло свыше одиннадцати лет. Сравнительно небольшой комитет превратился в огромный научный институт, подлинно международный. В нем работали ученые самых различных специальностей – медики и астронавты, биологи и математики, химики и инженеры-конструкторы, астрономы и... языковеды. В его стенах звучали языки всех стран мира.

Ушел с поста вице-председателя профессор Куприянов, возглавивший медицинскую секцию, ушли многие из тех, кто начал работу в комитете; на их место приходили новые люди, расширялись рамки работы, совсем иные проблемы вставали в повестку дня института, а Козловский неизменно оставался на посту директора. Его авторитет во всем, что касалось предстоящих связей с Каллисто, был непререкаем во всем научном мире.

Человечество Земли готовилось ответить каллистянам на их визит.

Еще до прилета гостей с Каллисто были запущены первые искусственные спутники Земли, велась работа по осуществлению давнишней мечты – межпланетных полетов. Изучение каллистянских материалов ускорило работу ученых и инженеров. Естественно и закономерно все силы, работающие в области космонавтики, влились в институт, возглавляемый Козловским.

Уже через пять лет после старта каллистянского звездолета первый космический корабль посетил Луну. Автоматические ракеты без людей готовились к запуску на Венеру и Марс. Создание большого звездолета для полета на Каллисто было не за горами.

Имена двух отважных людей, улетевших с каллистянами на их родину, не сходили со страниц мировой печати. Широков и Синяев побили все рекорды продолжительности вызванной ими сенсации.

В мае 19.. года, ровно через одиннадцать лет после отлета, их портреты появились на первых страницах всех газет и журналов с волнующим заголовком:

«ГЕРОИ ЗЕМЛИ СТУПИЛИ НА КАЛЛИСТО!»

Никто не мог знать, что в это время они находились на другой планете системы Рельоса – Сириуса.

Герои Земли!

Это не было звонким эпитетом, придуманным журналистами.

Звание «Герой Земли» действительно принадлежало им.

Советское правительство заочно наградило обоих ученых Золотой Звездой Героя. Этого все ждали, и это никого не удивило. Но Академии наук, общественные организации и печать всех стран выразили неудовольствие.

Почему «Герои Советского Союза»? Разве Широков и Синяев представляют на Каллисто только СССР?

Профессор Матиссен первый произнес слова «Герой Земли».

И вот на специально созванной конференции было учреждено новое, первое в истории человечества международное звание. Оно должно было присуждаться тем, кто в интересах всего человечества будет одерживать победы над космосом.

В гоме аплодисментов делегатов, многочисленных гостей и корреспондентов потонуло чтение указа конференции о присуждении звания «Герой Земли» Петру Аркадьевичу Широкову и Георгию Николаевичу Синяеву – первым людям, покинувшим Землю для установления связи с далеким миром.

Если бы они могли узнать об этом! Какой радостью и законной гордостью наполнились

бы их сердца!

Но только через двадцать пять лет могли они узнать о высокой чести, которой удостоило их человечество.

Прошло одиннадцать лет. До возвращения героев осталось четырнадцать.

– Огромный срок для человека моего возраста, – сказал Куприянов. – Мне никак не дожить до их прилета. А как бы хотелось!

– Это зависит прежде всего от самого тебя, – ответил Козловский. – Тебе поручено сохранить жизнь всех, кого хотят увидеть Петр и Георгий. Исполняй же это поручение не только по отношению к другим, но и к самому себе. В том, что Широков очень хочет тебя увидеть, сомневаться не приходится.

Куприянов посмотрел на портрет Широкова, который вместе с портретами Синяева и покойного Штерна украшал стены служебного кабинета Козловского, и вздохнул.

– Легко сказать!

– И сделать. В крайнем случае последуй примеру Зинаиды Александровны Синяевой,

– Это еще, пожалуй, рано.

– Вот видишь! Что же ты брюзжишь? Куприянов засмеялся.

– Очень уж сильно желание увидеть Петю и узнать, что такое Каллисто. А брюзжание – привилегия старости.

– Работай! – пожав плечами, сказал Козловский. Поручение, о котором говорил бывший секретарь Курского обкома партии, существовало совершенно официально. На одном из заседаний «каллистьянского комитета» возник вопрос о подготовке встречи звездолета, когда он вторично прилетит на Землю. Этот вопрос был поднят профессором Лебедевым несколько преждевременно, но Куприянов, воспользовавшись случаем, высказал давно мучившую его мысль, что к моменту возвращения Широкова и Синяева большинство их друзей и близких уйдут из жизни.

– Что же мы можем сделать? – спросил его академик Неверов.

– Воспользоваться теми познаниями, которые мы почерпнем из каллистьянских медицинских книг. Известно, что каллистьяне умеют приостанавливать деятельность организма, вызывать искусственную летаргию на неопределенное время. Синьг говорил, что таким способом можно сохранить жизнь человека на долгий срок. Правда, это не дает продления жизни, а только создает перерыв. У них самих такой перерыв почти не применяется.

– Но мы-то этого не умеем?

– Скоро будем уметь.

– Вполне понятно, что каллистьяне не хотят этого «перерыва», как вы его называете, – заметил один из членов комитета. – Ничего привлекательного в нем нет.

– Для людей, близких Широкову и Синяеву, это выход, – возразил Куприянов.

– Значит, вы предлагаете усыпить, выключить из жизни на двадцать пять лет...

– Нет, – перебил Козловский. – Я понимаю мысль Михаила Михайловича так: надо взять здоровье определенного круга лиц под контроль нашего комитета и только в крайнем случае воспользоваться каллистьянским рецептом.

– Совершенно верно, – подтвердил Куприянов.

Предложение встретило единодушную поддержку. Тут же была создана Комиссия жизни близких и руководство ею поручено самому Куприянову.

С тех пор прошло девять лет. Все намеченные «к сохранению во что бы то ни стало» находились под неусыпным наблюдением. Все были живы, за исключением Николая Емельяновича Синяева, который скоропостижно скончался от паралича сердца.

Год назад создалась угроза смерти матери Синяева. Старушка была очень плоха, и казалось, ничто уже не спасет ее – самого близкого Синяеву человека. Но к этому времени медицинские средства каллистьян были уже основательно изучены, хотя и не проверены еще на практике. Куприянов предложил единственный выход – усыпить Синяеву по способу, применяемому на Каллисто.

Зинаида Александровна с радостью согласилась. Ей страстно хотелось увидеть сына.

Врачи пунктуально выполнили все указания неизвестного им автора каллистьянской медицинской книги. Наука далекой Каллисто спасла жизнь матери своего гостя.

Странные вещи происходили с телом старой Женщины, лежавшей в «мертвом сне». Оно заметно молодедело: разглаживались морщины, темнели волосы, кожа приобретала блеск.

Прошло около года, и Зинаиду Александровну Синяеву стало трудно узнать. Семидесятилетняя женщина как будто превратилась в сорокалетнюю. Под стеклянным колпаком, вокруг которого тесно стояли необычайного вида аппараты, лежала без признаков жизни, но несомненно живая, далеко не старая женщина. Ее дети – сестра и братья Синяева – едва узнавали свою мать. Такой она была в годы их раннего детства.

Было совершенно ясно, что Георгий Николаевич, вернувшись на Землю, встретит мать более «молодой», чем оставил.

Совсем недавно опыт был повторен. Стареющий академик Лебедев также захотел испытать на себе действие омолаживающего сна. И снова все вышло так, как нужно. Рецепты каллистьян действовали безотказно.

Новый способ «омоложения» вызвал глубокое волнение среди ученых всего мира. Каллистьяне сами указывали, что «летаргия» не оказывает влияния на общий срок сознательной жизни человека" перерыв на нем не сказывается. Но было ясно, что именно здесь надо искать полное решение проблемы – дать человеку вторую молодость. Открывались грандиозные перспективы.

Куприянов и его ближайшие ученики и сотрудники целиком отдались изучению новой отрасли медицины. Но материалы, оставленные каллистьянами, были не полными. Многие в механизме летаргии оставались неясным. И, как ни сильно было желание подарить человечеству мощное средство борьбы со старостью, приходилось ждать вторичного прилета корабля каллистьян.

– Через четырнадцать лет, – говорил Куприянов, – мы получим настоящего руководителя в нашей работе – Петра Аркадьевича Широкова. За три года пребывания на Каллисто он хорошо изучит каллистьянскую медицину и, кроме того, привезет с собой все, чего нам не хватает сейчас.

Ожидание вторичного посещения Земли каллистьянами стало еще нетерпеливее, чем раньше.

Если бы можно было спросить каллистьян и тут же получить ответ. Увы! Это было совершенно невозможно!

Что может быть быстрее света? 300 000 километров пролетает он в каждую секунду. Но и свету нужно более восьми лет, чтобы преодолеть исполинское расстояние между Землей и Каллисто. Семнадцать лет в оба конца! Тяжелый разговор получился бы при таких условиях!

– Жаль, конечно, – говорили ученые, – но тут ничто нам не поможет.

И вдруг случилось!..

Невероятное! Невозможное? «Противоестественное»!..

12 сентября 19... года (золотыми буквами вошла эта дата в историю человечества) в Восточной Сибири и над территорией Северного Китая были замечены странные вспышки, точно маленькие взрывы, высоко в верхних слоях атмосферы.

День за днем (по счастью, стояла безоблачная погода) они появлялись с поразительной точностью, в один и тот же час.

Двадцать девять вспышек, пятнадцатиминутный перерыв, снова двадцать девять вспышек, опять перерыв – и еще раз.

Каждый день.

Непонятным явлением в атмосфере занялись метеорологи. Точно определили, на какой высоте появляются вспышки: оказалось, что на высоте ста тридцати километров над поверхностью Земли, то есть приблизительно у верхней границы слоя Хевисайда.

Регулярность и математическая правильность вспышек не давали возможности считать их природным явлением.

Что же это такое?..

16 сентября мир узнал сенсационную новость.

Тайна раскрылась. Вернее было сказать, что она стала еще более непонятной, но самое главное: что означают вспышки – перестало быть загадкой.

Люди узнали, кто производил их на небе!

Но как – это по-прежнему было тайной. К этому времени загадочными явлениями на небе восточной части азиатского материка заинтересовались во всех странах. Десятки предположений делались учеными и не учеными.

Было несомненно только одно – вспышки имеют внеземное происхождение.

Тайну удалось раскрыть скромному телеграфисту станции Албазин, расположенной на самой границе Китая и СССР, Николаю Семеновичу Кабанову. Он первый обратил внимание, что вспышки не одинаковы: одни были короче, другие длиннее. Как только мелькнула у Кабанова мысль о сходстве вспышек с азбукой Морзе, он без труда понял их смысл,

Высоко в ионосфере Земли каждый день в одно и то же время трижды повторялось два слова: «ПЕТР ШИРОКОВ».

Словно бомба взорвалась над человечеством!

Вспышки производились с Каллисто!

Непонятным способом каллистяне посылали на Землю сигналы. Это стало несомненно. Азбуку Морзе они узнали от Синяева и Широкова, это тоже было несомненно. Выбранные ими два слова – всем известные имя и фамилия – должны были показать, откуда идут сигналы. Их регулярное, ежедневное повторение означало, что каллистяне опасались, что люди не сразу заметят и не сразу поймут смысл увиденного на небе.

И еще это означало, что вспышки посланы с Каллисто не раньше как четыре месяца тому назад. Звездолет только в мае этого года мог закончить свой рейс.

Опять возник прежний вопрос: что же это такое? Что могло пройти от Каллисто до Земли в двести пятьдесят раз быстрее луча света?

"Петр Широкова! Это, безусловно, было только вступлением. Когда, по расчетам каллистян, люди увидят и поймут, что сигналы идут с Каллисто, последуют другие сообщения. Их нельзя было упустить.

Козловский действовал быстро. Как только было получено известие о расшифровке вспышек, как только отпали сомнения в их каллистянском происхождении, экспедиция института вылетела в Восточную Сибирь.

Надо было учесть возможность изменения погоды, появления облачности. В распоряжение Козловского было предоставлено три высотных самолета. Местом наблюдения выбрали город Хабаровск, где вспышки были хорошо видны.

Кроме самого Козловского, в экспедиции участвовали: Куприянов, Аверин, Смирнов, Ляо Сен, Лежнев, Матиссен и четыре опытных оператора, виртуозно владевших приемом сигналов по азбуке Морзе.

На десятый день после первого появления вспышки изменились. Теперь они передавали имя и фамилию Широкова латинским алфавитом. Еще через десять дней снова изменение – каллистяне перешли на английское правописание.

– Совершенно ясно и логично, – сказал Куприянов. – Они не могли направить сигналы с абсолютной точностью. В каком месте их увидят, там не знают.

– Редкостное терпение, – заметил Аверин. – Целый месяц они передают одно и то же,

– И это понятно, – ответил Козловский. – Каллистяне собираются передать что-то очень важное. Дают нам время подготовиться к приему. Но я думаю, что месяц – это крайний срок. Со дня на день надо ждать основного текста.

– Следует еще учитывать, что Широкову и Синяеву нужно время, для того чтобы перевести, быть может, сложный текст сообщения на русский язык, а возможно, и на латинский и на английский. Да еще потом на азбуку Морзе. Это не так просто, – прибавил Куприянов.

Предсказание Козловского сбылось – 12 октября, ровно через месяц, началась передача самого необычайного текста, который когда-либо принимался земными телеграфистами.

Каждый день, какая бы ни была погода, взлетали с Хабаровского аэродрома три самолета и, поднявшись выше любой возможной облачности, четыре часа летали по кругу над городом.

Каждый день четыре оператора записывали передачу, производившуюся в быстром темпе.

Широков и Синяев точно предусмотрели, что именно предпримут на Земле для приема сообщения. Не будь на борту самолетов виртуозов телеграфного дела, сигналы с Каллисто невозможно было бы записать, настолько быстро следовали они один за другим. Быстро и в то же время крайне медленно. Каждая фраза повторялась по три раза, на трех языках. В день удавалось принять две, три страницы блокнота. А на следующий день повторялась вчерашняя передача. Но и ее тщательно записывали.

Поражала четкость передачи. Ни одного пропуска, ни одной неясной буквы. Короткие и длинные вспышки чередовались с математической точностью. Словно не восемьдесят триллионов километров, а совсем небольшое расстояние отделяло операторов Каллисто от операторов Земли. Цель передачи выяснилась в первый же день.

«Достигли Каллисто пятнадцатого сентября 19... года, по земному календарю, – гласило принятое сообщение. – Оба здоровы. Горячий привет всем, всем! Принимайте описание способа передачи и устройства нужного для нее аппарата. Широков. Синяев».

Трудно даже представить себе, какое впечатление произвело появление этой телеграммы на страницах газет! Способ передачи! Устройство аппарата для нее! Это означало, что Земля получит возможность говорить с Каллисто, не ожидая ответа семнадцать лет!

То, что совсем недавно казалось абсолютно невозможным, стало реальностью.

Но разве это не общая судьба всего, что люди считают невозможным, забывая, что не все законы природы им известны!

Вернувшись в Хабаровск после приема первого сообщения, Козловский собрал совещание.

– Широков и Синяев достигли Каллисто в сентябре, – сказал собравшимся профессор Смирнов. – Это означает, что передача началась сразу после их прилета, двенадцатого сентября, тогда же, когда сигналы были впервые замечены. Получается, что они проходят путь от Каллисто до Земли практически мгновенно, а не за четыре месяца, как мы думали. Принцип, на котором они основаны, не может быть колебаниями вроде света или радиоволн. Тут что-то новое. Скорей всего это относится к области гравитации. Необходимо вызвать сюда физиков, работающих над проблемами гравитационных полей.

– Это мы сделаем, – сказал Козловский. – Я сегодня отдам распоряжение, а завтра наши сотрудники физической секции будут здесь. Но почему сигналы появились двенадцатого, а Широков и Синяев сообщают, что прибыли на Каллисто пятнадцатого?

– Скорей всего, просто ошибка, – ответил Куприянов. – За несколько лет полета ошибиться на несколько дней, учитывая специфику межпланетного рейса, – ничего удивительного.

День за днем, неделя за неделей поднимались в воздух самолеты экспедиции. Заполнялись толстые тетради стенографической записью.

Поразительное открытие каллистянской науки постепенно прояснялось для ученых Земли.

А когда закончилась передача и последнее слово «ждем» было записано, началась трудная и спешная работа. Затаив дыхание следил за ней мир. Осуществлялась прямая мгновенная телеграфная связь между двумя планетами, находящимися на невообразимо огромном расстоянии друг от друга.

Удастся ли технике Земли справиться с невероятными трудностями этой грандиозной задачи?

Каллистяне сообщили все, что было необходимо для успеха. Дело за инженерами и астрономами.

– Мы добьемся цели во что бы то ни стало, – заявил в печати директор Института Каллисто Козловский. – Не позже как через три месяца наше сообщение будет отправлено. И тогда начнется постоянное, ежедневное общение с каллистянами.

– Вот теперь, – сказал Куприянов, – я окончательно отказываюсь последовать примеру Синяевой и Лебедева.

– Как знать, – ответил Николай Николаевич. – Может быть, придется все-таки. И не только тебе, но и мне самому. Я думаю, что Широков и Синяев будут рады меня увидеть.

ТЕСИ-ЛУЧ

Синяев вернулся только на следующий день к вечеру. Все время его отсутствия Широков провел в семье Диегоней. Возвращаться одному в огромную пустую квартиру ему не хотелось. Только теперь Петр Аркадьевич понял, чем стал для него земной товарищ. С ужасом вспоминал он свое намерение лететь на Каллисто без спутника, без друга, который делил бы с ним все – мысли, чувства, растущую тоску по родине.

За годы полета они слились в одно существо, понимали друг друга без слов. Для каждого из них самый факт постоянного присутствия другого был огромным облегчением. Здесь, на Каллисто, все – солнце, природа, люди, самый воздух, которым они дышали, – было чужим. Никогда ни один человек не отрывался от родины так безнадежно далеко. Но понадобилось временное отсутствие Синяева, чтобы Широков понял, как трудно ему без близкого человека.

«Вы получите товарища, с которым легче будет переносить долгую разлуку с Землей. Что ни говорите, а это нелегко. Вдвоем будет легче», – как часто вспоминал он в эти два дня вещи слова Штерна! Старый ученый лучше его понимал тяжесть взятой им на себя задачи. И как глубоко он был прав!

Диегонь, его сын и Дьеньи окружали Широкова чисто родственным вниманием. Оно не бросалось в глаза, но проявлялось в каждой мелочи. Все, что было нужно Широкову, появлялось как бы само собой. Каллистяне безошибочно угадывали малейшие оттенки его настроения. Их изощренная чуткость, развитая веками жизни истинно человеческого общества, предстала перед Широковым с особой рельефностью.

Он любил эту семью, она была ему близка и приятна, но видеть других каллистян почему-то не хотелось. И это непонятное даже ему самому психическое состояние было непостижимым образом угадано. В эти два дня никто не посетил дом Диегоня. Гесьянь и Синьг сразу после отлета Синяева куда-то исчезли и не появлялись. Широков знал, что они с радостью вернутся, если он позовет их, но ему не хотелось делать этого. Он был благодарен за предоставленное ему одиночество. Диегони ему не мешали.

Временами Широков начинал сердиться на своего друга. Неужели он так занят, что не может найти время связаться по экрану хотя бы для того, чтобы сообщить, когда думает вернуться? Или он не испытывает тех же чувств, что Широков? Не скучает о нем и вообще забыл о его существовании?

В одну из таких минут он пошел к Рьигу Диегону.

– Ваш друг, – сказал бывший командир звездолета, – безусловно, очень занят. Вызов Зивьенья означает, что дело идет о чем-то важном, очень важном. Почему вы не отправились с ним?

– Потому, что Зивьень не выразил этого желания, – ответил Широков, повторяя часто слышанную от самих каллистян фразу.

– Вы скучаете с нами?

– Нет. Но...

– Я понимаю. – Диегонь ласково провел пальцами по лбу и волосам Широкова. – Это

реакция. Слишком много впечатлений получили вы за последние дни. Ваш организм, я имею в виду нервную систему, бессознательно стремится к отдыху. Хотите, мы погрузим вас в сон, пока Георгий не вернется?

– Нет, не надо. К этому средству, возможно, придется прибегнуть нам обоим, но не сейчас. Почему не видно вашей жены и остальных детей? – спросил он, желая переменить тему разговора. – Я помню, вы говорили, что их шестеро.

– Я с ними виделся, – ответил Диегонь. – А сюда они не являются по той же причине, по которой никто не приходит, пока вы не попросите об этом.

– Но, однако, ваш сын Вьег...

– Вы правы. Но мы думали, что отец Дьеньи для вас является исключением.

Широков почувствовал, что краснеет. Этого еще не доставало! Неужели Диегонь намекает на то чувство, которое с каждым днем все сильнее сознавал в себе Широков? Он старался подавить его, но оно становилось все более властным, может быть именно потому, что он с ним боролся. Но как иначе можно было понять эти слова?..

Широков молчал, не зная, что ответить. Диегонь пришел ему на помощь.

– Вы долгое время провели с моей внучкой. Вы привыкли к ней почти как к нам. Мы думали, что вы и Георгий полюбили ее. Разве мы ошиблись?

Широкову показалось, что Диегонь намеренно подчеркнул слова «вы и Георгий».

– О нет! – ответил он. – Вы не ошиблись. Вы не могли ошибиться. Разве можно не полюбить Дьеньи?

Диегонь улыбнулся. Но почти тотчас же с его лица исчезла улыбка. Тихо, будто сам себе, он сказал:

– Человек Земли и человек Каллисто. Внешне много общего. Но внутреннее строение...

Широков покинул его в полном замешательстве. Не оставалось и тени сомнения: Диегонь обо всем догадался. Он думает о возможном браке (Широков вздрогнул при этом слове) своей внучки и его – человека Земли. И он думает об этом как ученый, рассматривая вопрос как научную физиологическую проблему.

«Но почему же, – думал Широков, – такая мысль пришла ему в голову? Разве могла она возникнуть, если бы сама Дьеньи не подавала повода к этому?»

Но он ни в чем не мог найти подтверждения. Дьеньи относилась к нему и Синяеву совершенно одинаково. Но ведь тогда, на Кетьо, она поцеловала его руку!..

Слова Диегоня окончательно открыли глаза Широкову. Да, он любит Дьеньи. За что? Кто и когда мог ответить на такой вопрос! Просто за то, что она Дьеньи, – как ему казалось, лучшая девушка во Вселенной.

Этот разговор, одновременно приятный и неприятный для Широкова, произошел вечером первого дня отсутствия Синяева.

Петр Аркадьевич плохо спал ночь. Он думал о своей первой любви там, на Земле, и сравнивал оба чувства – тогдашнее и теперешнее.

За что он полюбил Лену? Говорят, что нужны общие вкусы, интересы, стремления. Было это у них с Леной? Нет, пожалуй, не было. А любовь была. У него и Дьеньи, безусловно, есть одно общее – стремление к другим мирам. На Кетьо она рассказывала ему о своей жизни, о мечтах увидеть человека с другой планеты. Теперь она мечтала увидеть Землю.

Не это ли послужило первым толчком? Нет! Он теперь ясно видел, что полюбил ее, как только встретил в первый раз, на Сетито.

Отчего возникает это мощное чувство – двигатель Жизни? Вечная, но до конца так и не разгаданная тайна природы!

Широков уже не был юношей. Он покинул родину в возрасте двадцати семи лет. По времени, протекшем на Земле, ему сейчас должно быть тридцать восемь. Но законы субсветовых скоростей «омолодили» его почти на восемь лет. Он был тридцатилетним мужчиной.

«Не слишком ли велика разница? – думал Широков. – Дьеньи, по нашему земному

счету, не больше девятнадцати, максимум двадцать. И что имел в виду Диегонь, говоря о разнице внутреннего строения? Каллистяне понимают брак только как средство продления жизни на планете. Очевидно, это он и имел в виду».

В конце концов, он окончательно запутался в своих мыслях и сомнениях. Засыпая, он решил завтра же поговорить с Диегоном прямо и откровенно. Простая мысль, что гораздо лучше поговорить с самой Дьеньи, почему-то не пришла ему в голову.

Но весь следующий день он так и не исполнил этого намерения. Причина, разумеется, нашлась сама собой:

«Может быть, все это – плод моего воображения? Какими глазами посмотрит на меня Диегонь, если я ни с того ни с сего поднесу ему такую несуразную новость?»

И до самого вечера, когда Синяев, наконец, вернулся, Широков старательно избегал общества Дьеньи, на этот раз притворяясь, что ищет одиночества. Он боялся встретить испытующий взгляд Диегона или его сына. С еще большим нетерпением он ожидал Синяева, чтобы с ним вместе уйти из этого дома, пребывание в котором стало так сложно.

Синяев прилетел, когда все сидели за ужином. С ним были Бьесьи и Аинь Зивьень.

Георгий Николаевич вошел в комнату с радостным, взволнованным лицом и бросился на шею Широкову. Он так крепко обнял его, что Петр Аркадьевич сразу понял, что и на этот раз их мысли и чувства были одинаковы.

– Что я узнал! – сказал Синяев по-русски. – Мы скоро будем говорить с Землей.

– Как говорить?

– По телеграфу.

Широков подумал, что его друг сошел с ума.

– По какому телеграфу? Подумай, что ты говоришь? Разве это возможно?

– В том-то и дело, что возможно. – Синяев радостно засмеялся. – Не веришь? Спроси Зивьеня. – Он повернулся к каллистянам и продолжал уже на их языке: – Мой друг мне не верит. Подтвердите ему, что я говорю чистую правду.

Зивьень посмотрел на Широкова и очень серьезно сказал:

– Если разговор идет о связи с Землей, то Синяев говорит правильно. С его помощью мы убедились, что можем осуществить задуманное. По счастью, как для нас, так и для вас он опытный астроном. Будь с вами человек другой специальности, ничего бы не получилось. Но для успеха нужна большая работа. Готовы ли вы к ней?

– Если дело идет о связи с Землей, на которую не потребуются долгие годы...

– Ни одной минуты, – вставил Синяев.

– ... то, разумеется, я готов на все для ее осуществления.

– Ты знаком с азбукой Морзе? – спросил Синяев.

– Не имею о ней ни малейшего представления.

– Мы так и думали. Но в какой-нибудь из книг, взятых нами с Земли, она должна найтись. Иначе все пойдет прахом.

– Объясни же, наконец, в чем дело. Что ты меня мучаешь? – взмолился Широков.

– Легко сказать! Я сам с трудом и далеко не все понял. Но это долгий разговор. Вернемся домой.

Широков привык читать мысли Синяева. Он понял, что Георгий почему-то не хочет говорить при каллистянах.

– Вернемся, – сказал он, вставая.

Как всегда, никто не пытался уговорить их остаться, раз они выразили желание уйти.

– Разрешите мне завтра утром посетить вас, – попросил Зивьень. – Надо обо всем договориться подробно.

– Ну разумеется, – ответил Синяев. – Может быть, вы переночуете у нас? – с легкой запинкой, которую заметил один Широков, прибавил он.

– Нет, я останусь здесь. Расскажу обо всем Диегону.

– Вы давно знакомы? – спросил Широков, желая выяснить, в каких отношениях находится Зивьень с семьей его старого друга. Он видел, что они поздоровались так, как

будто виделись еще вчера.

– Я знаю Диегона, – ответил Зивьень, – так же, как знают его все каллистяне. Но мы увиделись впервые. Вьег Диегонь вызвался проводить их.

– Будем очень благодарны, – ответил Широков. – Я сам хотел попросить об этом.

Прощавшись, они вышли на террасу. Бьесьи села в олиту Диегона и улетела домой. Вьег Диегонь должен был вернуться на олиту Синьга, которая так и осталась на террасе дома Широкова и Синяева.

Уже стемнело, и деревья сада потеряли свою яркую окраску. Небо по-прежнему было затянуто облаками; погода не менялась в эти дни. Каллистяне продолжали охранять своих гостей от прямых лучей Рельоса. Искусственная облачность была достаточно плотна, но дождя не было.

– В Атилли дождь не нужен, – как-то ответил Диегонь на вопрос Широкова. – Атмосферная влага направляется для поливки полей и лесов.

Олиту под управлением Вьега Диегона быстро доставила их домой. Каллистянин спросил, не нужно ли что-нибудь людям, и, получив отрицательный ответ, попрощался и улетел обратно.

– Ну, наконец-то! – облегченно вздохнул Синяев. – Я устал в их обществе.

– Я тоже, – наполовину искренне сказал Широков. Как только покинули дом Диегона, образ Дьеньи снова заполнил его сознание. «Что за наваждение!» – подумал он.

Комната осветилась, как только они вошли в нее. Свет загорелся не сразу, а постепенно, не ослепляя внезапной вспышкой. Но его источника нигде нельзя было заметить.

– А как его потушить? – спросил Синяев.

– Есть специальные кнопки. Ты будешь ужинать?

– Нет. Они меня закармлили в эти два дня. Носились со мной, как с писаной торбой.

– Где ты был?

– В секции теси. Ты же знаешь. А жил у Зивьеня.

– Ну, рассказывай!

– Я бы очень хотел сначала выкупаться в бассейне.

– Ты что, нарочно испытываешь мое терпение? – засмеялся Широков. – Ну, хорошо, идем!

После купания они устроились на одном из диванов большого зала.

– С чего начать? – спросил Синяев.

– С начала, – пошутил Широков. – Это действительно правда, что мы сможем говорить с Землей? Мне все еще как-то не верится.

– Ах, Петя! – сказал Синяев. – Это так прекрасно, так радостно! Подумай! Мы скоро узнаем, что делается на Земле, узнаем, как живут наши родные, друзья. Все!

– Говори скорее!

– погоди, это не так просто. Я не хотел говорить при Диегоне, так как смогу только по-русски. Старик довольно хорошо понимает. Если бы ты знал, как мне надоело чувствовать себя дураком перед ними!

– Ну зачем же так! Они более развиты, но разница не так уж велика.

– В эти два дня я был форменным дураком. Так и не понял, в чем тут основа. Но я откровенно сказал им об этом и заверил, что на Земле разберутся. Как ты думаешь?

– Ты забываешь, что я еще ничего не знаю, – улыбнулся Широков. – Но на Земле, конечно, разберутся в чем угодно.

– Ты видел олиту на острове?

– Ну конечно!

– Каллистяне раскрыли тайну тяготения. И не только раскрыли, но научились управлять этой силой. Олиту, звездолет Гесьяня – они держатся в воздухе потому, что между ними и землей ослаблены нити тяготения. Эти нити можно усиливать или ослаблять по желанию. Не чудесно ли?

– Чудесно. Но рассказывай суть.

– Слушай лекцию. Правда, сам лектор плохо знает то, о чем говорит.

– Хватит предисловий. Что с тобой сегодня?

– Сам не знаю. Я потрясен всем, что слышал и видел. – Синяев потер виски. – Итак, каллистяне определяют силу тяготения словом «нить». Нити тяготения пронизывают всю Вселенную. Они существуют между всеми телами, но с расстоянием ослабевают. Между Землей и Каллисто они также есть. Подчеркиваю, не только между Рельосом и Солнцем, но и между Землей и Каллисто. Обе планеты очень слабо, но тяготеют друг к другу. Между ними постоянно натянутые нити.

– Теси? – догадался Широков.

– Не совсем, но в общем верно. Но теси – это не сама нить, а только ее составляющая часть, частица ядра атома. Ядра пульсируют, выделяя теси, которые мгновенно пронизывают всю Вселенную и, встретившись с другими, исходящими от другого тела, сцепляются с ними, образуя нить. Так возникает гравитационное поле. Тут, насколько я понял, действует закон противоположности знаков. Я уже сказал, что плохо понял их объяснения.

– Достаточно, – сказал Широков. – Больше нам и не нужно. Мы с тобой не физики. Выходит, что теси летят быстрее света?

– Нет, тут совсем другое. Представь себе очень длинную веревку, легкую и идеально прочную. Если дернуть за ее конец, то рывок мгновенно ощутится на другом конце, как бы ни была веревка длинна. Или так: цепочка людей стоит в затылок друг другу. Раздается команда – и вся цепь одновременно делает шаг вперед. При любой длине цепи передний и задний продвинутся в один и тот же момент. Как хочешь, – прибавил Синяев, разводя руками, – яснее объяснить не могу. В этом вопросе разбираются очень немногие каллистяне.

– Я смутно понимаю, – сказал Широков, и оба рассмеялись.

– В том-то и беда, что мы смутно понимаем. Но на Земле поймут яснее. Факт тот, что теси связывают тела Вселенной нитями тяготения, как бы там это ни происходило. И вот существует нить, вернее – бесчисленное количество нитей, между Землей и Каллисто. А каллистяне могут усилить или ослабить эти нити. Могут как бы дернуть за веревку или дать команду по цепи.

– Кажется, я догадываюсь, – сказал Широков.

– Пусть тебе не кажется. Мне тоже показалось. Слушай дальше. Теперь начинается самое трудное. Я спросил их: если вы можете произвольно ослаблять нити тяготения, то, значит, возможно совсем уничтожить тяготение между Землей и Каллисто? Зивьень ответил, что нет. Теоретически это возможно, но практически нет. Для этого понадобилось бы столько энергии, сколько ее заключается в массе, во много миллионов раз большей, чем масса Рельоса. Управлять силой тяготения можно только в небольших масштабах. Относительно, конечно. В нашем случае во власти каллистян только узкий, почти нереальный пучок нитей между Землей и Каллисто. Тончайший теси-луч. Но его можно использовать в качестве провода.

– Ничего не понимаю.

– Вот видишь! А говоришь – «догадываюсь». Как у всех частиц атома, у теси есть противоположно заряженная частица – антители. Соприкосновение теси и антители вызывает аннигиляцию. Теперь представь себе, что мы посылаем в пространство два луча – луч теси и луч антители – под углом друг к другу. В каком-то месте они встретятся. И сразу произойдет аннигиляция – вспышка света. Можно рассчитать так, что эта вспышка произойдет возле Земли, в ее атмосфере.

– Постой! Прежде чем достигнуть Земли, антилуч должен пройти огромное расстояние. Он сразу столкнется с прямыми частицами. И аннигиляция возникнет...

– Совершенно верно, – перебил Синяев. – Я сразу спросил об этом. Оказывается, не произойдет ничего подобного. Теси-лучи нельзя направить под углом, они пойдут параллельно. Это только схема, наглядный пример. Каллистяне нашли другой способ. Они научились создавать античастицы из прямых частиц, в том числе и теси. С помощью

вспомогательного луча. Это уже такие дебри, что я при всем желании не мог ничего понять и объяснить тебе не могу. Любопытно, что Зивьень сказал то же, что написал Ленин: «Атом неисчерпаем». Так вот, они открыли частицы, которые переносятся частицами теси на любое расстояние. И с помощью этих частиц (кстати, у них нет даже названия для них, настолько они новы) на границах ионизированного слоя планеты возникают антители, происходит аннигиляция – вспышка. Ее можно делать сильнее или слабее, по желанию.

– И эти вспышки можно видеть и читать, как телеграфную ленту?

– Вот теперь ты догадался. Короткие и длинные вспышки появятся на небе Земли в тот же момент, как они будут посланы с Каллисто – вернее, с одной из ее «лун». Ведь Каллисто сам имеет ионизированный слой. Установка для посылки сигналов на Землю уже готова, – неожиданно сообщил Синяев.

– Готова?

– Да, на «луне» Каллисто. Они приступили к работе сразу, как только узнали о нас и о том, что я астроном. Пока мы сидели на Кетьо, они работали для нас. Вот почему меня вызвали в первый же день.

– Не понимаю, зачем им понадобился земной астроном.

– Абсолютно необходим.

– Дело в расстоянии, что ли?

– Именно. Каллистянские «телескопы» основаны на ином принципе, чем наши, но и они не дают возможности увидеть Землю на таком расстоянии. Знаешь ли ты, что даже радиус земной орбиты виден с Каллисто под углом в триста семьдесят пять тысячных угловой секунды?

– До сих пор не знал, – улыбнулся Широков. – Теперь знаю.

– А уж диаметр Земли виден под углом настолько малым, что его даже трудно себе представить. Порядка трех сотых угловой секунды. Каллистяне понятия не имеют, где, в какой точке относительно Солнца находится сейчас Земля. А теси-лучи надо направить точно на Землю. Легко ошибиться и воспользоваться нитью тяготения между Каллисто и другой планетой Солнечной системы и даже Луной.

– Очень убедительно, – сказал Широков. – У меня создается впечатление, что это безнадежное дело.

– Трудное, но не безнадежное. В новейшие инструменты каллистянских астрономов виден Юпитер. Поверишь ли? Когда я убедился, что вижу именно его, совсем рядом с Солнцем, то испытал такое чувство, что вижу Землю. Странно, не правда ли?

– Ничуть. Вполне естественно.

– Это в корне меняет дело. Раз виден Юпитер, легко рассчитать местонахождение Земли. Вычислительные машины каллистян очень точны и очень просты. Но сами каллистяне ничего не могут сделать. Надо хорошо знать все элементы орбит Земли и Юпитера.

– И вы собираетесь почти неосознанным лучом попасть точно на Землю с расстояния в восемьдесят триллионов километров?

– Представь себе. Установка дает такую возможность. Теси-луч можно направить с точностью до одной двухмиллионной угловой секунды.

– Что она собой представляет?

– Я не видел ее, она на спутнике Каллисто. Но мне показывали чертежи. Очень сложная штука. Пожалуй, в два раза больше этого дома. Каллистяне уверяют, что, получив все данные, пошлют теси-луч чуть ли не прямо в Москву.

– Значит, – после нескольких минут раздумья сказал Широков, – картина такая. Теси-луч в сопровождении вспомогательного луча достигает Земли, и на небе появляются короткие и длинные вспышки. Точки и тире. По азбуке Морзе люди прочтут сообщение с Каллисто. Будем предполагать, что небо безоблачно и на вспышки обратили внимание. Что же дальше? Ты сказал, что мы сможем говорить с Землей.

– Да. И это действительно так. Каллистяне передадут все, что надо, чтобы на Земле

узнали устройство установки и принципы, на которых она основана. Там построят такую установку и ответят. Облачность, конечно, возможна. Но мы решили целый месяц посылать только два слова: «Петр Широков». В одно и то же место. Не может быть, чтобы за месяц ни разу не прояснилось. У нас, в СССР сейчас осень, сентябрь. Обычно в это время стоит безоблачная погода. А когда они поймут, что это сигналы с Каллисто, облачность уже не будет помехой. Воспользуются самолетами. А через месяц мы начнем передавать принципы работы теси-установки.

– Но ведь даже для каллистянских ученых эти принципы – новинка.

– Открыть что-либо трудно, а объяснить уже открытое очень легко.

– Где же поставят теси-установку? Ты сам сказал, что на планете, имеющей ионизированный слой, она не будет работать.

– На Луне.

– Что?

– Ну, да! На Луне. Неужели ты можешь сомневаться в том, что люди уже достигли Луны? Особенно после того, что они узнали от каллистян. Я уверен, что за время нашего отсутствия звездоплавание сделало резкий скачок вперед.

– А если нет?

– Не может быть. Даже каллистяне уверены в этом. Широков с сомнением покачал головой.

– Слишком много «если», – сказал он. – Шансы на получение ответа, по-моему, очень малы. Но все равно! Послать сообщение – это уже много.

– Ответ будет, – уверенно сказал Синяев, – Обязательно будет. Я твердо верю в силу техники нашей Земли.

Там сделают все, чтобы ответить. Знаешь, что сказал Мьеньонь?

– Он там был?

– Да, его вызвали. Он прямо заявил, что, учитывая уровень развития техники на Земле, ответ придет через год.

– Какой год – земной или каллистянский?

– Земной. Дело в том, что установка очень проста, если знать, на чем она основана. Мьеньонь дает год потому, что ее надо строить не на Земле. Странно! Мьеньонь и другие каллистяне верят, а ты сомневаешься.

Широков порывисто обнял друга.

– Я не сомневаюсь, а боюсь верить. Это слишком прекрасно! А есть у нас азбука Морзе?

– Уверен, что есть. Она должна быть в какой-нибудь книге по радиотехнике или о способах связи на Земле. Мне даже кажется, что я ее видел, когда мы занимались переводами.

– Надо как можно скорее убедиться, – нетерпеливо сказал Широков. – Кстати, где наш багаж? Неужели все еще на корабле?

– Вряд ли. За эти два дня они безусловно доставили его сюда.

Синяев оказался прав. Все вещи, привезенные ими с Земли, оказались в комнате, примыкавшей к спальней. Ящики, чемоданы, пакеты были аккуратно сложены в углу.

– Ты же был здесь, – заметил Синяев. – Как же ты не знал, что вещи принесли?

– Я не покидал дом Диегоня. И мне никто не сказал об этом. Да и зачем? Дом ведь не заперт.

Они не легли спать, пока не нашли нужную книгу, которая, разумеется, оказалась в тщательно подобранной библиотеке. Ведь она была составлена с целью познакомить каллистян со всеми сторонами жизни Земли.

– Жутко подумать, – сказал Широков, нежно глядя рукой бесценную страницу, – что ее могло не быть.

НА ВЕЛЬДЕ

Потекли дни напряженной и трудной работы. По просьбе Широкова и Синяева к ним присоединился Бьяининь, и они втроем переводили на русский язык исключительно сложный текст «послания Каллисто Земле».

Они часто вспоминали совещание технической комиссии после диверсии на звездолете. Как и тогда, некоторые фразы приходилось переводить очень сложным способом.

В доме, где жили гости Каллисто, постоянными посетителями стали все члены экспедиции к Солнцу, всеми силами старавшиеся помочь работе.

Каждая фраза считалась правильно переведенной, если Синяев, лучше Широкова разбирающийся в этих вопросах, заявлял, что она ему ясна.

– Я прохожу курс новейшей ядерной физики, – шутил он.

За все время этой работы люди почти не видели света «солнца», и их домашние врачи – Гесьянь и Синьг – были очень довольны таким дополнительным карантинном. Облака над Атилли постепенно становились все тоньше, и к концу работы над городом снова было безоблачное небо.

– Если все время держать над вами облака, – говорил Гесьянь, – вы никогда не привыкнете к лучам Рельоса. А вам надо познакомиться со всей Каллисто.

– Никаких тревожных симптомов нет, – отвечал Широков. – Мне кажется, что Рельос для нас безвреден.

Он умалчивал при этом, что несколько раз у него и у Синяева появлялось недомогание, считая его причиной переутомление от напряженной работы. Он хорошо знал повышенную мнительность по отношению к ним каллистянских врачей, испытал это на самом себе после случая с камнем на Кетьо.

«Скажи я об этом, и они, чего доброго, вернут нас на Кетьо или на Сетито без всякой нужды», – думал он.

Пока шла работа над переводом, теси-установка со спутника Каллисто ежедневно посылала сигналы на Землю. По глубокому убеждению всех – людей и каллистян, слова «Петр Широков» не могли остаться незамеченными. Точность расчета и надежность автоматического управления лучом не вызывала сомнений.

– Вспышки появляются над Москвой, – говорил Синяев, когда Широков снова начинал сомневаться. – Или, во всяком случае, близко от Москвы. Между Рельосом и Солнцем нет ни одной звезды, и луч не может уклониться.

– А само Солнце? – спрашивал Широков.

– Влияние гравитационного поля Солнца учтено при расчете.

– Но Земля вращается.

– И это учтено. Теси-луч движется, правда, абсолютно незаметно для самых точных приборов в сторону вращения Земли. Сигналы вспыхивают на одном и том же месте.

– И ты уверен, что нет ошибки?

– Уверен.

– Почему же тогда мы передаем сигналы на трех языках?

– На этом настаивают каллистяне. Они хотят обеспечить успех на сто процентов. А вдруг луч не совсем точно направлен?

– Значит, это все-таки возможно? – разочарованно спросил Широков.

– Разумная осторожность, не более.

– А основной текст тоже будем передавать на трех языках?

– Да. По три раза каждую фразу. На русском, английском и французском.

– Тогда уж лучше не на французском, а на латинском.

– Ты его так хорошо знаешь?

– Не хуже, чем русский.

– Какой ты у меня умный. – Синяев провел пальцами по лбу Широкова. – Значит, английский и латинский. Ты будешь переводить; это не трудно, раз есть русский текст. А я

зашифровывать азбукой Морзе. Латинские и французские буквы одинаковы.

Но, несмотря на все усилия, к пятнадцатому октября перевод не был закончен. Синяев предложил Зивьеню, руководившему всей работой, отложить начало передачи основного текста, продолжив вступительные слова.

– Мы считаем, что можно начать, – ответил тот. – Зачем заставлять ждать людей Земли? Им это, вероятно, будет тяжело. Мы начнем, а вы продолжайте работу. Я уверен, что никаких затруднений больше не встретится. В оставшейся части текста нет новых для вас слов.

На том и порешили.

И через день дежурный звездолет совершал рейс на спутник Каллисто, доставляя туда очередную партию металлических пластинок, на которых по особой системе наносились знаки, соответствующие точкам и тире азбуки Морзе, выполненные на бумаге рукой Синяева.

Эти пластинки закладывались в теси-установку, которая автоматически отправляла «телеграмму» на Землю.

– Вы можете передавать триста знаков в минуту, – сказал Синяев Зивьеню. – На Земле есть операторы, которые могут принять текст при такой скорости.

– Это облегчит работу, – ответил Зивьень. – Но будут ли использованы такие операторы?

– Несомненно. Если только слова «Петр Широков» были увидены и поняты. Кроме того, на Земле могут снимать вспышки на киноленту.

Прошел еще один земной месяц, и работа по переводу была успешно закончена.

– Теперь, – сказал Широков, – я не буду иметь покоя, пока мы не получим ответа.

– Придется ждать год.

– А может быть, раньше?

– Мьеньонь считает, что двенадцать наших месяцев – это наименьший срок.

– Удалось ли? – с тоской в голосе сказал Широков.

– Они решили через полгода, по-нашему, повторить передачу.

– Как радостно будет получить весточку с Земли!

– Еще бы! – сказал Синяев.

Для него и Широкова неудача была бы тяжелым ударом. Как это ни странно, но свои надежды на счастливый результат они возлагали на... чуткость и внимательность к ним каллистян. Вряд ли они предложили бы провести опыт, если бы не были уверены в успехе. До сих пор все доказывало, что хозяева прекрасно понимают психологическое состояние своих гостей. А если каллистяне были уверены... Широков и Синяев верили в их технику и знания.

Но место для сомнения все же оставалось. Если техника Земли еще не может доставить на Луну все, что необходимо для теси-установки, ответа не будет.

Хотелось сократить время ожидания. Ничто не помогает в этом так надежно, как напряженный труд.

– Мы пробыли на Каллисто довольно много времени, – сказал Широков Гесьяню. – Мне кажется, что пора прекратить затворничество. Настало время свободно знакомиться с вашей планетой.

– А разве вы не свободны? – удивился Гесьянь.

– Конечно нет. Вы не позволяете нам даже походить по городу. Какая же это свобода?

– Мне странно слышать это от вас. Вы же врач. Мы действуем в ваших же интересах. Впрочем, – прибавил Гесьянь, пожимая плечами, – делайте, как хотите. Вы были, есть и всегда будете совершенно свободны в своих поступках.

Широкову показалось, что Гесьянь обижен. Он ласково провел пальцами по лбу каллистянина.

– Очень хочется поскорее увидеть все, – сказал он извиняющимся тоном. – Тяжело ничего не делать.

– Это, конечно, трудно. Но в последнее время вы много работали.

– Я понимаю ваши опасения, – продолжал Широков. – Проведем опыт. Завтра утром как следует покажите нам Атилли. Ведь мы почти не видели города. А потом тщательно обследуйте нас.

– Хорошо, – без видимой охоты согласился Гесьянь. – Пусть будет завтра. Рано или поздно, но это все равно придется сделать. Но не советую сразу начинать с пешеходной прогулки. Лучше всего слетать куда-нибудь на обычной олите, например на вельдь. Завтра как раз соревнование по фетимьи.

– Что это такое?

– Спортивное соревнование. Финальная игра на первенство Каллисто.

– Чудесно! – воскликнул Синяев.

Он был страстным болельщиком футбола и в Москве не пропускал ни одного матча. Но, кроме футбола, он вообще любил спорт.

Каллистянское слово «вельдь» означало открытый стадион.

– Почему финальная игра проводится в Атилли? – спросил Широков, предчувствуя, какой последует ответ. Он знал, что город, в котором они поселились, был далеко не из больших.

– В надежде, что вы захотите посмотреть игру, – как и ожидал Широков, ответил Гесьянь.

Что было сказать на это? Не знающее границ гостеприимство каллистян проявлялось решительно во всем.

– А как насчет мест? – спросил Синяев. – Вельдь, по всей вероятности, будет переполнен.

– Да, эти соревнования всегда вызывают большой интерес. Но для вас...

– Сколько на вельде мест?

– Точно не знаю. Кажется, около двухсот тысяч.

– Выдаются билеты? – увлекшийся Синяев чуть не сказал «продаются».

– Нет. Никаких билетов не требуется. Тут уж кто успеет. Надо сообщить дежурному первого сектора, что вы хотите посмотреть соревнование, и он скажет номер места. Когда все места заняты, прием заявок прекращается.

Синяев посмотрел на Широкова. Петр Аркадьевич увидел в глазах друга лукавый огонек и понял его мысль.

– У них такого случая произойти не может, – сказал он по-русски.

– Могу себе представить, что бы получилось, введи администрация наших стадионов такой порядок, – сказал Синяев и рассмеялся. – Ну и мир! Это просто удручающая честность.

Как всегда, на лице Гесьяня не отразилось ни малейшего любопытства. Он слушал – вернее, не слушал – непонятный ему разговор, глядя в окно. Синяев поспешил объяснить ему причину своего смеха.

– При системе оплаты это еще более непонятно, чем если бы случилось у нас, – сказал каллистянин. – Идемте в большую комнату. Я спрошу дежурного о наших местах.

Дежурный первого сектора, на котором, очевидно, помещался вельдь, ответил, не задумываясь и не посмотрев ни в какую запись, что для людей Земли оставлена кабина номер один.

– В ней десять мест, – предупредил он.

– Кого же нам еще пригласить? – сказал Широков. – Предлагаю Синьга, Мьеньоня и Ньяньиньга. Разумеется, вас и Бьесьи, – прибавил он, обращаясь к Гесьяню.

Синяев улыбнулся. Названные его другом, вместе с ними двумя, составляли семь человек. Очевидно, Широков считал присутствие Дигоной само собой разумеющимся.

Гесьянь понял так же.

– С Дигоном, его сыном и Дьеньи получается как раз десять, – сказал он. – Не сомневаюсь, что все будут рады сопровождать вас.

На следующий день Синяев проснулся рано и разбудил Широкова.

Предстоящее соревнование, первое, которое они увидят на Каллисто, где спорт был широко распространен, чрезвычайно его интересовало.

Он знал, что у каллистян нет ничего похожего на футбол, но Гесьянь сказал, что фетимьи разыгрывается на первенство всей планеты, и этого было достаточно, чтобы в нем заговорил болельщик.

По привычке Синяев первым делом подумал о погоде: «А вдруг будет дождь?»

Широков пренебрежительно махнул рукой.

– Жди! – сказал он. – Прелесть внезапного летнего дождя! Веселый визг девушек, застигнутых им и бегущих под первое попавшееся прикрытие! Как же! Они распределяют погоду, как мы – расписание поездов.

Синяев нажал кнопку и «открыл» окна. Небо было совершенно безоблачно.

Они выкупались в бассейне, оделись, позавтракали и расположились в «большой комнате», как назвал ее вчера Гесьянь, ожидать прилета друзей.

Синяев поминутно смотрел на часы.

– Не опоздать бы!

Матч фетимьи должен был начаться ровно в полдень.

Каллистяне явились все вместе на большой олити, окрашенной в необычайный бледно-розовый цвет,

– Вы твердо решили провести опыт? – спросил Синьг. – Не забываете, что сейчас самое жаркое время дня.

– Мы хотим видеть фетимьи, – сказал Синяев.

– Соревнование можно посмотреть на экране. Хотя бы на вельдь летите в своей олити.

– Довольно, Синьг! – сказал Широков. – Мы шестьдесят дней находимся на Каллисто, и пора выяснить. Всякой осторожности должна быть граница. Решили, о чем говорить!

– Не время ли? – спросил Синяев. – Опоздаем. Он ни о чем, кроме матча, не хотел думать.

– А вы знаете, в чем заключается игра? – спросила его Дьеньи.

Она была одета в короткое платье без рукавов и опять белого цвета.

– Не знаю, – ответил Синяев. – И вы мне не говорите. Я хочу понять сам.

Случайно или намеренно, но Широков оказался рядом с Дьеньи в мягком «стеклянном» кресле олити. Система управления здесь была такой же, как у их воздушного экипажа. Олити вел Вьег Диегонь.

Лучи Рельоса свободно проходили сквозь прозрачный футляр, который не ослаблял их силы. Было более, чем жарко. Широков и Синяев прикрыли головы носовыми платками. Хотя с Земли были взяты белые шляпы, какие носят обычно на южных курортах, ни тот ни другой не захотели надеть их. Слишком нелепо выглядели они на Каллисто, где никто не носил никаких головных уборов.

Еще не пролетели и половины пути, как Широков почувствовал недомогание. Временами словно туманная дымка заволакивала его сознание, сердце начинало биться неровно. Нежный голос Дьеньи звучал в эти мгновения как бы издалека. Но он молчал, хорошо зная, что, скажи он о своем состоянии, и Гесьянь немедленно вернет его домой. Синяев, разумеется, последует за ним и лишится удовольствия. Он так давно не видел ни одного спортивного соревнования, которые так любил.

«Пройдет, – думал Широков. – Просто я давно не был на солнце».

Олити вылетела за город. Кругом расстилалась оранжевая равнина. Вдали показались многочисленные здания, как везде разделенные желто-красными пятнами садов.

– Это Генья, – сказала Дьеньи, – спортивный пригород Атилли. Мне он хорошо знаком. Я жила здесь почти год, когда увлекалась спортом.

– Каким? – спросил Широков. – Вероятно, гимнастикой?

– Вы угадали. Но больших успехов я не достигла. Помешало мое увлечение звездоплаванием, а у меня были большие данные.

Широков ни на секунду не подумал, что Дьеньи хвастается.

Воздух казался пестрым из-за разнообразной окраски олиты всех размеров. Тысячи каллистян летели на крыльях.

Их олити опустилась на обширной площади, уже заполненной десятками тысяч машин. Толпы каллистян, в разноцветных одеждах, шли к вельду. В воздухе стоял гул голосов.

Диегонь с сомнением покачал головой и сказал сыну, готовящемуся поднять футляр олити, чтобы выйти из нее:

– Не лучше ли было опуститься на самом вельде? Ничего! – ответил он на недоуменный взгляд Вьега. – В таком исключительном случае это позволительно. А потом вы вернетесь сюда и пешком присоединитесь к нам. Им, – он указал глазами на Широкова и Синяева, – нехорошо идти под лучами Рельоса так медленно.

Но каллистяне, находившиеся поблизости, уже узнали гостей Каллисто. Очевидно, известие о их прилете на вельдь мгновенно разнеслось по всей толпе. Движение к стадиону прекратилось, и тысячи лиц повернулись к ним.

– Опоздали! – сказал Диегонь. – Теперь придется выйти здесь.

Его опасения оказались напрасными. Когда они вышли из олити, толпа раздвинулась, и образовался широкий проход к одному из входов в здание.

Поднимаясь с кресла, Широков почувствовал сильнейшее сердцебиение. Он был вынужден несколько мгновений простоять на месте, держась за спинку. Его товарищи ничего не заметили, решив, что он просто хочет выйти последним. Припадок был коротким и прекратился так же внезапно, как и начался. Широков вышел из олити уже не на шутку встревоженный.

Каллистяне приветствовали людей Земли движениями рук, поднятых над головой. Не было ни одного возгласа, столь обычных на Земле в таких случаях. Между двумя стенами каллистян они прошли в здание без всяких затруднений.

– За время полета к Солнцу вы отвыкли от нас, – пошутила над Диегоном Дьеньи.

– Выходит, что так, – улыбнулся он.

Внешним видом вельдь Атилли был похож на Ленинградский стадион имени Кирова. Так же как там, здесь были широкие лестницы, ведущие к верхним входам, украшенные статуями. Сходство завершали полого поднимающиеся дорожки и многочисленные цветочные клумбы. Но общая архитектура здания была совсем иной.

Диегонь и его спутники прошли через нижний вход и очутились в длинном коридоре, идущем, по-видимому, вокруг всего стадиона. Было много дверей с цифрами на них, что напоминало коридоры театров.

Диегонь открыл дверь с цифрой "1", и они вошли в кабину. Она была величиной с большую театральную ложу и открыта спереди и сверху. Только в задней части был сделан навес.

Вельдь был уже почти полон. Это было колоссальное сооружение, с уходящими куда-то далеко в высоту, более крутыми, чем на земных стадионах, секторами для зрителей. Кабины, подобные той, где они находились, шли по нижнему ярусу. Остальные места были совершенно открыты и залиты ослепительным светом Рельоса. Они пестрели всеми цветами радуги, с линиями черных лиц над разноцветными костюмами.

– Для кого предназначены эти кабины? – спросил Синяев.

– Для тех, кто по каким-либо причинам не может находиться на открытых местах, – ответил Синьг. – Например, болен.

– Значит, чтобы попасть сюда, требуется свидетельство врача?

– Нет, зачем же? Предоставить место в кабине просят те, кто болен, – не понял вопроса Синьг, – но не очень. Если нужен врач, человек сидит дома.

Широков сел почти у самой задней стенки, под защиту навеса. Но и отсюда весь вельдь был как на ладони.

Он был похож на земные стадионы, но ни на минуту нельзя было забыть, что это построено не на Земле. Все было иным, все имело отпечаток архитектуры, чуждой людям. Вельдь был выстроен не из камня, не из металла, не из дерева и не из пластмассы. Это был

все тот же удивительный материал, казавшийся прозрачным и блестящим, но бывший непрозрачным и матовым. Нигде не было солнечных бликов, яркий свет Рельоса не отражался ни от гладких стен, ни от полированных панелей, которые точно впитывали его лучи в свою «прозрачную» глубину. Невольно казалось, что все кругом должно быть раскалено, но стены и барьер были холодными на ощупь.

Вельдь имел овальную форму. Кругом шла, по-видимому, беговая дорожка странно белого цвета, словно из утрамбованного снега. В середине помещалось игровое поле, но не прямоугольное, а также в форме эллипса. Оно было покрыто ярко-оранжевой травой.

Ждать пришлось недолго.

Раздался звонкий удар, повторившийся три раза.

С четырех сторон на поле выбежали команды. Тут были юноши и девушки. Их было много, человек по тридцать в каждой группе. Они были одеты в плотно облегающие тело костюмы, белые, зеленые, розовые и голубые. Каждая группа вынесла по четыре соответственно окрашенных больших обруча. Сойдясь на середине, они обменялись этими обручами и разбежались по краям травяной площадки.

Широков видел, как вышли команды, успел рассмотреть их, но внезапно почувствовал, как от сердца к голове прошла волна холода. Стадион потускнел перед его глазами и как-то странно покачнулся.

Спутники, сидевшие впереди, превратились в туманные пятна...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Открыв глаза, Широков сразу подумал, что этот припадок сильнее всех предыдущих и что надо немедленно сказать Гесьяню, но не увидел ни Гесьяня, ни стадиона.

Он лежал в своей комнате. Окна были закрыты темно-синей завесой. Комната освещалась слабым сиянием, исходившим из потолка, и в ней было полутемно.

«Полет на олити... вельдь... Дьеньи в белом платье... – подумал он. – Неужели мне все это только приснилось?»

Он посмотрел на стоявший напротив диван, но не увидел, как ожидал, своего друга. Синяева не было, и даже постель не была постлана. Сам Широков лежал раздетый, под легким покрывалом.

«Что-то неладно, – подумал он. – Что же сейчас: день или ночь?»

Повернув голову к окну, он внезапно увидел Синяева, который, совершенно одетый, сидел в кресле. Рядом с ним, в другом кресле, сидела Дьеньи.

– Георгий! – тихо позвал Широков.

Синяев и Дьеньи вскочили при звуке его голоса.

– Наконец-то! – воскликнул Синяев. – Дьеньи, позовите Гесьяня.

Девушка выбежала из комнаты.

– Что со мной случилось?

– Что-то скверное. Ты потерял сознание на стадионе.

– Давно это было?

– В полдень; разве ты забыл? А сейчас глубокая ночь.

– И ты не спишь из-за меня?

– Что с тобой, Петя! Как я могу спать? Здесь находятся все наши друзья, члены экипажа звездолета, Дьеньи со своим отцом, Гесьянь, Бьесьи, Женьсиньг, Зивьень и многие другие. Твой обморок взволновал всю Каллисто. Как ты себя чувствуешь?

Широков не успел ничего ответить. В комнату вошли Гесьянь, Синьг и какой-то незнакомый каллистянин, с глубокими морщинами на лице.

– Это какой-то знаменитый врач, – успел шепнуть Синяев на ухо Широкову. – Его зовут Бьиньг. Его вызвали с другого материка Каллисто.

Трое врачей подошли к Широкову. Синьг сел на край постели. Гесьянь

предупредительно подвинул кресло для Бьиньга, а сам остался стоять у изголовья Широкова.

– Напугали вы нас, Петя, – сказал Синьг, словно не зная, с чего начать разговор. – Как вы себя чувствуете сейчас?

– Совершенно нормально, точно проснулся после крепкого сна.

– Совсем скверно! – неожиданно сказал Бьиньг.

– Наоборот. – Широков не понял, к чему относилось восклицание старого каллистянина. – Совсем хорошо!

– Вот это и плохо, – последовал ответ Бьиньга. – Если бы вы проснулись больным, было бы хорошо.

– Я вас не понимаю.

– Опыт, на котором вы так настаивали, – сказал Гесьянь, – окончился плачевно. Этого надо было ожидать. А то, что вы чувствуете себя нормально, еще хуже. Значит, наше предположение верно.

– Объяснитесь!

– Причина вашего обморока – Рельос, его лучи, непривычные для вас.

– Но, ведь у нас на Земле каллистяне нисколько не страдали от лучей Солнца, которые так же непривычны для них. То, что со мной случилось, не похоже на тепловой удар.

– Рельос и Мьеньи, – вмешался Бьиньг, – разные звезды. Дело не в том, что лучи Рельоса несут больше тепла, а в том, что они более активны. Вам ясно, что это значит?

Он говорил ворчливым тоном и чем-то напомнил Широкову Штерна.

– Допустим, что ясно.

– Надо было послушаться Гесьяня, задержаться на Сетито дней на сто, потом на Кетьо дней на двести и только тогда прилетать на Каллисто. Надо было как следует привыкнуть к лучам Рельоса там, где они слабее.

– Но что же все-таки случилось со мной? – спросил Широков.

– Случилось то, что на ваш организм оказала вредное влияние какая-то составляющая лучей Рельоса, которой, по словам вашего товарища, нет у Мьеньи.

– Если так, то почему же это вредное влияние сказалось на мне одном?

– По-видимому, организм вашего товарища менее восприимчив к нему. Но и с ним случится то же самое, что случилось с вами. Это неизбежно.

Широков вспомнил, как несколько раз Синяев жаловался ему на недомогание, симптомы которого совпадали с тем, что испытывал он сам. Давно следовало сказать об этом Гесьяню. Здесь была допущена большая ошибка.

– Что же надо делать, по-вашему? – спросил он. – И чем нам грозит пребывание на Каллисто?

Последняя фраза вырвалась как-то невольно, и Широков с ужасом понял, что сам же допускает возможность покинуть планету, с которой они, в сущности, еще и не начали знакомиться.

Синяев, сидевший поодаль в кресле и не принимавший участия в разговоре, вздрогнул, услышав эти слова.

Гесьянь посмотрел на Синьга, и на его лице, выражение которого давно научился понимать Широков, мелькнуло смущение.

– Мне очень жаль, – сказал Гесьянь, – но я должен повторить то, что сказал вам раньше. Пребывание на Каллисто для вас опасно. Вы должны отправиться обратно на Кетьо или, еще лучше, на Сетито и провести там дней двести.

– Потерять почти год! – по-русски сказал Синяев. – Немыслимо!

– Что это за составляющая? – спросил его Широков.

– Не знаю точно. – Синяев вскочил с кресла и подошел к постели друга. – Сегодня днем они показали мне спектры Рельоса. Они такие же, какие давно уже получены на Земле, но есть несколько лишних линий. Я сказал им, что этих линий нет в спектре Солнца. Вот и все! А они сделали из этой мухи слона.

– Слона ли? – задумчиво сказал Широков.

Синяев пожал плечами.

– Ты врач, – сказал он, – а я нет. Кроме того, болен ты. Я совершенно здоров.

– Вы так думаете? – спросил Синьг, очевидно понявший то, что сказал Синяев.

– Пока, во всяком случае. – Синяев вернулся к своему креслу и бросился в него с видом полного нежелания продолжать разговор.

Широков задумался. Синяев, конечно, прав. Решать должен именно он – Широков. Решать за себя и за своего товарища. Все говорило за то, что каллистьянские врачи дают правильный совет. Двести дней! В конце концов, не такой уж долгий срок. Они могли задержаться на Каллисто, ведь теперь есть возможность сообщить об этом на Землю. Надо соглашаться. Но как тяжело на это решиться!

– Хорошо! – сказал он после продолжительного молчания. – Допустим, что вы правы. Я верю вашим знаниям и опыту. Но ведь вы не знаете, не можете знать организм людей Земли. Даже Синьг. Мой товарищ совершенно здоров. Это заставляет меня колебаться. Быть может, положение не столь критично. Вы должны понять, что нам дорог каждый день. Терять двести дней!

– Вам лучше знать, – сказал Бьиньг. – Мы высказали свое мнение. Делайте, как хотите.

– Надо подумать, Петя, – мягко сказал Синьг.

– Я подумаю.

На этом кончилась беседа, которой суждено было возобновиться скорее, чем предполагал Широков.

– Советую не вставать до завтрашнего утра, – сказал Гесьянь и, пожелав спокойного сна, ушел вместе со своими коллегами.

– Пройди к ним, Георгий, – сказал Широков. – Неудобно оставлять гостей одних. Синяев вышел, но вскоре вернулся.

– Никого нет, – сказал он. – Все улетели. В доме остался один Синьг.

– Где он?

– В большом зале. Он сказал, что переночует здесь, на всякий случай. Велел позвать его, если ты не сможешь заснуть.

– Велел? – улыбнулся Широков.

– Попросил, конечно. Но просьба врача – это ведь приказ.

Синяев подошел и сел на край постели.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил он, кладя свою руку на руку Широкова и нежно глядя его пальцы, показавшиеся ему очень холодными.

– А что думаешь ты сам?

– Что первый блин оказался комом. Но наш опыт сослужит хорошую службу тем, кто после нас прилетит на Каллисто.

– Значит, ты считаешь, что нам все-таки придется улететь отсюда?

– Не я так думаю, а ты. В этих вопросах тебе и книги в руки.

В голосе Синяева звучала глубокая грусть. «Да, – подумал Широков, – вопрос отложен, но не снят. И может случиться, что моя сегодняшняя нерешительность дорого нам обойдется».

– А фетимьи? – спросил он, чтобы отвлечь друга от невеселых мыслей. – Ты так и не увидел.

– Соревнование отложили.

– Из-за меня?

– Если бы ты видел, что творилось на стадионе! Все поле заполнили зрители, едва им стало известно о твоём обмороке. Какая уж тут игра! Когда тебя положили в специально вызванную, вероятно санитарную, олити и она полетела в Атилли, все каллистьяне покинули стадион и сопровождали нас до самого дома. Этой картины я никогда в жизни не забуду. Буквально не было видно неба.

– Странные они люди! – сказал Широков. – И очень хорошие. Даже прекрасные.

– Особенно Дьеньи! – Синяев вдруг обнял Широкова, крепко целуя его в губы.

– Да постой! – улыбнулся Широков. – При чем тут Дьеньи? Что ты болтаешь?

– Ладно, – сказал Синяев. – Чего уж там! Она тебя любит, – прибавил он очень серьезно. – Я понял это сегодня.

– Глупости говоришь.

– Ну, как знаешь! – Синяев встал и подошел к окну. Темно-синяя завеса «растаяла» и исчезла. В комнату проник странный, мертвенно-зеленый свет. Причудливые двойные тени легли на полу. – Посмотри! Такой картины не увидишь на Земле.

Небо было безоблачно. Тысячи звезд в непривычных сочетаниях каллистянских созвездий мерцали в его темной глубине. Прямо напротив окна, близко друг к другу, висели в небе обе «луны» Каллисто. Они были значительно меньше земного спутника и почти одного диаметра (так казалось). Большая из них была желтого цвета, меньшая – странно-голубого. Свет каждой в отдельности был намного слабее света полной Луны, но вместе они создавали довольно сильное освещение.

Широков встал и подошел к окну. Видеть оба спутника Каллисто одновременно им еще не случалось.

– Тебе нельзя вставать, – сказал Синяев.

– Сейчас лягу, – ответил Широков.

Он обнял товарища за плечи, и они молча смотрели на непривычную и чуждую им картину в рамке широкого окна.

Оранжево-красный сад при зеленом свете, создаваемом двойным освещением каллистянских «лун», казался коричневым. Черные статуи были невидимы, белые превратились в зеленые. Океан был еще более синим, чем днем. Ультрамариновым блеском сверкала его спокойная поверхность. В густых ветвях кустов и деревьев мелькали разноцветные огоньки. Точно тысячи светящихся насекомых перелетали с места на место, кружась в ночном хороводе.

В океане и в воздухе виднелось несколько судов и олити. Они были видны с такой отчетливостью, будто их освещал сильный луч прожектора. Но этот луч был невидим и, освещая корабль, не освещал воду у его борта.

– Корабли и олити, – сказал Широков, – вероятно, светятся сами.

– Да, во избежание столкновения в темноте. Посмотри! – Синяев протянул руку. – Видишь, вон там, низко над горизонтом, две большие звезды на одной линии, параллельной земле.

– Вижу.

– Мысленно проведи линию влево от них. Она упирается в небольшую звездочку, примерно второй величины. Видишь? Эта звезда называется у каллистян Мьеньи.

– Земля! – прошептал Широков.

Желтоватая звезда мерцала часто и сильно. Точно там, на родном Солнце, бушевала огненная буря, вспышками света посылая привет своим сыновьям, улетевшим так безмерно далеко от своей извечной матери.

– Нет, – грустно ответил Синяев. – Не Земля. Только Солнце. Нашу Землю нельзя увидеть на таком расстоянии даже в сильнейший телескоп; она так безмерно мала по масштабам Вселенной. Впрочем, так же, как и Каллисто, – прибавил он с непонятым ожесточением.

– Там Земля, – сказал Широков. – Может быть, мы увидим ее очень скоро. Скорее, чем предполагали.

– Нет, – сказал Синяев. – Я не хочу улетать с Каллисто раньше срока. Они ошибаются. Привыкнуть к лучам Рельоса можно и здесь.

– Я очень хочу надеяться на это, – тихо сказал Широков. – Попробуем.

Его голос звучал совсем неуверенно. Синяев заметил это, но ничего не сказал.

Широков глубоко вздохнул.

– Идем спать, – сказал он и, не ожидая ответа, отошел от окна.

Синяев «опустил» занавес.

ГЛАВА 4.

ДЬЕНЬИ

С тяжелым чувством проснулся Синяев на следующее утро. Что-то мешало ему спать всю ночь. Что? Мысли о здоровье Широкова? Тревога за него? Да, это было. Даже во сне он не забывал об этом. Угроза покинуть Каллисто, не закончив и даже не начав работы? И это могло быть причиной.

Открыв глаза, он долго лежал неподвижно, прислушиваясь к себе. Сердце билось неровно, толчками. Временами озноб волнами проходил по телу и сознание заволакивалось словно туманной дымкой.

«Неужели я заболел? – со страхом подумал он. – Вот уж не было печали!»

Часто случалось еще на Земле, что он просыпался с ощущением начинающейся болезни. Тогда усилием воли он заставлял себя встать, взяться за обычную работу и не думать о недомогании. В большинстве случаев это помогало, болезнь гложла в зародыше.

Синяев решил и на этот раз прибегнуть к своему испытанному средству пересилить болезнь. Откинув покрывало – легкую, почти прозрачную ткань, он сделал движение соскочить с постели, но с невольным стоном опустился обратно. Сердце забилося столь бешеным темпом, что это вызвало ощущение боли. Кроваво-красная пелена встала перед глазами.

Как будто сквозь стену, услышал он голос Широкова:

– Что с тобой?

– Подойди ко мне, – прошептал Синяев.

– Я не могу встать.

– Я тоже.

– Совсем скверно. Что ты чувствуешь? Красная пелена рассеялась. Сердце как будто успокоилось, хотя и продолжало биться неровно. Если не шевелиться, можно было говорить без неприятных ощущений. Синяев шепотом рассказал обо всем.

– То же самое происходит со мной, – ответил Широков также чуть слышным шепотом. – Срочно нужен врач. Догадается ли Синьг войти без зова?

В доме было тихо, ни звука не доносилось и снаружи. Точно все вымерло кругом. Предупредительная деликатность каллистян могла обернуться в плохую сторону. Как позвать Синьга?

– Ты можешь крикнуть? – спросил Широков.

– Нет. При повышении голоса начинается сильнейшее сердцебиение, почти мучительное. Я могу говорить только шепотом.

– И я тоже.

– Веселая история!

Они лежали не шевелясь, с беспокойством ожидая нового приступа неизвестной болезни.

Синьг не приходил. Вероятно, он думал, что гости планеты еще не проснулись, и не хотел их беспокоить.

– Они умят нас своей заботливостью, – прошептал Синяев. – На Земле врач давно бы зашел проведать больного.

«Надо что-то предпринять», – подумал Широков. Его взгляд остановился на большом «хрустальном» сосуде, формой похожем на цветочную вазу, наполненном голубоватой жидкостью. Это был нариди – напиток, напоминавший вкусом лимонный сок. Широков и Синяев часто хотели пить по ночам, и нариди всегда стоял у изголовья постели. Он им очень нравился.

– Георгий! – прошептал Широков. – А что, если я сброшу этот кувшин на пол? Грохот привлечет внимание Синьга, и он придет к нам узнать, в чем дело.

– Так он же разобьется.

– Кто его знает. Может быть, разобьется, а может, и нет. Если не разобьется, то и нариди не выльется. Крышка закрывается плотно. Ты же знаешь, ее приходится поднимать с усилием.

– Если кувшин разобьется и нариди выльется, кому-то придется производить уборку. Вряд ли наш андроид умеет это делать.

– Неужели они осудят нас за это?

– Нет, конечно, но как-то неудобно.

– Нельзя ждать. Синьг может войти через час и через два. Но как мне это сделать? Страшно пошевелить рукой.

– Мне тоже.

– Я попробую потихоньку.

Широков стал медленно поднимать руку. Сердце ответило ускорением биения, но все же ничего страшного не случилось.

– Спокойно, Петя! Не торопись!

Сосуд был легок для здорового человека, но Широков с тревогой думал об усилении, которое придется сделать, чтобы опрокинуть его на пол. Пройдет ли это движение безнаказанно?..

И вдруг они услышали тихий мелодичный звук, пронесшийся по комнате, а вслед за ним отчетливый голос Синьга:

– Вы проснулись? Можно мне зайти к вам?

– Поскорее! – как мог громко ответил Широков, осторожно опуская руку.

– Мы вас давно ждем, – сказал, в свою очередь, Синяев.

Они не знали, услышит ли Синьг их шепот.

Но каллистянин услышал. Очевидно, комнаты в доме соединялись какими-то акустическими аппаратами, до сих пор неизвестными для Широкова и Синяева. Почти сразу же он вошел к ним.

Еще с порога, окинув обоих внимательным взглядом, Синьг, по-видимому, понял, что случилось что-то неладное.

– Что с вами? – спросил он, явно взволновавшись.

– Нам очень плохо, Синьг, – ответил Широков. – Кажется, мы серьезно заболели.

– Находимся на грани преждевременной смерти, – прибавил Синяев, после прихода Синьга сразу пришедший в обычное настроение.

– Я сейчас вернусь, – и, сказав эти слова, каллистянин исчез.

– Ну, уж теперь они за нас возьмутся, – улыбаясь сказал Синяев. – Проявят свою любовь к нам в полном объеме.

– Как он с нами говорил? – спросил Широков. Даже в том состоянии, в каком он находился, он не мог не обратить внимание на новое для них применение каллистянской техники.

– Вероятно, привел в действие какой-то аппарат. Мало ли их на Каллисто! Но раньше он нас не слышал – это очевидно. Иначе давно бы пришел.

Синьг вернулся очень скоро.

– Сейчас прилетят Гесьянь и Бьиньг, – сказал он. – Не беспокойтесь ни о чем. Все будет в порядке. Погодите! – прибавил он, видя, что Широков собирается рассказать ему о их самочувствии. – Не говорите сейчас. Лучше помолчите.

– Говорить нам не трудно. Но только тихо. Трудно двигаться. Шалит сердце.

– Лежите совсем спокойно.

– Мы вынуждены это делать. Мы давно не спим, Синьг. Мы ждали вас, а вы не приходили. Я собирался сбросить сосуд с нариди на пол и этим привлечь ваше внимание. Но как раз в этот момент вы подали голос.

– Разве вы не знали? – Синьг показал на крохотный выступ на ножке восьмигранного столика. – Надо нажать вот здесь, и вступит в действие связь между всеми комнатами дома.

– Мы этого не знали. И я был уверен, что вы не придете, пока мы не позовем. Как же это случилось, – улыбнулся Широков, – что вы решились нас потревожить?

– Меня заставила Дьеньи.

– Видишь! – по-русски сказал Синяев. – А ты мне не хочешь верить.

Широков почувствовал приятное волнение. Сердце забилось чаще, но совсем не так, как раньше. В одну секунду ему стала ясной истина, о которой он думал и раньше, стараясь уяснить себе внутренний мир каллистян. Их чуткость, примеров которой он так много видел, неизбежно должна была усилить в них то шестое чувство, бессознательный, но безошибочный инстинкт, помогающий человеку почувствовать беду, грозившую близкому человеку. И если, как сказал Синяев, Дьеньи любила Широкова, то не было ничего удивительного в том, что она почувствовала угрожающую ему опасность.

– Дьеньи здесь? – спросил он.

– Нет, – ответил Синьг, – ее здесь нет. Она связалась со мной по экрану и попросила зайти к вам. Ей показалось, что с вами что-то случилось.

«Я угадал правильно, – подумал Широков, – И Георгий прав. Как это хорошо!»

– Каллистянская медицина верит в предчувствия? – спросил Синяев.

– Смотря какие. Предчувствия очень часто обманывают. Они зависят от состояния нервной системы и от других причин. Но, когда каллистянка испытывает такое чувство, как Дьеньи в данном случае, оно редко бывает ложным.

– Почему?

Широков понял, что еще немного – и его друг добьется от Синьга того ответа, в котором он сам был уже уверен, но почему-то не хотел услышать от каллистянского врача.

– Ваша наука знает, откуда возникают такие предчувствия? – спросил он, не давая Синьгу времени ответить Синяеву.

– Пока только нащупывает пути к этому вопросу. Но факт не подлежит никакому сомнению. Девушки очень чувствительны ко всему, что касается тех, кого они любят.

– Слово произнесено! – по-русски сказал Синяев. Прилет Гесьяня и Бьиньга выручил Широкова. Оба врача вошли в комнату, даже не спросив разрешения.

– Ну вот и исполнилось ваше желание, – сказал Широков, улыбнувшись Гесьяню, которого он всегда был рад видеть. – Вы хотели, чтобы я заболел. Сделано!

– Если бы это было так, – вздохнул каллистянин. – К сожалению, дело обстоит иначе. Ваше сегодняшнее заболевание не имеет и не может иметь никакой связи со вчерашним.

– Вы же меня еще и не осматривали, – удивился Широков. – Откуда же вы можете это знать?

Бьиньг устанавливал на столике, у постели Широкова, какой-то аппарат. Другой, точно такой же, Гесьянь поставил возле Синяева.

– Раз вы вчера чувствовали себя нормально, – все тем же ворчливым и как будто недовольным тоном ответил за Гесьяня Бьиньг, – то значит, сегодняшнее не связано со вчерашним. Астрономические обсерватории, – добавил он, – отметили резкое усиление активности Рельоса. Я опасюсь, не с этим ли связана ваша внезапная болезнь. Что вы чувствуете?

Широков подробно рассказал обо всех симптомах болезни.

– Ваш друг чувствует то же?

– Да.

– Лишнее доказательство, что связи со вчерашним нет. Синьг утверждает, что ваше сердце ничем не отличается от нашего. Посмотрим, в чем дело!

Аппарат чуть слышно загудел. Точно невидимый шмель полетел по комнате. Широков видел, как на передней панели засветился маленький экран. Было нетрудно догадаться, что это такое.

Бьиньг достал небольшой диск, ничем не соединенный с аппаратом, и положил его на

грудь Широкова.

– Если вам нужно сердце, то не забудьте, что оно у нас находится с левой стороны. Бьинг переложил диск.

– Я забыл об этом, – сказал он. На экране замелькали линии.

– Пошевелите рукой, – приказал Бьинг. Широков повиновался и почувствовал, как судорожными рывками забилося его сердце. Линии резко участились.

– Замрите! – явно испуганно воскликнул Бьинг. – Не шевелитесь!

Он повернулся к Гесьяню, очевидно проделавшему ту же операцию с Синяевым, и оба врача обменялись короткими фразами, произнесенными столь быстро, что ни Широков, ни Синяев ничего не смогли понять.

– Немедленный сон, – сказал Бьинг. – На десять дней.

Синьг вышел из комнаты.

– Вы даже не спрашиваете нашего согласия, – сказал Синяев.

– Бывают случаи, когда это необязательно. Если я говорю «надо», вы не должны возражать. Мы не признаем за человеком права на добровольную смерть.

– Что же, вы усыпите нас силой?

– Да, если понадобится, – последовал ответ.

– Что ты ерепенишься, Георгий? – спросил Широков. – Надо – значит, надо.

– Не в том дело. Я и не думаю протестовать. Я просто хотел узнать, как далеко распространяется у них свобода личности.

Синьг вернулся с двумя хорошо знакомыми «стеклянными» банками.

– Непрерывное дежурство у их постелей, – успел услышать Широков, прежде чем чудесное снотворное средство каллистян лишило его сознания.

– Дело обстоит из рук вон плохо, – сказал Бьинг, когда оба гостя Каллисто заснули. – Вы и Синьг допустили большую ошибку, согласившись улететь с Кетью так скоро. Надо было продержат их там в пять раз дольше.

В комнату, неслышно ступая, вошла Дьеньи. Девушка, очевидно, слышала слова Бьинга.

– Что им грозит? – спросила она, наклонившись над Широковым.

– Невозможность вернуться на Землю, – ответил Бьинг. – Пребывание на Каллисто, после того как они прилетели без специальной подготовки, неизлечимо испортит сердце. А в этом случае они не выдержат обратного полета.

– Но они не умрут?

– Этого мы, конечно, не допустим. Но смерть или невозвращение на родину для них одно и то же.

Дьеньи улыбнулась, не спуская глаз с лица Широкова.

– Только для одного, – прошептала она так тихо, что ее никто не услышал.

– Дежурство начну я, – сказал Гесьянь.

– Пожалуйста, располагайте мною, – попросила Дьеньи.

Широков проснулся через десять каллистянских суток и увидел сидящую возле его постели Дьеньи.

Сразу очнувшись, он улыбнулся ей и протянул руку.

– Любимая! – сказал он по-русски. И снова Дьеньи, наклонившись, коснулась его руки своими губами.

– Зачем вы это сделали? – спросил Широков. – Сейчас и тогда, на Кетью.

Чуть заметный серый налет покрыл щеки девушки.

– Это ваш земной обычай, – ответила она шепотом.

– Вы ошибаетесь, Дьеньи. На Земле существует обычай касаться губами (он не мог сказать «целовать», потому что такого слова не было на каллистянском языке) руки женщины. Но к мужчинам этот обычай почти не применяется.

– Почти? Значит, все-таки...

– Это в особых случаях. У нас на Земле, если мужчина и женщина любят друг друга,

они соединяют губы, – неожиданно для себя сказал он, испытывая острое желание осуществить на Каллисто древний обычай Земли. – Это называется у нас «поцелуем».

Чуть слышно скрипнула постель Синяева. Широков увидел, как его друг повернулся на бок, спиной к ним. Очевидно, Синяев также проснулся.

– Пьоце... – попыталась повторить Дъеньи, но из этой попытки ничего не вышло, и она рассмеялась. – Какой трудный ваш язык! Мне кажется, что я никогда не смогла бы овладеть им так, как вы овладели нашим. – Она вдруг вскочила. – Какая я невнимательная! Надо сообщить Гесьяню о том, что вы проснулись.

– Подождите, Дъеньи! – умоляюще сказал Широков. – Не все ли равно, сейчас или немного позже. Я знаю, что пробуждение от сна, вызванного вашим средством, безвредно. Посидите со мной немного.

– А как ваше сердце?

– Бьется совершенно нормально. Можете мне поверить. Ведь я врач.

Естественно-непринужденным движением Дъеньи протянула руку и положила ее на грудь Широкова точно на сердце. Она не ошиблась, как Бьинг.

– Ну нет, – сказала она, – ваше сердце бьется слишком часто. Я немедленно позову Гесьяня. И она ушла.

– А вот у меня, – сказал Синяев, поворачиваясь лицом к Широкову, – сердце бьется совсем спокойно. Почему она не проверила на мне?

– Не смейся, Георгий.

– Я не смеюсь. Дъеньи вернулась.

– Гесьянь сказал, чтобы вы лежали и по возможности не шевелились. Он и Бьинг сейчас прилетят.

– А Синьг?

– Да, и он тоже.

Одно мгновение она как будто колебалась, потом села у постели Синяева.

Вскоре явились врачи. Тщательный осмотр, по-видимому, удовлетворил их, и Широков с Синяевым получили разрешение встать.

– Выходить из дома в ближайшие дни я запрещаю, – сказал Бьинг.

– Хорошо, – ответил Широков. – Мы будем послушны.

Бьинг посмотрел на Гесьяня, и молодой каллистянин, очевидно, поняв значение этого взгляда, попросил Синяева и Дъеньи выйти с ним в соседнюю комнату.

Синяев охотно последовал за ним. Так же, как и Широков, он спал в пижаме, и ему не надо было одеваться.

– Вот что, Петя, – сказал Синьг, когда они остались втроем. – Мы хотим поговорить с вами как с врачом. Пока вы спали, мы провели обследование как вас, так и вашего товарища. Результаты неутешительны, хотя ничего, прямо угрожающего вашей жизни, мы не увидели. Но мы пришли к твердому выводу, что пребывание на Каллисто для вас губительно.

Широков не удивился, он ждал этого.

– Вы настаиваете на отлете на Кетьо?

– Пока нет. Мы знаем, что вы не хотите этого. Мы ищем способ сохранить для вас возможность остаться на Каллисто. И нам кажется полезным провести один опыт.

– Говорите!

– Вы, конечно, знаете, что такое профилактическая прививка?

– Разумеется.

– Бьинг предлагает сделать попытку привить вам иммунитет к лучам Рельоса.

– Разве такая вакцина существует? – обрадовано спросил Широков.

– Нет конечно. До сих пор в ней не было надобности. Да и вряд ли она может существовать.

– Тогда я не понимаю.

– Сейчас поймете. У меня сохранился анализ вашей крови. Помните, на звездолете я брал у вас кровь? Так вот, мы сравнили его с тем, который был получен сейчас, во время

вашего сна. Оказалось, что есть разница. Смотрите! Это анализ крови, полученный на звездолете, а это здесь. А вот анализ крови, взятой у каллистянина. Сравните их и сделайте выводы.

Широков внимательно рассмотрел поданные ему Синьгом листки с вычерченными на них разноцветными кривыми. Он уже научился понимать медицинский «язык» каллистян.

– Да, – сказал он, – вижу. В нашей крови появились элементы, которых раньше не было, но которые всегда имеются в крови каллистян. Это воздействие Рельоса, и именно оно опасно для нас, так как наш организм не умеет с ним бороться.

– Ваш вывод совпадает с нашим.

– Получается, что мы начали привыкать, но нашему организму нужно помочь. Вы хотите сделать переливание крови?

– Да. Бьиньг считает, что это может дать положительный эффект.

– А вы не опасаетесь?..

– Нет. Наша и ваша кровь совершенно идентичны по составу.

– Но вы же знаете. Синьг, – сказал Широков, – что у людей Земли кровь разных групп.

– Да, – вмешался до сих пор молчавший Бьиньг. – Мы это знаем. Так было и у каллистян в прошлом. Теперь у нас всех одна группа. Как она называется у них? – обратился он к Синьгу.

– Ньюливая, – почти на чистом русском языке ответил Синьг.

– Давайте попробуем, – сказал Широков. – Если вы уверены, что вреда не будет...

– Это исключается. Будет ли польза, увидим.

– Во всяком случае, это шанс. И много вы думаете перелить нам?

– Совсем немного, – ответил Бьиньг. – Не более... – он назвал меру, соответствующую пяти кубическим сантиметрам. – Если результат будет положительным, тогда повторим.

– Я готов.

– А ваш друг?

– Он, конечно, согласится. Ему не хочется покидать Каллисто, так же как и мне.

– Георгию перельем от Гесьяня, – сказал Синьг. – Он так хочет.

– А мне?

– Дьеньи просит взять ее кровь. Если вы не возражаете.

Огромным усилием воли Широков сумел остаться внешне спокойным. Он мгновенно вспомнил историю Каллисто, которую читал на звездолете. В давно прошедшие времена на планете существовал обычай – при свадебной церемонии жених и невеста обменивались своей кровью. Что это? Случайность? Или...

– Мне все равно чью, – ответил он.

– В таком случае приступим, – сказал Бьиньг. Профессиональное искусство каллистянских медиков было очень высоким. Не прошло и пяти минут, как совершенно безболезненная операция была закончена.

– Теперь лежать до утра, – приказал Бьиньг.

– Оставайтесь, Дьеньи, – попросил Широков, когда девушка вместе со всеми направилась к выходу. – Я хочу поговорить с вами. Недолго, – прибавил он.

Дьеньи вернулась и села в кресло у его постели.

Синяев вышел проводить остальных.

– Дьеньи, – сказал Широков, твердо решивший выяснить все до конца. – Зачем вы это сделали?

– Что?

– Зачем вы дали мне свою кровь?

Он был совершенно уверен, что она либо промолчит, либо ответит правду.

Любая девушка на Земле опустила бы глаза при таком вопросе. Дьеньи продолжала прямо смотреть на Широкова, но сквозь узкую щель век ее, глаза были не видны. Что можно прочесть в таких глазах?..

– Это долго рассказывать...

– Все равно, говорите! Прошу вас. Дьеньи кинула взгляд в сторону двери.

– Георгий не скоро вернется, – сказал Широков, уверенный, что будет именно так. – Если вы не хотите при нем...

– Я хотела бы только вам. Мне кажется, вы поймете меня.

– Я постараюсь, Дьеньи.

– Это немного смешно. Но я такая с детства. Ведь мой дед Рьиг Диегонь. Мечтой его жизни было достигнуть Мьеньи. Может быть, мне передалось это по наследству, но с ранних лет и я мечтала о вашем Солнце. Я мечтала о далекой звезде и ее планетах, была уверена, что мой дед не ошибается и у Мьеньи действительно есть планеты, населенные людьми, такими же, как мы. Еще не видя этих людей, не зная, как они выглядят внешне, я любила их. Странно, не правда ли? Так продолжалось всю мою сознательную жизнь. Я почему-то была уверена, что увижу людей оттуда, от Мьеньи. И вот это случилось. Как это прекрасно – осуществление мечты.

– Но мы оказались не такими, как вы нас представляли? – спросил Широков.

– Нет, я не могу этого сказать. Но я не помню теперь, как представляла вас раньше. Когда я вас увидела, мне показалось, что вы именно такие, о каких я мечтала. Вероятно, это не так. Но я забыла прежнее.

Она замолчала. Широков лежал неподвижно, взволнованный ее искренностью.

– Я люблю вашу Землю, – снова заговорила Дьеньи. – Всегда любила, хотя и не видела ее, а до последнего времени и не знала, существует ли она на самом деле. Люблю людей Земли. Ваши девушки мои сестры. Вы говорили, что у вас вся растительность зеленого цвета. Мне кажется это прекрасным. Зеленый цвет! Цвет нашей свободы. Земля! – произнесла она, почти правильно выговаривая это слово, но с невыразимой прелестью смягчая звуки русского языка. – Вы скоро вернетесь туда. Покинете Каллисто, и кто знает, увижу ли я еще раз людей Земли. И мне захотелось, чтобы вы унесли с собой, к вашему Солнцу, что-то от меня. Чтобы всегда это что-то было с вами, чтобы его нельзя было потерять. Вот и все. – Она порывисто встала. – Это смешно, я знаю.

– Дьеньи, – сказал Широков. – Кто мешает вам лететь с нами на Землю? Я хотел бы, чтобы вы всегда были со мной, – вырвалось у него.

Он с волнением ждал ее ответа. Ведь то, что он сказал, было признанием.

– Не говорите этого, – прошептала Дьеньи. – Может быть, у вас так принято, но у нас первой должна сказать девушка. Я сама скажу вам, когда придет время. Поймите меня!

И она быстро вышла из комнаты.

Широков закрыл глаза. Чувство бесконечного спокойствия наполнило все его существо. Он знал, был уверен, что правильно понял ее ответ.

Дьеньи уже сказала.

НА ЭКРАНЕ

Инъекция каллистанской крови не вызвала никаких осложнений. Широков и Синяев чувствовали себя на следующий день совершенно здоровыми. Но все же Бьинг повторил вчерашнее указание, – несколько дней они должны провести дома, не выходя на улицу.

– Больше двух месяцев мы находимся на Каллисто, – сказал Синяев, – но еще ничего не видели. Мы знаем о планете не больше, чем знали на Земле.

– Два месяца, – ответил Широков, – это еще не так много. Впереди шестнадцать месяцев. Я опасаясь, что мы вообще не увидим Каллисто.

– Ты думаешь, что переливание...

– Это только опыт. С равными шансами он может и удался и не удался.

– Тогда не будем терять времени. Каллистаны утверждают, что можно увидеть все, что угодно, не выходя из дома. По экрану. Воспользуемся этим способом. Произведем, так сказать, предварительное знакомство с Каллисто. Это нам не помешает, скорей наоборот,

если все опасения окажутся ложными.

– Не возражаю. Кто же будет руководить этой экскурсией?

– Конечно, наши друзья – Гесьянь, Бьесьи, Диегонь, Дьеньи...

– Если они не заняты.

– Мне кажется, что все наши знакомые считают своей основной работой обслуживать нас, – засмеялся Синяев. – Как просто у них получить трудовой отпуск.

– Это уже несправедливо. А разве у нас, на Земле, мы не получили такой отпуск для обслуживания каллистян? Чем ты занимался все девять месяцев их пребывания у нас?

– Упрек справедлив, – сказал Синяев. – Я сказал не подумав. Включай экран!

Гесьянь, очевидно, с кем-то говорил. Когда Широков назвал его имя, экран слегка потемнел.

– Рьиг Диегонь! – сказал Широков, вторично нажимая кнопку.

К экрану подошла Дьеньи.

– Отца и деда нет дома, – сказала она. – Я сейчас прилечу к вам. С большим удовольствием. Связь с Гесьянем не включалась долго.

– Держу пари, – сказал Синяев, – что он беседует о нас с Бьиньгом или другим каким-нибудь врачом. Ни о чем, кроме нашего здоровья, Гесьянь сейчас не думает.

– Принимаю пари, – ответил Широков. – На вечернее купание. Кто проиграет, ляжет спать без него. Синяев поморщился.

– Тебе будет трудно спать, – сказал он.

– Мне? Ничуть не бывало. Без купания ляжешь ты.

– Очень жесткое условие.

– Ага! – засмеялся Широков. – На попятный! Ну, так и быть. Если ты проиграешь, я прощу проигрыш из медицинских соображений.

Экран Гесьяня наконец освободился.

– Бьесьи нет, – сказал молодой врач. – Она улетела в Куссуди, к дочери. Я только что говорил с ней. Широков бросил на Синяева насмешливый взгляд.

– А вы?

– Ну, разумеется, прилечу к вам. Только, по-моему, надо пригласить инженера. Мне будет трудно давать объяснения по техническим вопросам.

– Потому мы и хотели Бьесьи, – сказал Синяев. – Кого же тогда?

– Позовите Линьга, – посоветовал Гесьянь. – Мьеньоня и Ньяньиньга нет в Атилли. Они отправились с Диегоном на остров – ракетодром, чтобы наблюдать за разгрузкой звездолета. Вы помните Линьга?

– Ну конечно! А разве он в Атилли?

– Должен быть здесь. Я сейчас узнаю. Подождите у экрана.

– Линьг! – сказал Широков. – Я рад, что с ним все благополучно. По-видимому, он не виновен в смерти Льети.

– Я спрашивал об этом Зивьеня, – сказал Синяев. – Они считают, что инженер Льети погиб вследствие своей собственной неосторожности. Самое интересное то, что этот вывод сделан на основании показаний самого Линьга, то есть лица, по нашим понятиям заинтересованного и, следовательно, не пригодного к роли судьи.

– Они не знают, что такое личная заинтересованность. Психология каллистян иная, чем у нас. Если бы Линьг был виноват, то сказал бы об этом.

– Удобно для следователей. Впрочем, у них нет никаких судебных органов.

– Когда-нибудь их не будет и у нас. Гудок вызова прервал разговор.

– Жаль, если Линьга нет в Атилли, – сказал Широков, нажимая нужную кнопку.

Но в «отверстии» исчезнувшего экрана они не увидели, как ожидали, Гесьяня, перед ними стоял сам Линьг.

– Приветствую вас, – сказал каллистянин. – Гесьянь передал мне, что вы хотите меня видеть.

– Да, – ответил Синяев. – Мы хотели попросить вас, если вы не очень заняты, приехать

к нам. Мы хотим совершить путешествие по Каллисто, не выходя из дома. Врачи запретили нам...

– Я знаю. Все, что касается вас, известно всем каллистянам.

– Так вот, мы хотим познакомиться кое с чем по экрану. Но мы не все поймем без объяснений инженера.

– Благодарю, что вспомнили обо мне.

– Это не мы, – машинально ответил Широков, бессознательно подражая манере каллистян. – О вас вспомнил Гесьянь.

– Но вы согласились?

– И даже с радостью.

– Тогда я сейчас буду у вас.

– Как ты думаешь, он не обиделся на меня? – спросил Широков, когда экран был выключен.

– Конечно нет. Они всегда так говорят.

– Да, – вспомнил Широков. – Ты проиграл пари. Купаться будешь только с моего согласия.

– Ты же простил.

– Я могу передумать.

– Ну, это уже не по-каллистянски, – сказал Синяев, и оба рассмеялись.

Дьеньи, Гесьянь и Линьг не заставили себя ждать. Они явились почти одновременно.

После взаимных приветствий все пятеро удобно устроились перед экраном.

– С чего мы начнем наше путешествие по Каллисто? – спросил Гесьянь.

– С Куссуди, – ответила Дьеньи. – Я хочу показать вам мою мать, – прибавила она, обращаясь к Широкову.

– Мы будем очень рады.

– Показать ее тебе, – сказал Синяев по-русски, – но не мне. А самое правильное – показать тебя ей.

– Георгий! – сказал Широков. – Если будешь продолжать в этом роде, не пуцу в бассейн. Она имела в виду нас обоих. Что такое Куссуди? – спросил он по-каллистянски. – Я уже слышал это название.

– Это детский город, – ответила Дьеньи. – Далеко отсюда. Я там выросла. Моя мать по специальности детский врач. Она постоянно живет в Куссуди.

– Это единственный детский город?

– О, нет! Их много.

– Дети обязательно живут в таких городах?

– Конечно не обязательно, но все дети живут там. Эти города построены специально для детей, и там есть все, что нужно ребенку. У меня остались чудные воспоминания об этом периоде моей жизни.

– А если родители не могут поселиться вместе с детьми?

– Обычно они этого не делают. Моя мать исключение. В детских городах много людей, посвятивших себя детям, любящих и умеющих работать с детьми. Разлука не тяготит никого. И мать и отец могут хотя бы ежедневно видеть своего ребенка и в любое время посетить его. Может быть, вам это непонятно, но мы привыкли к такому порядку вещей и находим его естественным. Ребенку нужно правильное воспитание.

– Нет, почему же? – сказал Широков, подумав, что немногие матери на Земле согласились бы на долготетнюю разлуку с детьми. – Понять можно.

Гесьянь нажал кнопку и произнес несколько слов. Экран «исчез», и перед ними появилась внутренность обширного зала. По размерам мебели было ясно, что она предназначена для маленьких каллистян. В зале никого не было.

– Сейчас время купания, – сказала Дьеньи. – Дети на берету океана.

– В ваших океанах нет опасных хищников? – спросил Широков.

– К сожалению, еще есть, и даже очень много, и очень опасных, – ответил Линьг. – Но

места для купания надежно ограждены.

– Синьг говорил, что нельзя заглянуть внутрь дома, пока не нажата ответная кнопка, – сказал Синяев.

– Это не частный дом.

В зал кто-то вошел. Это была женщина в белом платье. Когда она приблизилась, Широков сразу понял, что это и есть мать Дьеньи. Сходство между ними не оставляло сомнений.

«Почему вошла именно она? – подумал он. – Почему она не на берегу? Неужели Дьеньи договорилась с ней?»

Женщина подошла вплотную к экрану. Казалось, стоило протянуть руку, чтобы дотронуться до нее. Ее волосы были такими же белыми, как и платье. Матово-черное лицо странно выглядело в этой рамке.

– Здравствуйте! – сказала она, приветливо улыбаясь. – Рада вас видеть. Благодарю, что согласились исполнить желание Дьеньи.

«Так и есть», – подумал Широков.

– Мы хотели бы увидеть детей, – сказал Синяев.

– Для этого вам придется заглянуть к нам немного позже. Дети на берегу. Вы же знаете порядок, Дьеньи, – обратилась она к дочери.

– Я думала, что в этом случае...

– Свидание с гостями планеты взволнует детей, и они не будут спать после купания. Кто из вас Широков? – неожиданно спросила она, с трудом произнося русскую фамилию.

Синяев указал на своего товарища. Петр Аркадьевич почувствовал себя неловко, когда узкие глаза матери Дьеньи с пристальным вниманием обратились на него.

«Георгий прав, – думал он, молча позволяя рассматривать себя. – Она говорила обо мне с дочерью».

Он не знал, что сказать. Все это было очень странно, с земной точки зрения.

– Ваше имя Пьетя?

– Петр, – ответил Широков. – У нас на Земле имена часто произносятся по-разному, в зависимости от отношений между людьми.

– Рьиг Диегонь называет вас Пьетя.

– Да, он мой друг и гораздо старше меня. Я ничего не имею против, чтобы и вы называли меня так.

– Хорошо. А меня зовут Мьеньо. Широков вспомнил, что слышал уже такое имя от Диегоня несколько лет тому назад, на Земле.

– Если не ошибаюсь, – сказал он, – так зовут одну из дочерей Рьига Диегоня.

– Да, это верно. На Каллисто имена часто повторяются. Фамилии – никогда. – Она еще раз осмотрела Широкова с ног до головы пристальным, словно оценивающим взглядом, потом повернулась к дочери: – Соединитесь со мной, когда будете одна. Надеюсь, – прибавила она, обращаясь уже ко всем, – что сегодня увижу вас еще раз. Дети будут рады поговорить с вами. Теперь мне пора на берег.

– Даже чересчур откровенно, – сказал Синяев, когда экран был отсоединен от Куссуди. – Я даже не предполагал, что угадал так точно.

– Обижаться на них нельзя, – ответил Широков. – Таковы их понятия.

Ему было неловко перед Гесьянем и Линьгом, на глазах которых произошел этот эпизод, но оба каллистянина как будто ничего не заметили.

«Будем говорить прямо, как они сами», – решил Широков и, обратился к Дьеньи:

– Почему ваша мать обратила на меня такое особое внимание?

Дьеньи ответила с такой откровенностью, какой он не ожидал от нее:

– Потому, что я много говорила ей о вас. Вам должно быть понятно почему. Широков смешался.

– Что показывать дальше? – выручил его Гесьянь.

– Не знаю.

– Можно соединиться с какой-нибудь станцией погоды? – спросил Синяев.

– Вообще нет, но вам можно. Включаю дежурную станцию Атилли.

«Открылось окно» в большую, просто обставленную комнату. Несколько кресел, стол. Вдоль стен стояло много не то шкафов, не то каких-то ящиков, по-видимому металлических. Между ними находились экраны. Синяев не заметил ни одного прибора, ни одного аппарата, которые, по его представлениям, обязательно должны были находиться на такой сугубо технической станции. Обыкновенная комната с несколько необычной обстановкой – и только.

В ней находилось двое. Один стоял склонившись над столом, рассматривая не то план, не то какую-то схему, другой что-то делал у одного из шкафов. Оба повернулись, привлеченные звуком вызова, а когда увидели, кто вызывает их, подошли к экрану.

– Наши гости, – сказал Линьг, – хотят познакомиться с вашей работой.

– Мы будем рады помочь им в этом, – ответил один из дежурных.

Это были инженеры погоды, как называлась на Каллисто их специальность.

Разговор продолжался долго, но его вел один Синяев. Широков не задал ни одного вопроса. Он внимательно слушал даваемые объяснения, следил за демонстрацией вызова дождя, но несколько часов спустя попросил Синяева рассказать, что именно им говорили.

Мысли Петра Аркадьевича были далеки от вопросов погоды.

Экран перенес их в Институт архитектуры. Здесь они встретились с людьми, проектирующими новые города, которые должны были появиться на новом, сейчас еще пустом месте. Им показали планы, макеты, рисунки зданий.

Широкову и Синяеву Атилли казался городом дворцов, но в сравнении с тем, что должно быть построено, он был довольно скромным.

– Почему вы проектируете исключительно роскошные здания? – спросил Синяев. – Мне кажется, что и более скромный дом может удовлетворить человека. И почему ни один дом не похож на другой?

– Все, что окружает человека, – ответили ему, – должно быть красиво. Это делает жизнь приятнее. А вкусы у людей разные. На Каллисто еще не все красиво. Мы стремимся к тому, чтобы все города перестроить по-новому. Чем лучше жизнь, тем больше возрастают потребности.

– Где же предел этим потребностям?

– Пока его не видно. Да и вряд ли он может быть достигнут.

– Теперь покажите какое-нибудь строительство, – попросил Синяев. – Хотя бы дома.

Гесьянь соединился с дежурным по сектору и поговорил с ним.

– В Атилли сейчас ничего не строится, – сказал он. – Придется немного подождать. Нас соединят со строительством нового завода, недалеко отсюда.

– А почему нужно ждать?

– На строительной площадке нет экрана. Но его установят очень быстро.

– Зачем же такое беспокойство? Мы рады посмотреть что-нибудь другое.

– Никакого беспокойства нет. Мы рады доставить вам удовольствие. Ждать придется недолго.

Линьг стал рассказывать о способах производства. Его рассказ был настолько интересен, что Широков забыл все свои мысли и слушал так же внимательно, как и Синяев, у которого не было причин задумываться о посторонних вещах.

По словам Линьга получалось, что все производимое на планете – предметы обихода, средства транспорта, одежда, продукты питания, сами машины, – все изготовлялось без участия человека.

Невольно создавалось впечатление, что человеку нечего делать на планете, отданной во власть «умных» машин.

Линьг улыбнулся, когда Широков вслух выразил эту мысль.

– В этом впечатлении, – сказал он, – виновато мое изложение. Я говорю как инженер. Ничего подобного, конечно, нет и не может быть. Как бы ни была сильна машинная техника,

как бы мы ни автоматизировали производство, человек был, есть и всегда будет главной движущей силой прогресса. Никакая самая «умная» машина не может заменить творческого разума. Никак не может создаться положение, при котором человеку нечего будет делать. Можно создать машину, целый завод, который будет работать практически бесконечно, без вмешательства человека. Но такой завод будет выпускать всегда одно и то же. Очень непривлекательна станет жизнь, если все, что вас окружает, всегда будет одно и то же. Это не жизнь. У нас все меняется, и меняется часто. Очень многое в современной жизни нас не удовлетворяет. Машина – помощник, но не более.

Примерно через полчаса раздался сигнал вызова. Нажата кнопка, и перед ними оказалась панорама строительства завода.

Экран установили на возвышенном месте, откуда можно было хорошо рассмотреть почти всю площадь, занятую этим строительством.

Оно, очевидно, только начиналось. Стен еще не было. Тянулись вдаль бесконечные линии заложеного фундамента, и по ним легко было представить себе грандиозную величину будущего здания.

Сотни машин совершенно непонятной конструкции двигались во всех направлениях и трудились как будто самостоятельно – ни одного человека возле них не было. Машин переносили строительный материал, складывали его на нужных местах.

Картина менялась буквально на глазах. Кое-где начали вырастать стены. Только что была земля, но прошло несколько машин – и вместо земли – пол из разноцветных плит.

– Неужели на постройке никого нет? – спросил Синяев.

– Не знаю, как в данном случае, – ответил Линьг. – Обычно, если проектировал человек, то он и руководит работой, хотя это и не обязательно. Если же проектировала фитьзели, (Фитьзели – машина, управляемая электронным «мозгом») то она и наблюдает за другими машинами.

– Фитьзели проектирует самостоятельно?

– Да, ведь это завод, и, очевидно, самый обычный.

– И все строительство закончится без участия человека?

– Нет. Внутреннюю отделку и установку механизмов произведут люди. Конечно, с помощью специальных машин. Автоматически возводится только само здание. По проекту.

– Но кто-то должен следить за соответствием проекта выполнению?

– Это делает фитьзели. В нее заложен проект, и она не допустит ни малейшего отклонения. Все машины, – Линьг показал на экран, – подчинены одной и выполняют ее указания точнее и лучше, чем могли бы это делать люди.

– Они очень разумны, – сказала Дьеньи. – И хорошо понимают друг друга.

– Полное торжество кибернетики, – заметил Синяев.

– Постройка идет непрерывно? – спросил Широков.

– Конечно, днем и ночью. Машинам отдых не нужен.

НА ЭКРАНЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

– Вероятно, мы не сможем увидеть полевые работы? – спросил Синяев. – Насколько я понимаю, на Каллисто овощи и фрукты не синтезируются, а выращиваются в естественных условиях.

– Да, – ответил Линьг, – на полях нет экранов. Но общая картина этих работ напомнила бы вам только что виденное строительство. Разве что на полях значительно меньше машин.

– А почему?

– Да только потому, – засмеялся инженер, – что каллистяне любят работать в поле или в саду. Нам это доставляет удовольствие. Поэтому многое из того, что может делать машина, мы делаем своими руками.

– Кстати, – спросил Широков, – есть у вас небольшие города с сельскохозяйственным

населением?

– Есть конечно. Но большинство городов расположено по берегам океана. До любого пункта внутри материка можно долететь за короткое время. Морской воздух полезнее для человека. Но многие живут вдали от моря. Вкусы людей бесконечно разнообразны.

– А можно связаться с кем-нибудь из таких?

– Наверное, можно. Экраны есть в любом доме, где бы он ни находился. Я сейчас узнаю.

– Я могу предложить, – сказала Дьеньи, – соединиться с братом моего отца – Льином Диегоном. Он живет в самом центре этого материка, среди большого леса.

– Очень хорошо, – сказал Широков. – Мы будем рады познакомиться с вашим родственником, Дьеньи. Он кто? Я имею в виду специальность.

– Художник и скульптор. Это человек, любящий одиночество, но он будет рад увидеть вас.

Она наклонилась к экрану, нажала кнопку и произнесла имя.

Экран оказался занят.

– Он скоро освободится, – сказала Дьеньи. – Мой дядя не любит долго разговаривать. К вам это не относится, – прибавила она. – Все каллистяне с удовольствием будут говорить с вами.

– Объясните мне одну вещь, – сказал Синяев. – Я помню, что на Каллисто не может быть двух человек, носящих одинаковые имена и фамилии. Но ваша мать, Дьеньи, носит то же имя и ту же фамилию, что и ваша тетка. Как это понять?

– Вы ошибаетесь. Фамилия моей матери – Ельянь.

– Но она сказала, что имена могут повторяться, а фамилии никогда. Но я вижу, что людей, носящих фамилию Диегонь, очень много.

– Она имела в виду совпадение имен и фамилий. Этого никогда не бывает, разве что после смерти кого-нибудь другой родственник получит то же имя.

– Женщины никогда не меняют фамилий?

– Ни женщины, ни мужчины. Зачем это? Какой в этом смысл?

– У нас дело обстоит иначе.

– Я знаю. Но пора повторить вызов.

Экран Льины Диегона был уже свободен. Перед ними появилась комната в доме каллистянского «отшельника». Перед экраном стоял человек, удивительно похожий на Рьига Диегона. Тот же рост, те же черты лица. Если бы Широков и Синяев не знали, кто стоит перед ними, они легко могли ошибиться и принять его за своего старого друга.

– Извините нас, – сказал Широков, – за то, что мы нарушили ваш покой. Но Дьеньи сказала, что вы не будете сердиться на нас.

– И в этом она совершенно права, – ответил Льино Диегонь. – Вы доставили мне огромное удовольствие. Думаю, что вас побудило к этому желание увидеть человека, живущего вдали от городов, и Дьеньи указала на меня.

– Вы угадали.

– У меня только один экран. Кроме этой комнаты, вы ничего не сможете увидеть. А эта комната, – он указал рукой вокруг, – ничем не примечательна. Это моя мастерская.

Он мог бы не говорить этого. Обстановка ясно показывала характер занятий ее владельца. Всюду стояли скульптуры – законченные и находящиеся еще в работе. На стенах висели маски, совсем как в мастерской земного ваятеля. Было много картин. По тому, что они могли видеть, Широков и Синяев поняли, что Льино Диегонь художник-пейзажист.

– Впрочем, – прибавил хозяин, – дом не представляет для вас никакого интереса. Он мало чем отличается от домов Атиллы. Меньше размеры.

– Вероятно, мы оторвали вас от работы? – спросил Широков, заметив, что руки Диегона испачканы красками.

– Это не имеет значения. – Он подвинул к экрану кресло и сел. – Если у вас есть вопросы, я готов отвечать вам.

– Вы сказали, что дом ничем не отличается от домов Атиллы. Но вы, вероятно, не имели в виду, например, доставки продуктов? – спросил Синяев.

– Каких продуктов?

– Питания. Завтраки, обеды, ужины.

– Почему же? Все это мне доставляется так же, как и вам.

– Откуда?

– Из ближайшего города. Только мне приходится ждать немного дольше.

– Какое расстояние до ближайшего города?

– Не знаю точно. Километров восемьсот.

– Доставка производится на олити?

– Нет. Так же, как вам, по обычной автоматической сети. Я вижу, вас смущает расстояние. Это не имеет значения. Когда я построил этот дом, мне провели все, что нужно для доставки питания, морской воды для бассейна и всего, что мне может понадобиться. Летать в город у меня нет времени. Доставляющие механизмы достаточно мощны, расстояние их не смущает.

– Нет, – сказал Синяев, – я думал о другом. Но это не важно. Чем вы занимаетесь в свободное время?

– У меня есть большой сад. Я работаю в нем. Физический труд – хороший отдых.

– С помощью машин?

– У меня их нет.

– Ваш сад велик?

Льинь Диегонь назвал цифру, соответствующую квадратному километру.

– Такая площадь должна отнимать много времени. Например, поливка...

– Этим мне незачем заниматься. Когда саду нужна поливка, я сообщаю на станцию, и мне дают дождь.

– Я забыл об этом, – сказал Синяев. – Но уход за деревьями?

– Справляюсь, – коротко ответил каллистиянин.

– А уборка урожая?

– Ее производят другие. Фрукты увозят.

– Кто?

– Не знаю. Мое дело сообщить, что время уборки наступило, а кто прилетит за фруктами, – зачем мне это знать?

Диегонь говорил как будто недовольным тоном. Можно было подумать, что вопросы ему неприятны. Но ни Широкову, ни Синяеву такая мысль даже не пришла в голову. Они очень хорошо знали, что если бы Диегонь не хотел говорить с ними, то сказал бы об этом не задумываясь.

– Как вы работаете? – спросил Широков. – Я говорю о вашей основной работе.

Как по волшебству, выражение лица хозяина изменилось при этом вопросе. Он оживился, и в тоне ответа уже нельзя было заподозрить скуки.

– Вероятно, вы подразумеваете не как, а над чем я работаю? Вот смотрите!

Он подошел к чему-то, стоявшему посередине мастерской, и откинул темное покрывало.

– Обычно я не показываю свою работу до ее завершения. Но вам могу показать.

Это была огромная картина, но выполненная не кистью, а резцом по материалу, похожему на мрамор бледно-розового цвета. Скульптура изображала лес на берегу реки. Очевидно, Диегонь пользовался красками или чем-то другим, потому что вода в реке была окрашена в естественный цвет и так прозрачна, что можно было видеть камни на дне. Деревья были еще едва намечены. Мастерство исполнения было высоким.

– Куда предназначается эта скульптура? – спросил Синяев.

– Пока никуда. Но если она понравится, то ею украсят какое-нибудь здание или комнату в детском городе.

– Я думаю, что она не может не понравиться, – сказал Широков. – Это очень красиво.

– Благодарю вас, – сказал Диегонь. – Но судить еще рано.

Он снова закрыл свою работу и подошел к экрану.

– А вы занимаетесь скульптурными портретами?

– Иногда. Но это не моя специальность. Я люблю изображать природу. – Он обернулся, словно ища что-то. – Вот, например!

Перед экраном появился небольшой бюст из черного камня. Он изображал несомненно Дьеньи, но только в детском возрасте.

– Узнаете? – спросил Диегонь.

– Да, конечно. Очень хорошо выполнено.

Художник пренебрежительно махнул рукой.

– Это не искусство, – сказал он. – Подобный портрет можно изготовить за один час. Если хотите, я покажу вам, как это делается.

Разумеется, Широков и Синяев тотчас же выразили свое согласие.

Диегонь пододвинул к экрану небольшую машину. Она была на маленьких колесиках и легко передвигалась. По внешнему виду это был прямоугольный ящик.

Художник пристально всмотрелся в лицо гостей Каллисто.

– Ваша голова, – обратился он к Синяеву, – труднее, чем у вашего товарища. Поэтому, если не возражаете, я изготовлю ваш портрет.

– Конечно не возражаю, – ответил Синяев.

И вот меньше чем за час была создана из белого камня голова Синяева. Каллистанский скульптор действовал совсем не так, как обычно работают скульпторы. Вложив кусок камня в машину, он затем на плотных листах нарисовал голову Георгия Николаевича с трех сторон и вложил эти листы в ту же машину. Не прошло и десяти минут, как бюст был уже готов. Машина по рисункам выточила его из камня. Но первый оттиск не удовлетворил Диегоня. Он вложил камень обратно и принялся исправлять рисунки. Так повторилось несколько раз. В конце концов получился точный портрет, поражающий тонкостью работы.

– Подарите мне эту скульптуру, – попросил Синяев.

– Лучше приезжайте ко мне, и я создам настоящий портрет, – ответил Диегонь. – Мне надо узнать вас ближе. Этот бюст мертв. В нем нет выражения. Я не знаю вашего характера, вкусов. Вы для меня незнакомый человек. Сравните с портретом Дьеньи, он выполнен тем же способом.

Действительно, разница бросалась в глаза даже для неискушенного человека. Портрет Синяева был маской, очень похожей, но только маской. На лице юной Дьеньи было выражение мечтательности, которое художник, очевидно, считал характерной чертой своей племянницы. Это лицо было живым.

– Все же, – сказал Синяев, – я повторяю свою просьбу. Мне хочется иметь этот бюст на память о нашей встрече.

– Если вы хотите, – ответил Диегонь, – вы его получите. Я пришлю его вам. А теперь прощайте. Меня ждет работа. Если вы еще раз соединитесь со мной, я буду рад.

Гесьянь выключил экран.

– Одно меня удивляет, – сказал Синяев, – это то... Предположим, – обратился он к Линьгу, перебивая сам себя, – что мне вздумалось бы поселиться в самом глухом месте, где-нибудь в горах...

– Там живут.

– Так неужели бы ради меня одного стали бы проводить сети труб для снабжения?

– Разумеется.

– А вам не кажется, что производить такую работу ради одного человека нерационально?

Четверо каллистан переглянулись. Вопрос, очевидно, показался им непонятным.

– Вы же не удивляетесь, что в этом доме, где вы живете, все это есть? – мягко спросил Линьг.

– Здесь город. В нем живут миллионы людей, пусть даже тысячи.

– Но в этом доме живут не миллионы и не тысячи. Вы могли бы жить тут и один.

– Не знаю, право, как пояснить вам мою мысль. Здесь, в Атилли, много домов. Провести трубы в один или в десять, в сто – разница небольшая. Я имею в виду затрату времени и материалов. Но вести эти трубы за сотни километров ради одного человека – это другое дело. В один дом...

– Но ведь в этом доме живут люди, не правда ли? – спросил Гесьянь таким тоном, каким говорят с человеком, не желающим понять очевидной истины. – Разве эти люди не имеют права на то, чем владеют остальные?

– Мы привыкли все расценивать на деньги, – сказал Широков по-русски. – У них материалы не имеют цены. Потребности человека – единственное мерило.

– Прихоть одного человека, – продолжал Синяев, не слушая Широкова, – еще не причина производить огромную работу. Если человек хочет жить вдали от коллектива, то пусть сам доставляет себе то, что ему нужно.

– Работа, насколько я знаю, совсем не такая большая, – сказала Дьеньи.

– Ее производят машины, – добавил Линьг. – А материалов на Каллисто достаточно для чего угодно.

– Что будем смотреть дальше? – спросил Георгий Николаевич, видя, что в этом вопросе им не понять друг друга.

– По-моему, пора обедать, – сказала Дьеньи. – Я голодна.

– Да, верно, и я голоден, – поддержал ее Широков. – Идемте в бассейн. Надо освежиться и отдохнуть.

– Может быть, нам лучше оставить вас? – спросил Гесьянь. – Мы можем вернуться позже.

«Бьинг просил не утомлять их, – подумал он. – Но как узнать, насколько они устали? Я все еще плохо понимаю выражение их белых лиц».

– Нет, пожалуйста, оставайтесь с нами, – попросил Широков.

Ему очень не хотелось, чтобы Дьеньи ушла. Стараясь делать это незаметно, он все время любовался девушкой. В ее присутствии он чувствовал себя как-то особенно хорошо.

– Мы охотно останемся, – ответил Гесьянь. – Я думаю, что вам нужен отдых.

– Вы нам не мешаете.

После купания, как всегда влившего в них новые силы, все перешли в столовую.

Гесьян порекомендовал после обеда полежать часа два, но Широков и Синяев отказались. Им хотелось продолжить «путешествие». Экран давал настолько полную и реальную картину, что это создавало иллюзию действительного путешествия. За один день они узнали о Каллисто больше, чем за два предыдущих месяца.

– Что вы хотите увидеть? – спросил Гесьянь, когда все снова устроились возле чудесного «окна».

– Если возможно, завод, – ответил Синяев.

Нажата кнопка, произнесены нужные слова, и вот перед ними появился заводской цех.

Идеальная чистота, полная тишина, не видно ни одного человека.

Гигантский зал полон машин. Но где они? Тянутся далеко в глубину ряды труб, стоят странной формы не то кубы, не то многогранные шары.

– Это и есть машины, – сказал Линьг.

Никакого движения.

– Что изготавливает этот завод?

Гесьянь переключил экран.

Большое и очень высокое помещение, без крыши. Видно небо. Оно, как всегда, безоблачно. В Атилли дождь редко бывает нужен. На полу стоят крупные олиты. Движущиеся машины грузят на них пакеты с изображением зеленой звезды. Загруженные олиты взлетают, на их место опускаются новые. Работа идет без перерывов. И снова не видно ни одного человека.

– Завод медикаментов, – сказал Линьг. – Их только два на всей Каллисто.

– Их продукции хватает на все население? – с профессиональным интересом спросил Широков.

– Даже с излишком. Время от времени приходится останавливать завод, а то и оба сразу.

– Кто это делает?

– Дежурный по сектору, по указанию поста Каллисто.

– Почему на олити нет людей? – спросил Синяев.

– Это грузовые машины. Они перевозят продукцию с завода на склады. Люди не нужны, управляют автоматы. Маршрут всегда один и тот же.

– На заводе совершенно нет людей?

– Есть дежурные механики. Что-нибудь может испортиться.

Гесьянь снова переключил экран. Появилась небольшая, хорошо обставленная комната, точно где-нибудь в жилом доме. У стола в мягких креслах сидели шестеро каллистян. Перед ними находились экраны, на которых виднелись цеха завода. Но, прежде чем Широков и Синяев успели рассмотреть дежурную комнату, экран «погас», то есть опять появился перед ними.

– Нельзя отвлекать их внимание, – сказал Линг. – Тем, что показали вам это помещение, мы нарушили правило. Соединяться с механиками имеет право только дежурный по сектору.

– Они нас даже не заметили.

– И не могли, – сказал Гесьянь. – Я не давал сигнала.

– Как они узнают, что где-то произошло повреждение? – спросил Синяев.

– Машины сами вызывают механика. Мы могли бы посмотреть, как это делается, но боюсь, что придется сидеть перед экраном долгие дни, так как повреждения редки. Большинство мелких неполадок машина исправляет сама на ходу, не прекращая работы. Кроме того, существуют автоматические «механики», вроде тех, что убирают комнаты. Они умеют исправлять определенные повреждения без участия человека.

«Путешествие» продолжалось.

Один за другим на экране появлялись заводы – одежды, обуви, мебели, олити...

Всюду одна и та же картина.

Длинные залы, блистающие безукоризненной чистотой, трубы, непонятной формы машины, полная тишина.

Автоматические конвейеры, непрерывно выдающие поток вещей. Грузовые, никем не управляемые олити взлетают, садятся, снова взлетают.

Могучая река днем и ночью «затопляет» планету бесчисленным количеством разнообразной продукции.

– Хватит! – сказал наконец Синяев. – Довольно заводов. От всего этого голова кругом идет.

– Да, хватит, – со вздохом повторил Широков. «Далеко нам до такого развития автоматике и такого изобилия. Но все это у нас обязательно будет».

– Может быть, вообще хватит? – спросил Гесьянь. – Возобновим осмотр завтра.

– Покажите нам какое-нибудь зрелище, – попросил Широков. – Надо разнообразить впечатления.

– У вас есть театры? – спросил Синяев.

– Были. Но теперь в том смысле, как у вас, нет. Все представления фиксируются на пленку.

Линг не сказал: «пленка». Такого слова у каллистян не было. Изображения и звук записывались на дисках, отдаленно напоминающих патефонные пластинки, очень маленькие по размерам.

– Значит, мы можем увидеть любое представление, когда бы оно ни было исполнено?

– Вообще, да. Но станции передают определенную программу. Она достаточно разнообразна. Если же вы хотите посмотреть то, что сегодня не передается, то стоит только

соединиться с архивом.

Появилась «программа». Точно огромный газетный лист, неподвижно и отчетливо на месте, где был экран, висело перед ними расписание передач. Здесь было более двухсот названий.

– Существуют у вас газеты? – спросил Синяев.

– Таких, как у вас, уже нет давно. Но в любой момент вы можете узнать все новости на планете с помощью этого экрана. Он заменяет нам ваши газеты. Любой выпуск можно прочесть когда угодно, хотя бы через несколько лет.

– Это довольно удобно, – сказал Широков.

Его и Синяева не удивляла осведомленность Линьга о Земле, на которой он не был. Они знали, что на всей Каллисто буквально зачитывались книгой Бьяиния «Планета Земля», которая вышла недавно в фантастическом количестве экземпляров. Они сами помогали ему писать эту книгу еще в пути, на звездолете.

По совету Дьеньи, они прослушали музыкальный спектакль, что-то вроде оперы. Но артисты не пели, а говорили под аккомпанемент инструментальной музыки. Для Широкова и Синяева музыка звучала странно, а сюжет они плохо поняли.

После ужина, когда зашел Рельос и ночь раскинула над Атилли свой звездный узор, они вынесли кресла на террасу.

Широков сел рядом с Дьеньи.

«Лун» еще не было. Они должны были взойти позже. В темноте лицо Дьеньи было почти невидимо.

Широков вдруг вспомнил, как четыре года тому назад (но одиннадцать с половиной по земному счету) вот так же ночью он сидел с Диегоном, дедом Дьеньи, у входа в палатку, в лагере под Курском, и слушал его рассказ о Каллисто. Мог ли он думать тогда...

Он повернулся, желая рассказать ей об этом далеком эпизоде, но никого не увидел.

Дьеньи исчезла...

Исчезли все, кто был на террасе, и сама терраса...

Волна холода прошла от сердца вверх, к голове...

ПРИКАЗ РОДИНЫ

Равнина, покрытая зеленой травой.

Зеленый лес на горизонте.

Голубое небо, на котором совсем как Солнце сияет далекий Рельос.

Все похоже на Землю, все ласкает глаз привычным, знакомым с детства сочетанием красок.

Кучевые облака над лесом, прохладный ветер, проникающий через открытое окно, нормальная температура воздуха – все «земное»...

Отчего же острое чувство тоски не покидает Широкова?..

Где-то далеко, в безднах неба, осталась Каллисто – чудесная планета, мир будущего!

Совсем не похожая на Землю, она с еще большей силой, чем прежде, влечет к себе.

Два коротких месяца – и дверь прекрасного мира, прежде чем он успел войти, закрылась перед ним. Осталось только воспоминание, вызывающее тоску и горечь неосуществленного желания.

Когда случайно залетевший на Сетито космический корабль покидал ее, Широков жалел, что не увидит больше эту планету, столь похожую на Землю, а теперь, когда он снова находился на ней, проклинал неожиданную и непредвиденную болезнь, заставившую его покинуть Каллисто.

Сетито, несмотря на ее сходство с Землей, казалась ему отвратительной, как насмешка.

С тяжелым вздохом он отвернулся от узкого окна и бросился в кресло.

Он был один в доме на холме, в том самом, который они с Синяевым так недавно

рассматривали с огромным интересом как первую каллистянскую постройку, увиденную ими.

Сейчас, после дворцов Атиллы, этот дом казался Широкову донельзя жалким.

Синяев отправился с Гесьянем и Бьесьи фотографировать окрестности холма и реку, а если удастся, то и пресмыкающихся.

«Вот, как ни храбрился Георгий, – думал Широков, – но и ему пришлось оказаться здесь. Все случилось не так. Но, может быть, еще не все потеряно, – пытался он утешить себя, – может быть, все обойдется? Мы вернемся на Каллисто и закончим знакомство с нею. Разве не может случиться так?»

Все, что произошло в ту роковую ночь, врезалось ему в память, и он вспоминал о ней с чувством обреченности.

Как врач он знал, что все потеряно, но как человек – возмущался и негодовал на злую шутку, которую сыграла с ним судьба.

Тогда, после вторичного обморока, у его постели состоялся консилиум. Широков сам принимал в нем участие, консультируя каллистянских врачей по вопросам нормальной работы человеческого организма.

Пятеро врачей, во главе с Бьингом, подвергли его тщательному и всестороннему осмотру.

Приговор был единогласным.

– Единственное, что может вас спасти, – это немедленное возвращение на Землю, – высказал решение консилиума Бьинг. – Прививка каллистянской крови не дала ожидаемого эффекта, а может быть, принесла даже вред.

– Значит, людям Земли закрыт доступ на Каллисто?

– Нисколько не значит. Мы сговоримся с медиками Земли. Перед отлетом к нам звездоплыватели будут проходить специальную подготовку, а затем длительный карантин на Сетито и Кетьо. И только тогда прилетать на Каллисто. С вами этого не было сделано. Теперь уже поздно.

– Но ведь я-то совершенно здоров! – в отчаянии воскликнул Синяев.

– Вы так думаете, но ошибаетесь. Просто вы крепче своего друга. Разденьтесь! Вместе с ним мы обследуем вас, и пусть он сам скажет, что мы увидим.

Это был урок каллистянской медицины, и Широков с профессиональным интересом вспоминал многочисленные приборы, с помощью которых под руководством Бьинга он проверил работу всех внутренних органов в теле Синяева. Отличительной особенностью этих приборов была возможность зрительно видеть процессы, которые врачи обычно только слышат или осязают.

Результат исследования поразил Широкова. Несмотря на внешние признаки здоровья, Синяев несомненно был болен. Особенно пострадавшим оказались сердце, периферические нервы и почки. Широков нашел все признаки нефрита, за исключением отеков на лице. Казалось, что в организм его друга (а значит, и в его собственный) проник какой-то яд. Он хорошо знал, что у Синяева никогда не было нефрита. Состав и давление крови также вызывали тревогу.

– Это не яд, – пояснил Бьинг, – а результат воздействия лучей Рельоса. Вы видите теперь, к чему привело неподготовленное пребывание на Каллисто. Этого не учли ни ваши, ни наши ученые. Дальше будет еще хуже. Возвращайтесь на Землю.

– Попробуем сделать еще одну, последнюю попытку, – взмолился Широков. – Отправьте нас на Сетито. Может быть, длительное пребывание на ней вылечит нас.

– Отправиться на Сетито вам все равно придется. Звездолет не готов к полету на Землю. Поверьте, мы не меньше вас хотим, чтобы вы вернулись к нам. Посмотрим!

– Нет! – внезапно сказал Синяев. – Я чувствую себя здоровым и никуда не полечу. Я явился на Каллисто для того, чтобы изучать жизнь на ней, и буду продолжать делать это, пока возможно. Мне очень жаль, что Петя заболел и нам придется временно расстаться. Пусть он летит на Сетито, а затем возвращается. Я буду ждать его здесь.

– Это неразумно, Георгий, – сказал Широков. – Мы вылечимся на Сетито и вернемся.

– Я не верю в ее целительную силу.

– А если мне придется лететь на Землю?

– Тогда другое дело. На Землю мы вернемся вместе.

Бьинг, Гесьянь и Широков пытались переубедить упрямого астронома, но без успеха.

Синяев наотрез отказался лететь с Широковым.

– Поймите! – сказал он. – Я не имею права на это, пока держусь на ногах. Петя говорит так потому, что он врач, а на моем месте он поступил бы так же.

– Ну, как хотите, – сказал наконец Бьинг. – Оставайтесь здесь.

– Со мной ничего не случится. Не буду выходить из дому в середине дня. Вот и все.

Как только решение было принято, Бьесьи предложила доставить Широкова на Сетито на своем звездолете.

– Корабль и его экипаж готовы к старту.

Состояние Широкова оставалось тяжелым, и было решено, что он немедленно вылетит на ракетодром, чтобы быть там до восхода Рельоса.

– Не сердись, что я отпускаю тебя одного, – сказал Синяев, обнимая Широкова. – Но я не могу поступить иначе.

– Я не сержусь, но ты поступаешь неправильно, оставаясь на Каллисто.

– Там видно будет.

– Не печальтесь разлукой с другом, – прощаясь, сказал Бьинг. – Очень скоро он присоединится к вам.

Скоростная олити за тридцать пять минут преодолела расстояние от Атиллы до ракетодрома.

Еще не взошел Рельос, когда управляемый Бьесьи звездолет оторвался от оранжевого острова и устремился в далекий путь. Кроме Широкова и четырех членов экипажа на его борту находились Синг, Леньинг и Ресьинь. Широков, таким образом, оказался под наблюдением четырех врачей.

До Сетито долетели без всяких происшествий.

Предсказание Бьинга сбылось даже скорее, чем ожидал Широков. Они спустились возле холма, на котором стояла бьеньетостанция, перед самым рассветом, а вечером того же дня прилетел второй звездолет, на котором оказались Линг, Вьеньянь, незнакомый Широкову врач – Гедьоньинг и... Синяев.

Он сам рассказал Широкову, что почти сразу же после восхода Рельоса почувствовал себя плохо, а вскоре потерял сознание, и его решили отправить на Сетито против воли. Очнулся он уже на борту корабля, на расстоянии многих миллионов километров от Каллисто.

– Мне очень совестно, – закончил он свой рассказ, – что из-за моего упрямства им пришлось отправить на Сетито второй корабль.

– Упрямство до добра не доводит, – пошутил Широков, радуясь, что они снова вместе.

– Самое обидное, что мы не увидим ответ Земли. Это историческое событие произойдет без нас.

– До ответа еще много времени. Или ты не веришь, что мы вернемся на Каллисто?

– А ты веришь? Нет, Петя, Бьинг прав, Каллисто мы больше не увидим.

– Да, похоже, что так, – вздохнул Широков.

Дьеньи, как член экипажа корабля Линга, была здесь. Ее постоянное присутствие радовало и одновременно мучило Широкова. Он знал, что скоро покинет Сетито, улетит на Землю. Ни одну девушку он не любил так, как Дьеньи. Но разве согласится она покинуть Каллисто, мать, отца и последовать за ним? Конечно нет!

Ее обещание «сказать» было дано тогда, когда все считали, что он и Синяев пробудут на Каллисто несколько лет. А теперь...

На этот счет у Широкова не было ни малейшего сомнения.

Они поселились в домике бьеньетостанции. Тут же жили Синг и Леньинг. Остальные

поселились на звездолетах, которые остались на Сетито. Экипажи твердо решили, что останутся здесь со своими друзьями до конца.

Потянулось время, мучительно медленное.

Ежедневно Широков и Синяев должны были проходить специальные процедуры. Сложные аппараты для них были доставлены на Сетито Линьгом.

Бьеньетостанция оранжевого острова по два раза в день запрашивала о здоровье гостей Каллисто, передавала бесчисленные приветы. Часто при посредстве Ленъиньга они говорили с Диегоном, Мьеньбонем, Женьсиньгом.

Волны теплой дружбы шли от Каллисто к Сетито и обратно.

Так прошло три земных месяца. Здесь это составило сто четырнадцать суток.

Состояние здоровья Широкова и Синяева не ухудшалось, но и не становилось лучше. Врачи не скрывали тревоги. Ослабленные расстоянием лучи Рельоса оставались лучами Рельоса, а не Солнца, которое одно могло полностью излечить их. Надежды на акклиматизацию явно не сбывались.

– Мне кажется, что дальнейшая задержка только повредит вам, – сказал Гесьянь. – Разрешите сообщить на Каллисто, что вы согласны лететь на Землю. Звездолет и его экипаж давно готовы.

– Подождем еще немного, – ответил Широков.

Его приводила в отчаяние мысль о разлуке с Дьеньи, разлуки навсегда.

Что касается Синяева, то он согласился бы не только ждать, но и вернуться на Каллисто, несмотря на явную опасность.

– Может быть, – поддержал он своего товарища, – произойдет перелом. Наш организм справится, и все будет в порядке. Мы не хотим упускать ни одного шанса.

– Ни одного шанса у вас нет, – ответил Гесьянь. – Но делайте, как хотите. Только я должен предупредить вас, что вы рискуете совсем не вернуться на Землю и навсегда остаться здесь.

– Здесь или на Каллисто?

– Именно здесь. На Каллисто вас ждет быстрая смерть.

Эти слова заставили Синяева призадуматься.

Широков сознавал, что на него ложится огромная ответственность. Его друг в этом вопросе полагался на него. Он должен был сказать решающее слово. Оно было неизбежно, но со дня на день Широков откладывал, надеясь неизвестно на что.

Но опасные колебания прекратились самым непредвиденным образом.

Казалось, ничто уже не могло удивить Широкова и Синяева после всего, что они видели и испытали. Но то, что произошло, поразило их не меньше, чем всех каллистян на обеих планетах. Это случилось на третий день после отлета с Сетито корабля Линьга. Он улетел, чтобы доставить запасы продовольствия, которые подходили к концу. Никто не предполагал, что пребывание на Сетито так затянется.

К большому удивлению Синяева и горю Широкова, Дьеньи улетела с Линьгом. Она не сказала, что побудило ее к этому, и не только Широков, но и Синяев не решились спросить.

Она попрощалась с ними так, как прощалась обычно на Каллисто.

– Она вернется, – сказал Синяев. Но Широков не верил ему.

Прошло три дня.

И вдруг бьеньетостанция оранжевого острова передала неожиданную и радостную весть: на Каллисто получен ответ с Земли!

«Передайте нашим дорогим друзьям, – гласило сообщение, – что с Земли получена первая тесиграмма на русском языке. Первый опыт прямой связи увенчался полным успехом. Все знаки приняты и записаны. Бьяининь занят расшифровкой. Как только он закончит работу, полный текст будет немедленно передан на Сетито. Горячо поздравляем Широкова и Синяева с поразительным успехом техники и науки их родины. Теси-установка построена на Земле в немыслимо короткий срок».

Гесьянь, с сияющим от радости лицом, буквально ворвался к Широкову и Синяеву с

этим сообщением. Он порывисто обнял их, видимо всем существом радуясь вместе с ними.

Вслед за Гесьянем в комнате собрались все каллистяне, бывшие на Сетито. Они так искренне радовались огромному успеху науки Земли, точно это был успех Каллисто.

И в этой так ясно выраженной атмосфере чистой дружбы и всеобщей радости Синяев не выдержал. Он пустился вприсядку, продемонстрировав каллистянам бурную стремительность русской пляски.

– Скоро Бьяининь сумеет закончить расшифровку? – спросил Широков у Лениньга. – Как вы думаете?

– Следующая связь назначена через четыре часа, – ответил инженер.

И можно сказать без преувеличений, что эти четыре часа показались всем длиннее трех месяцев, проведенных на Сетито.

Со дня старта каллистянского звездолета на Земле прошло почти двенадцать лет. Многие могло случиться за этот срок. Многие из тех, кого любили Широков и Синяев, могли уйти из жизни, – это волновало их больше всего.

На всю жизнь запомнили они мучительно-тревожные двести шестьдесят четыре земные минуты.

Точно в назначенное время по экрану побежали долгожданные линии бьенъетогаммы.

Лениньг записывал текст. Широков и Синяев, стоя за его спиной, читали из-под его руки.

Они были твердо уверены, что в этой первой тесиграмме, адресованной им, с Земли сообщат то, что им хотелось узнать в первую очередь, и не ошиблись.

Начало тесиграммы – «Героям Земли Широкову и Синяеву» – прошло как-то мимо их сознания. Они не обратили на эти слова никакого внимания, ожидая дальнейшего.

«Сообщаю вам, что все лица, присутствовавшие при вашем отлете на Каллисто, живы».

Широков слышал, как судорожно вздохнул Синяев, но не обернулся.

«Семья Георгия Николаевича также жива и здорова. Ожидает сына и брата...»

Пальцы Синяева до боли сжали плечо Широкова, но и это не могло заставить его отвести глаза от руки Лениньга.

«На Земле жизнь идет так же, как шла при вас. Спокойно работайте и знайте, что все, кого вы любите, встретят вас на Земле. Передайте благодарность науке Каллисто, спасшей жизнь матери Синяева. Подробности в следующих сообщениях. Эта телеграмма будет повторена в ближайшие два дня. С любовью обнимаем вас. Директор Института Каллисто – Козловский».

Лениньг записал последнее слово и передал листок Широкову. Потом он встал и вышел вместе со всеми каллистянами, присутствовавшими при приеме.

Люди Земли остались одни.

– Ну вот! – растерянно сказал Широков.

– Да, – ответил Синяев.

И это было все, что они сумели сказать друг другу, потрясенные безмерной силой счастья.

– Почему он пишет, что наука Каллисто спасла мою мать? – спросил Синяев после продолжительного молчания.

– Я думаю, что это надо понимать так, что Зинаида Александровна была тяжело больна и они воспользовались сведениями, полученными из каллистянских медицинских книг.

– Все живы! – прошептал Синяев.

– Больше того, – ответил Широков. – Николай Николаевич сообщает, что все останутся живы до нашего возвращения. Он не такой человек, чтобы бросать слова на ветер.

– Как же он может это знать?

– Не знаю, но уверен, что у него есть основание так говорить.

Почему же Козловский не сообщил о смерти отца Синяева? Правильно ли он поступил? Не лучше ли было сказать правду? Не будет ли для Синяева еще тяжелее узнать правду после того, как его заверили, что на Земле его встретят все? Трудно ответить на такой

вопрос. Может быть, Козловский считал, что радость встречи ослабит горе? Возможно!

Друзья десятки раз перечитывали дорогие строчки. Но только из следующих сообщений они поняли, что «Герои Земли» не было случайными словами, что это высокое звание действительно присвоено им. О том, что они испытали при этом, легко догадаться.

Каждый день бьеньетостанция оранжевого острова передавала на Сетито очередной разговор Каллисто с Землей. Первую тесигramму, конечно, не пришлось повторять. Каллистяне сразу ответили Земле и сообщили, что текст принят полностью.

Все, что произошло на Земле за время отсутствия Широкова и Синяева, стало им известно. Как будто и не было долгой разлуки.

Выяснилось, что быстрота ответа, так удивившая каллистян, получилась потому, что ученые Земли сразу, как только поняли принцип, увидели возможность упростить установку и даже производить передачу не с Луны, а прямо с Земли. Мьеньонь и Зивьень сообщили Широкову и Синяеву, что на Каллисто с нетерпением ожидают, когда будет получен технический текст, так как способ передачи, примененный на Земле, им совершенно непонятен.

«Ваша наука приводит нас в восхищение», – «писал» Зивьень.

Оба друга несказанно жалели, что не могут сами увидеть на небе Каллисто вспышки, посланные родной рукой.

И каллистяне догадались об этом.

Когда вернулся звездолет Линьга, на нем была доставлена серия снимков, на которых отчетливо были видны эти вспышки – голос Земли.

Широков ни на минуту не переставал ожидать прилета Линьга. В глубине его сердца таилась надежда на возвращение Дьеньи.

Но вот корабль опустился на равнину перед холмом. Вышли Линьг и члены его экипажа. Дьеньи не было.

– Она осталась на Каллисто, – ответил Линьг на вопрос Синяева.

– Этого следовало ожидать, – по-русски с горечью сказал Широков. – Что ей делать здесь? Что мы для нее?

– Все же мне кажется это странным, – ответил Синяев. – Ведь Дьеньи – член экипажа корабля. А корабль здесь.

– Я привез вам тесигramму от Козловского, – сказал Линьг, еле-еле выговорив фамилию.

Текст был кратким:

«Приказываю вам во всем подчиняться требованиям Бьиньга. Козловский».

– Кто он такой, в конце концов, – сердито сказал Синяев, – чтобы приказывать нам?

– Это приказ партии, – ответил Широков.

– Бьиньг просил передать вам, что будет сделано все возможное, чтобы вы остались, – сказал Линьг.

– И на том спасибо, – ответил Широков. – Я не возражаю против того, чтобы лететь на Землю хоть сейчас. Вся перелесть Каллисто померкла в его глазах.

ЭПИЛОГ

ВСТРЕЧА В ПРОСТРАНСТВЕ

И неизбежное совершилось. Однажды утром, встав с постели, Широков и Синяев увидели на равнине белый шар космического корабля.

Зловещий смысл его появления не требовал никаких пояснений. Они сразу поняли, что это значит. Для перелета с Каллисто на Сетито исполинский звездолет был не нужен. Для

этой цели были вполне достаточны «корабли внутренних рейсов», подобные кораблям Бьесы и Линьга.

Настал день, к мысли о котором они приучали себя все это время и который, как им казалось, уже не вызывал в них ни печали, ни сожалений.

Но когда они увидели так хорошо знакомый корабль и поняли, что настал конец, то почувствовали, как сжалось сердце и к горлу подступили слезы. В этот момент они испытали острую жалость к себе. Обидно до боли было осознать, что даром потрачены долгие годы, что их самоотверженная попытка проникнуть в жизнь другого мира закончилась фатальной неудачей.

Несколько минут они молча смотрели на белый звездолет, отчетливо вырисовывающийся на фоне зеленой равнины и далекого леса, потом отвернулись от окна и посмотрели в глаза друг другу.

– Все! – сказал Широков.

– Конец! – отозвался Синяев.

И они обнялись, словно хотели передать друг другу мужество, которого так не хватало сейчас каждому из них.

– Ничего! – сказал Широков. – Наш полет все-таки будет не напрасным. Приобретен опыт, который сослужит хорошую службу тем, кто после нас посетит Каллисто более удачно.

– Будем утешаться этим, – уже совсем спокойно, обычным тоном ответил Синяев.

Звездолет, очевидно, только что прилетел. Они видели, как с его вершины на крыльях начали спускаться члены экипажа.

Их было очень много.

– Очевидно, провожающие, – сказал Синяев. Он посмотрел на Широкова и в глазах друга прочел мучительную тревогу. – Она тоже прилетела, – прибавил он как мог увереннее. – Жестокость не свойственна каллистянам. Ведь она знает...

– Жалость, – прошептал Широков.

Синяев нахмурился. Мысль, что Дьеньи могла прилететь из жалости к его товарищу, оскорбила его.

– Я пойду туда, а ты оставайся здесь. Если ее нет, тебе будет трудно сдержаться. Я дам тебе знак. Следи за мной в бинокль.

Широков остался один.

Он не мог бы сказать, что было бы легче для него: чтобы Дьеньи прилетела или осталась на Каллисто. Не позже как завтра звездолет возьмет старт. Стоило ли мучить себя столь кратким свиданием? Ему казалось, что Дьеньи должна была рассуждать так же и остаться.

Он сидел погруженный в свои мысли, забыв о словах Синяева. Беспольный бинокль лежал на столе.

Легкие шаги слышались в комнате рядом.

Дьеньи! Он узнал ее сразу, еще не видя.

Она подошла к нему, просто и естественно обняла его. Он почувствовал нежное прикосновение ее пальцев. Нет, не пальцев... Его лба коснулись ее губы.

– Я не могла поступить иначе, – сказала она. – Я хотела проверить себя. И проститься с матерью. Теперь я готова лететь с вами на Землю.

* * *

На звездолете прилетело сорок два человека. Тут были все, кто летал на этом корабле на Землю, и многие другие.

– Все население Каллисто, – сказал Женьсиньг, – просило меня передать вам глубокое сожаление, что ваше пребывание на Каллисто было столь кратким. Но эта неудача послужит

уроком для будущего.

– Это неизбежно? – спросил Широков.

– Судя по донесениям Гесьяня, – ответил Бьиньг, – неизбежно и обязательно. Но мы сейчас убедимся в этом.

Кроме него, на Сетито прилетело несколько самых известных врачей Каллисто. Перед этой блестящей комиссией, состоявшей из светил медицинской науки, стояла задача вынести окончательный приговор.

Каллистяне горячо желали найти хоть малейшую возможность вернуть своих гостей на Каллисто, но все надежды оказались напрасными. Неосторожный прилет, почти без всякой подготовки, сделал свое дело.

Старт был назначен на утро следующего дня.

– Я привез вам радостную весть, – сказал Рьиг Дигонь. – Перед нашим отлетом с Каллисто с Земли было сообщено, что ровно через два года, по земному счету лет, к нам вылетит экспедиция в составе шестнадцати человек.

– Счастливицы! – вздохнул Синяев.

– А их не постигнет наша участь? – спросил Широков.

– Нет. Мы сообщили на Землю обо всем, что случилось с вами, и ваши ученые предупреждены. В сообщении говорится, что все шестнадцать приступили к подготовке, которая устранил опасность. Спектры Рельоса переданы на Землю. Вам обоим никто не мешает еще раз прилететь к нам, – прибавил он, видя, как помрачнели лица Широкова и Синяева.

Как всегда, он угадал их мысли.

Действительно, им стало очень горько. Существовала возможность подготовить человека к лучам Рельоса, не допустить того, что случилось с ними. Почему же никто не подумал об этом раньше?..

Правда, никто не знал, что между Рельосом и Солнцем есть такая значительная разница.

– Нет уж! – ответил Дигоню Синяев. – Такие путешествия два раза не делаются. Наша песня спета. Выходит, – круто изменил он тему, – что мы встретимся с этим кораблем.

– Да, – ответил Мьеньонь. – Козловский сообщил точный день и час старта. Мы произвели расчет. Командир нашего звездолета знает, когда произойдет встреча.

Экипаж корабля был полностью другим. Десять каллистян выразили желание лететь на Землю и стремились к ней, как раньше стремились на Каллисто Широков и Синяев.

Все двигатели звездолета были заменены новыми, более мощными и совершенными. Командиром на этот раз был совсем молодой ученый, которого звали Гедьонь.

– На звездолет погружено все, что нужно для полного освещения нашей жизни и истории, – сказал он Широкову. – Этим мы отвечаем Земле за ее подарки, сделанные нам. Музей Земли уже построен. Вы сможете построить у себя Музей Каллисто. Список я передам вам в пути.

* * *

Подобно белой молнии мчался звездолет Каллисто через черные бездны Вселенной, от Рельоса к Солнцу, неся на борту тринадцать человек, с нетерпением ожидающих конца далекого пути.

За его кессиндовыми стенками, в каютах, в центральном посту – всюду звучала русская речь. Каллистяне настойчиво изучали трудный для них язык.

Один за другим проходили месяцы. Неутомимый корабль оставлял за собой один триллион километров за другим, неуклонно приближаясь к цели.

Широков и Синяев все реже вспоминали свою роковую неудачу. Их мысли летели быстрее звездолета, вперед, к Родине.

Настал, наконец, день, когда, по расчетам, должна была состояться знаменательная встреча двух кораблей.

С самого «утра» Широков и Синяев, да и не только они, находились в возбужденно-приподнятом настроении.

– Странно подумать, – сказал Широков, – что где-то близко находятся наши братья – люди Земли.

– Близко? – улыбнулся Синяев. – О, нет! Они невообразимо далеко. Самого пылкого воображения не хватит, чтобы представить себе это расстояние.

– А мы не можем столкнуться?

– Что ты! Две пули, выпущенные с расстояния трех километров, имеют в миллион раз больше шансов столкнуться, чем два звездолета в мировом пространстве. Это совершенно немыслимо.

Когда приблизился назначенный час, весь экипаж собрался у центрального пульта.

Ни в какой телескоп нельзя было увидеть встречный космический корабль, даже точно зная его местонахождение. Сумма скоростей двух звездолетов, летящих навстречу друг другу, почти вдвое превышала скорость света.

Каллистяне договорились с Землей, что в момент встречи на обоих кораблях запустят на полную мощность радиопередатчик. Но удастся ли услышать хоть на мгновение радиосигнал, никто сказать не мог. Подобные опыты еще никогда и никем не производились.

Не надеясь на слух, Гедьонь включил самопишущий прибор. Тонкая прямая линия медленно двигалась по экрану. Тринадцать человек, люди и каллистяне, не спускали глаз с этой линии.

Широков подумал о тех шестнадцати, которые в этот момент, собравшись на командном пункте своего корабля, с таким же напряженным вниманием следят за показаниями своего прибора. Кто они? Было более чем вероятно, что экипаж земного звездолета состоит из молодых ученых. В то время, когда Широков и Синяев вылетали на Каллисто, эти люди были еще подростками. Теперь они летели по пути, проложенному двумя их старшими братьями, чтобы продолжить и развить дальше начатое ими дело.

«Как жаль, – подумал Широков, – что мы не можем увидеть их, обменяться взглядом, улыбкой, пожелать счастливого пути».

– Услышим ли хоть одно слово? – спросил он.

– Безусловно нет, – ответил Гедьонь. – Самая длинная фраза прозвучит в доли секунды. Ведь мы летим к ним навстречу со скоростью, почти равной скорости радиоволны. А если учесть и их скорость...

И только успел он произнести последнее слово, как все поняли, что долгожданная встреча уже в прошлом.

Когда она произошла?

Никакой секундомер не смог бы зафиксировать это неуловимое мгновение.

Они увидели, что на экране вдруг возникла тонкая вертикальная черточка, точно острый выступ, вычерченный сверхчувствительным электронным лучом. И одновременно прозвучал какой-то звук. Никто не услышал бы его (так он был короток), если бы слух людей не был так напряжен в ожидании. Точно мгновенный вскрик, прозвучал он неизвестно откуда и неизвестно куда исчез в безднах бесконечной Вселенной, привет, произнесенный не на человеческом языке...

И оба человека Земли почувствовали, как мучительной и сладкой болью отозвался этот звук в их сердцах. Это был голос Земли, голос Родины, первое приветствие, обращенное к ним, возвращающимся на Землю. И на миг им показалось, что они видят крохотную точку космического корабля, уносящего их братьев туда, откуда они сами летели к Земле, корабля, который в эту минуту находился уже в десятках миллионов километров от них.

– Встреча состоялась с поразительной точностью, – сказал Гедьонь.

* * *

И снова понеслось быстрокрылое время.

Чем ближе была Земля, невидная еще даже в мощные «телескопы» корабля, тем больше волновал вопрос: что они увидят на ней?

Во время полета не могло быть никакой, даже теси-связи. От старта на Сетито до финиша на Земле пройдет одиннадцать лет. Что случится за эти годы? Какие события произойдут в жизни людей? Кто встретит их? Кого они больше не увидят?

Широков и Синяев испытывали то же самое, что и каллистяне, когда звездолет Диегона приближался к Рельосу. И хотя они верили обещанию Козловского, тревога против воли росла.

Дьеньи разделяла их чувства. Земля должна была стать ее второй родиной.

Гедьонь намеревался провести на Земле пять лет. Дьеньи не знала, полетит ли она с ним обратно или останется на Земле.

– Если я захочу вернуться, – говорила она, смешно коверкая русские слова, – мы вернемся вместе.

И Широков знал, что, если она скажет, он снова полетит на Каллисто.

Каллисто!

Она осталась далеко позади, скрывшись в необъятных просторах, как мимолетный призрак, порожденный мечтой о жизни, достойной человека.

Широков и Синяев были уверены, что рассказ о Каллисто, обо всем, что они успели увидеть на ней, в каждом, кто будет их слушать, вызовет желание построить и на Земле такую же жизнь.

– Нет, – говорил Синяев, – не такую же, а гораздо лучшую.

– Да, – отвечал Широков. – Гораздо лучшую.

Они были дети Земли и верили в творческие силы человечества.

Солнечно-прекрасная жизнь вставала перед ними. Она была возможна и зависела только от самих людей. Позади осталось доказательство этого – Каллисто, «мир будущего», куда они первыми из людей заглянули на миг, но навсегда сохранили в своем сердце.

Все ближе и ближе была Земля!

Родина, желанная и любимая!